

A
STAGE DIVE
NOVEL

Сыграем

Кайли Скотт

USA TODAY BESTSELLER

Малу Эриксону, барабанщику всемирно известной рок группы, необходимо очистить свой имидж быстро — по крайней мере, на некоторое время. Присутствие хорошей девочки в его объятиях должно дать необходимый эффект. Мал не планировал, что эти временные отношения, превратятся в постоянные. Но он также не рассчитывал, что найдет единственную правильную девушку. Энн Роллинс никогда не думала, что она познакомится с рок-богом, который украшал стены ее подростковой спальни — особенно не при таких обстоятельствах. У Энн проблемы с деньгами. Большие проблемы. Но ей заплатили, чтобы она сыграла мнимую подругу дикого душа-компании барабанщика, и это не могло закончиться хорошо. Не зависимо от того, насколько он горяч. Или могло?

Кайли Скотт
Сыграем

Глава 1

Что-то было не так. Я поняла это в тот самый момент, как только зашла в квартиру. Одной рукой я включила свет, а другой — кинула свою сумку на диван. После тускло освещенного коридора резкий яркий свет меня ослепил. У меня перед глазами замелькали небольшие вспышки света. Когда они исчезли, моему взгляду открылось пустое пространство... пусто было там, где еще этим утром были вещи.

Например, диван.

Моя сумка упала на пол, и все ее содержимое вывалилось наружу: тампоны, мелочь, ручки и косметика. Дезодорант закатился в угол. В тепер уже пустующий угол, так как находившийся там раньше столик с телевизором исчез. Мой стол и стулья в стиле ретро из секонд-хенда остались на месте, точно так же, как и мой забитый битком книжный шкаф, но все равно большая часть комнаты была пуста.

— Скай?

В ответ тишина.

— Какого хрена? — Тупой вопрос. То, что здесь произошло, было кристально ясно. Напротив того места, где я стояла, находилась настезь распахнутая дверь комнаты моей соседки по квартире. Внутри ничего — только темнота и клочья пыли. Нет смысла отрицать очевидное.

Скай меня кинула.

Мои плечи поникли, когда я осознала, что вся ответственность за двухмесячную задолженность по аренде квартиры и коммунальным платежам полностью легла на мои плечи. Мое горло сжало судорогой. Так вот значит, что чувствуешь, когда тебя кинула близкая подруга. Я едва могла дышать.

— Энн, можно у тебя одолжить бархатное пальто? Я обещаю, что буду... — Лорен, моя соседка по площадке, шагнула внутрь (у нее не было привычки стучаться). Затем она, как и я, застыла на месте, как вкопанная.

— А где твой диван?

Я глубоко вздохнула, а затем медленно выдохнула. Это не помогло.

— Полагаю, его забрала Скай.

— Скай съехала?

Я открыла рот, чтобы ответить, но, на самом деле, о чем тут говорить?

— Она съехала, и ты об этом ничего не знала? — Лорен вскинула голову, потрянув копной длинных темных волос. Я всегда завидовала тому, какие у нее волосы. Мои были рыжевато-светлыми и тонкими. Если они отрастали ниже плеч, то висели сосульками, как будто я засунула голову в ведро с жиром. Поэтому я всегда отращивала их только до подбородка.

Не то чтобы волосы имели значение.

Оплатить аренду — имело значение.

Наличие продуктов — имело значение.

А прическа? Не очень-то.

Мои глаза защипало, предательство ранит очень сильно. Мы со Скай были подругами на протяжении многих лет. Я ей доверяла. Мы сплетничали о мальчиках и делились секретами, плакали друг у друга на плече. У меня просто не укладывалось все это в голове.

Хотя все понятно.

Это было очень больно признавать.

— Нет, — мой голос звучит незнакомо. Я с трудом сглатываю застрявший в горле ком. — Я не знала, что она собирается съезжать.

— Странно. Вы ведь всегда так хорошо ладили.

— Ага.

— Почему она тогда сбежала?

— Она задолжала мне денег, — призналась я, опускаясь на колени, чтобы собрать обратно содержимое своей сумки. Не для того, чтобы помолиться Богу. Я уже давно в нем разочаровалась.

Лорен ахнула.

— Ты шутишь! Вот грязная сучка!

— Детка, мы опаздываем, — Нейт, еще один мой сосед по площадке, заполнил собой дверной проем, нетерпеливо поглядывая на Лорен. Он был высоким, хорошо сложенным парнем с характером. Обычно я завидовала Лорен из-за ее парня, но сейчас все очарование Нейта не могло оказать на меня никакого воздействия. Я была так подавлена.

— Что происходит? — спросил он, осматриваясь. — Привет, Энн.

— Привет, Нейт.

— А где все твоё барахло?

Лорен всплеснула руками:

— Скай забрала ее вещи.

— Нет, — поправляю я, — Скай забрала свое барахло, но она взяла мои деньги.

— Сколько денег? — спросил Нейт, и от гнева его голос звучал на октаву ниже.

— Достаточно много, — ответила я. — Я давала ей в долг с тех пор, как она потеряла работу.

— Вот дерьмо, — пробормотал Нейт.

— Именно, — именно так.

Я подобрала с пола свой кошелек и открыла его. Шестьдесят пять долларов и один блестящий четвертак. Как я могла это допустить? Моя зарплата, которую получила в книжном, уже истрачена, а сумма кредита на карточке достигла максимально допустимой отметки. Лиззи нужно было вчера заплатить за учебники, и я не смогла ей отказать.

Этим утром я сказала Скай, что нам надо поговорить. Весь день потом я чувствовала себя из-за этого дерьмово: все внутренности скручивало в жгут. Потому что, по правде говоря, во время нашего утреннего разговора мне пришлось ей сказать прямо, что она должна занять денег у родителей или у своего нового бойфренда-пижона, чтобы вернуть мне долг. Я больше была не в состоянии платить за нас обеих аренду и покупать продукты, пока она искала новую работу. Ей также нужно было попроситься к кому-то из них пожить. Да, я, можно так сказать, давала ей пинка под зад, не оставив выбора. Чувство вины висело камнем на душе.

Очень иронично, правда?

Каковы были шансы, что она испытывала угрызения совести, кинув меня? Никаких.

Я закончила собирать содержимое своей сумочки и застегнула ее на молнию.

— Ах, да, Лорен, пальто висит у меня в шкафу. Ну, я надеюсь, что все еще висит. Можешь его взять.

Через восемь дней нужно было платить за аренду. Может со мной случилось бы чудо? Я

была уверена, что можно найти какого-нибудь состоятельного двадцати трехлетнего парня или девчонку со сбережениями в банке. Может быть, кто-нибудь из них ищет съемное жилье? До этого момента у меня не было серьезных проблем. Хотя у нас с сестрой постоянно появлялись более неотложные нужды, чем забота о будущей финансовой стабильности. Книжки, одежда, выход в свет — все те маленькие приятные мелочи, что скрашивают жизнь. Мы и так во многом себе отказывали. А теперь я здесь, без денег и на коленях.

Наверное, мне надо было лучше распорядиться своими деньгами. Жить одним днем не годилось.

В худшем случае я, возможно, смогла бы изловчиться и ночевать какое-то время на полу в комнате Лиззи в общежитии, если мы были бы мегаосторожными. Видит бог, у нашей матери нет денег. Просить ее о помощи — не вариант. Если бы я продала жемчуга своей двоюродной тетушки, мне бы хватило, чтобы внести аванс за новую квартиру, в этот раз поменьше, чтобы я была в состоянии сама платить за нее.

Я как-нибудь все утрясу. Конечно, утрясу. Мне никогда не было равных в деле разгребания дерьма.

И если еще когда-нибудь Скай попадетсЯ мне на глаза, я прибью ее нахрен.

— Что будешь делать? — спросил Нейт, опираясь о дверной косяк.

Я поднялась на ноги, отряхивая свои черные брюки.

— Я что-нибудь придумаю.

Нейт взглянул на меня, и я посмотрела на него в ответ, стараясь казаться спокойной. Что бы он не сказал далее, лучше бы это была не жалость. Мой день был и так достаточно дерьмовым. Излучая непоколебимую решительность, я ему улыбнулась.

— Итак, куда вы собрались?

— На вечеринку к Дэвиду и Эв, — раздался голос Лорен из моей комнаты. — Ты должна пойти с нами.

Эв, сестра Нейта и бывшая соседка Лорен по квартире, пару месяцев назад вышла замуж за Дэвида Ферриса, главного рок-бога и ведущего гитариста группы «Стейдж Дайв». Это длинная история. Если честно, то я все еще не могла в нее поверить. Только что она была милой светловолосой соседкой, которая училась в том же колледже, что и Лиззи, и делала убойный кофе в кафе Руби. А затем территорию перед зданием нашего дома наводнили папарацци. Скай даже умудрилась пару раз дать интервью, когда выходила из подъезда, хоть она ничего и не знала. Я обычно проскальзывала через заднюю дверь.

В основном наши с Эв отношения состояли из приветствия, если мы сталкивались на лестнице, когда она еще жила здесь, и еще мы виделись каждое утро, когда я по пути на работу заскакивала в кафе Руби за огромным стаканом кофе. Наши отношения можно было назвать приятельскими. Но я бы не сказала, что мы были именно друзьями. Из-за склонности Лорен одалживать чужую одежду, я знала ее намного лучше, чем Эв.

— Ей следует пойти с нами, правда, Нейт?

Нейт что-то пробурчал, соглашаясь. Это прозвучало как согласие либо как выражение безразличия. По его тону нельзя было понять наверняка.

— Все в порядке, — запротестовала я. В тех местах на полу, где некогда стояли диван и столик для телевизора, покоился толстый слой пыли — это все, что оставила после себя Скай. — Почитаю новую книжку, хотя наверно лучше будет взяться за уборку. Пол под мебелью, кажется, не протирали уже очень давно. По крайней мере мне не придется

двигать мебель для уборки.

— Пойдем с нами.

— Лорен, меня ведь не приглашали.

— Нас тоже в большинстве случаев не приглашают, — сказал Нейт.

— Они нас обожают! Для них мы всегда желанные гости, — Лорен выплыла из моей комнаты и одарила своего парня уничижительным взглядом. Мое черное винтажное пальто сидело на ней в тысячу раз лучше, чем на мне, но я не собиралась тихо ненавидеть ее за это. Если этот мой поступок не поможет мне после смерти попасть на небеса, то тогда уже ничего не поможет. Возможно, я подарю ей это пальто на прощание, перед тем как съехать с квартиры.

— Ну же, Энн, — сказала она, — Эв совсем не будет против.

— Ну что, готова? — Нейт нетерпеливо вертел в руках ключи от машины.

Идти на тусовку с рок-звездами, кажется, не очень хорошая идея, когда ты только что узнал, что скоро окажешься на улице. Может быть когда-нибудь, когда я буду выглядеть не как разбитое корыто, а на все сто, я смогу явиться на подобную вечеринку и как следует оттянуться. Но этот день не сегодня. Я чувствовала себя очень уставшей, побежденной. Если взять во внимание то, что я чувствую себя подобным образом, с тех самых пор как мне стукнуло шестнадцать, то мое состояние не являлось таким уж серьезным оправданием. Но Лорен знать об этом было совсем не обязательно.

— Спасибо, ребята, — произнесла я, — но я только что пришла домой.

— Ээ, дорогая, твой дом в данный момент выглядит немного паршиво, — Лорен обвела взглядом клочья пыли, минимум мебели и отсутствие декора. — Кроме того, сегодня ведь пятница. Кто сидит дома вечером в пятницу? Так и пойдешь в своей рабочей одежде или переоденешься в джинсы? Я бы посоветовала джинсы.

— Лорен...

— Не начинай.

— Но...

— Нет, я сказала, — Лорен схватила меня за плечи и взглянула в глаза. — Тебя кинула твоя близкая подруга. Я даже слов подобрать не могу, чтобы описать, как я зла. Ты пойдешь с нами. Можешь весь вечер сидеть в углу, если хочешь. Но я не допущу, чтобы ты сидела сегодня вечером одна по вине этой двуличной стервы. Ты в курсе, что я никогда не была в восторге от нее.

А мне, идиотке, она нравилась. Ладно, проехали.

— Я ведь говорила тебе об этом, Нейт?

Нейт пожал плечами и продолжил играть своими ключами от машины.

— Иди, собирайся, — Лорен слегка подтолкнула меня в направлении моей комнаты.

В данных обстоятельствах это, наверное, была моя единственная возможность познакомиться с Дэвидом Феррисом. Эв иногда появлялась тут с визитами, но его я никогда не видела, хотя частенько «зависала» на ступеньках в надежде на чудо. Он не был моим любимчиком среди четверки «Стейдж Дайв». Эта честь досталась барабанщику, Малу Эриксону. Пару лет назад я с ума по нему сходила. Но все же... Дэвид Феррис. Ради возможности познакомиться хотя бы с одним из них уже стоило пойти. Пару лет назад их группа была одной из моих любимых. Не потому что они все выглядели как настоящие рок-боги. Нет, мне нравилась их музыка.

— Ну, хорошо, через десять минут буду готова, — именно столько мне требовалось по

минимуму, чтобы морально, не физически, подготовиться к встрече с богатыми и знаменитыми. К счастью, мой внутренний измеритель заинтересованности был опасно близок к отметке «мне на все наплевать!». Значит именно сегодня лучше всего знакомиться с мистером Феррисом. Возможно, мне даже удастся сохранить свое самообладание и не показаться охваченным благоговением пустым местом.

— У тебя пять минут, — крикнул Нейт. — Скоро начнется матч.

— Ты можешь успокоиться? — спросила его Лорен.

— Нет, — Нейт произвел щелкающий звук и Лорен захихикала. Я даже не повернулась.

Мне не хотелось знать. Стены в нашем здании были неприлично тонкими, поэтому подробности ночных шалостей Лорен и Нейта для меня не были секретом. К счастью, большую часть дня я проводила на работе. Что творилось у моих соседей в это время, было для меня тайной покрытой мраком, в отличие от тех часов, когда я находилась дома.

Ладно, иногда я подслушивала, потому что у самой не было никаких отношений в течение долгого времени. И вдобавок я вдруг обнаружила у себя скрытую склонность к подглядыванию.

Действительно ли мне хотелось провести весь вечер, наблюдая, как парочки будут тереться друг об друга?

Я могла бы позвать Риса, но у него на этот вечер было назначено свидание. Ну да, конечно, он постоянно пропадает на свиданиях. Рис был просто идеальным парнем практически во всем, кроме своей неумной любвеобильности. Мой лучший друг, мягко говоря, не мог пропустить ни одной юбки. Он состоял в очень близких отношениях с большей частью женского населения Портленда возрастом от восемнадцати до сорока восьми. Собственно, практически со всеми, кроме меня.

Но я не расстраивалась по этому поводу.

Меня устраивали наши чисто дружеские отношения. Хотя я верила, что однажды мы сможем стать очень хорошей парой. С ним было так легко. Мы смогли бы отлично поладить друг с другом, ведь у нас было столько общего. Ну а пока я находилась в ожидании этого прекрасного момента, я продолжала жить своей жизнью. Не то что бы я встречалась с кем-то или сохла по кому-то, но вы поняли, что я имею в виду.

Рис с готовностью выслушал бы мои стенания по поводу Скай. Он, наверное, даже отменил бы свое сегодняшнее свидание, чтобы придти ко мне и составить компанию, пока я буду занята уборкой. И он совершенно точно сказал бы мне «а ведь я тебя предупреждал». Когда он узнал, что я позволяла ей жить за мой счет, он это не одобрил. Он сразу же заподозрил, что, в конце концов, она меня кинет. Выходит, он был прав на все сто десять процентов.

Хотя моя рана была еще слишком свежа, чтобы ее тревожить. Поэтому... сегодня никакого Риса. Вероятнее всего, Лиззи примется промывать мне мозги не хуже, чем Рис. Ни один из них не одобрял моего плана по спасению Скай. Решение принято. Я пойду на вечеринку и хорошенько там оттянусь, прежде чем мой мир утонет в дерьме.

Отлично. Я справлюсь.

Я не могла сделать это.

Дэвид и Эв жили в элитном многоквартирном доме в Перл Дистрикт. Квартира занимала половину верхнего этажа в прекрасном старом здании из коричневого кирпича. Должно быть, это было нереальным для Эв переехать из нашего убого, продуваемого сквозняками, с тонкими стенами здания в подобное великолепие. Наверное, это было потрясающе. Старое многоэтажное здание располагалось на краю Даунтауна, делового центра, близко к университету, но Дэвид с Эв жили прямо в самом центре очень крутого и дорогого Перл Дистрикт.

К счастью, Эв, казалось, была рада меня видеть. Один потенциально неловкий момент был исключен. Муж Эв, рок-звезда, слегка кивнул мне в знак приветствия, в то время как я старалась не пялиться на него. Я испытывала непреодолимое желание попросить его подписать что-нибудь. Хотя бы мой лоб.

— Угощайся на кухне, чем захочешь, — сказала Эв. — Там полно напитков и скоро будет пицца.

— Спасибо.

— Ты живешь по соседству с Лорен и Нейтом? — спросил Дэвид, впервые заговорив. Боже милостивый, его темные волосы и скульптурное лицо были потрясающими. Люди не должны быть такими завистливыми; разве недостаточно того, что он безумно талантлив?

— Да, — ответила я, — я была соседкой Эв, и я частый посетитель кафе Руби.

— Каждое утро, без пропусков, — подмигнув, сказала Эв. — Двойной обезжиренный латте с карамелью?

Дэвид кивнул и, казалось, расслабился. Он приобнял рукой свою жену за талию, и она ему широко улыбнулась. Любовь ее украшала. Я надеялась, что они будут и дальше вместе.

Я любила, по-настоящему любила, четырех людей в своей жизни. Конечно же, не все из них были моими парнями. Но я доверила бы свое сердце каждому из этих людей. Трое потерпели неудачу. Таким образом, я посчитала, что есть еще двадцати пяти процентная вероятность на успех.

Когда Дэвид с Эв начали целоваться всасос, я поняла это как намек, что мне пора пойти осмотреться.

Я взяла на кухне (которая была предметом искусства и за пределами воображения) пиво и стояла перед большой гостиной, полная решимости. Я вполне могла сделать это. Общение и я собирались стать лучшими друзьями. В комнате разместились пару десятков человек. На огромном плоском экране с громким звуком отображалась игра, и восторженный Нейт сидел, застыв перед ним. В толпе было еще несколько лиц, которые я узнала; однако большинство из них были людьми, к которым я никогда не осмелюсь подойти. Я сделала глоток пива, чтобы смочить пересохшее горло. Быть лишним на вечеринке — это уникальный вид пытки. Учитывая сегодняшние события, мне не хватало смелости начать разговор. С моим талантом выбирать тех, кому можно доверять, мне лучше попросить топор убийцы, как его отличительный знак.

Лорен помахала мне, приглашая присоединиться к ней, когда в заднем кармане джинсов начал вибрировать мой мобильный. Я махнула ей рукой и вытащила телефон, быстро выходя на балкон, чтобы избежать шума и болтовни. В тот момент, когда я закрыла

двери балкона, на экране высветилось имя Риса.

— Привет, — сказала я, улыбаясь.

— Свидание отменилось.

— Какая жалость.

— Чем занимаешься?

Мои волосы раздувал ветер, вызывая дрожь. Обычная погода для Портленда в это время года — октябрь определенно может быть холодным, влажным, пасмурным и скверным. Я посильнее укуталась в свою синюю шерстяную куртку.

— Я на вечеринке. Тебе придется самому развлечь себя. Прости.

— Вечеринка? Какая вечеринка? — спросил он с возросшим интересом.

— На той, на которую я не была приглашена, поэтому не могу позвать и тебя.

— Черт, — он зевнул. — Да ладно, ничего страшного. Могу лечь сегодня пораньше для разнообразия.

— Хорошая идея.

Я подошла к перилам. Внизу по улице мчались автомобили. Перл Дистрикт являлся скоплением баров, кафе и повсеместного холода. Большое количество людей находилось на улице, не боясь погоды. Все это было вокруг меня — городские огни разогнали тьму, а ветер продолжал завывать. Мне было приятно наблюдать за такой мрачной погодой. Независимо от погоды я любила Портленд. Он так отличался от моего дома в южной Калифорнии, что я очень ценила. Здесь дома были построены, чтобы защищать от снега и льда, а не от солнца. Культура здесь была более причудливая, в некоторых случаях более мягкая. Или, возможно, мне просто с трудом вспоминалось что-нибудь хорошее о моем родном городе. Я сбежала. И это все, что имеет значение.

— Мне нужно быть более общительной, Рис.

— Ты какая-то расстроенная. Что случилось?

Тяжелый вздох.

— Давай поговорим завтра на работе.

— Давай поговорим сейчас.

— Позже, Рис. Мне нужно сделать счастливое лицо, чтобы Лорен гордилась мной.

— Энн, кончай нести фигню. Что происходит?

Я обреченно вздохнула и глотнула еще пива, прежде чем ответить ему. Мы работали вместе в течение почти двух лет. Судя по всему, достаточно времени для него, чтобы разбираться в том, что я говорю.

— Скай ушла.

— Хорошо. Давно пора. Она вернула тебе деньги?

Я позволила тишине быть ему ответом.

— Че-е-е-ерт. Энн. Серьезно.

— Я знаю.

— Что я тебе говорил? — огрызнулся он. — Разве я не сказал...

— Рис, давай не будем об этом. Пожалуйста. В то время я думала, что правильно поступаю. Она была моей подругой и нуждалась в помощи. Я не могла просто...

— Ага, ты могла. Она, черт возьми, использовала тебя!

Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

— Да, Скай, черт возьми, использовала меня. Ты был прав, я ошибалась.

Последовала длинная череда ругательств, в это время я терпеливо ждала. Не

удивительно, что я не хотела обсуждать это. Нельзя было ничего предпринять, чтобы превратить это в гребаную сказку. Во мне закипело разочарование, согревая от холода.

— Как много тебе надо? — спросил он севшим голосом.

— Что? Нет. Я не буду занимать у тебя деньги, Рис. Завязнуть в долгах — это не выход. — Кроме того, владелец бизнеса он или нет, но я не была уверена, что он владел им, чтобы растрачивать. Рис был ни чем не лучше меня в экономии денег. Я знала это благодаря дизайнерской одежде, которую он ежедневно носил на работе. Очевидно, будучи постоянным жителем Портленда мистеру Любовнику был необходим тот еще гардеробчик. Если честно, одевался он исключительно хорошо.

Он вздохнул.

— Знаешь, для той, кто всегда помогает другим, ты дерьмово принимаешь помощь для себя самой.

— Я как-нибудь выкручусь.

Еще один вздох. Я наклонилась через перила и подняла голову, позволяя холодному, мокрому ветру обдуть мое лицо. Приятное чувство, смягчающее головную боль.

— Я собираюсь повесить трубку сейчас, Рис. У них здесь есть пиво и пицца. Я вполне уверена, если хорошенько постараюсь, то смогу найти свое счастливое место.

— Ты собираешься съехать с квартиры, да?

— Вполне вероятно, что да, мне придется переехать.

— Оставайся со мной. Ты можешь приземлиться на моем диване.

— Это мило с твоей стороны.

Я пыталась рассмеяться, однако звук, который я издала, был больше похож на сдавленный кашель. В моей ситуации было много поводов для смеха. Я, спящая на диване Риса, в то время как он спит в соседней комнате с какой-то незнакомкой. Нет. Этого не произойдет. Когда это произошло, я почувствовала себя маленькой и глупой, что позволила Скай играть со мной. Увидеть самой активную сексуальную жизнь Риса было бы слишком для меня.

— Спасибо, Рис. Но я уверена, что ты сделал невыразимые вещи со многими, многими людьми на этом диване. Не уверена, что кто-либо смог заснуть там.

— Думаешь, его преследуют призраки секса?

— Это бы меня не удивило.

Он фыркнул.

— Мой диван к твоим услугам, если он тебе будет нужен, ладно?

— Спасибо тебе.

— Позвони мне, если что-то понадобится.

— Пока, Рис.

— О, и, Энн?

— Да?

— Ты сможешь выйти на работу в воскресенье? У Тары появились какие-то проблемы. Я сказал ей, что ты сможешь ее прикрыть.

— Я провожу воскресенье с Лиззи, — осторожно произнесла я. — Ты же знаешь это.

Ответом Риса была тишина.

Я почти ощущала, как ко мне подкрадывается чувство вины.

— А что если я выйду в другую ее смену? Может, она сможет что-то поменять?

— Ну, посмотрим, не бери в голову. Я разберусь с этим.

— Извини.

— Нет проблем. Поговорим с тобой позже.

И он повесил трубку.

Я убрала телефон обратно в карман, сделала еще глоток пива и посмотрела на город. Темные тучи плыли около луны. Казалось, что сейчас воздух стал холоднее, заставляя мои кости ныть, как будто я была старухой. Мне нужно больше выпить. Пиво поможет мне хотя бы на сегодня. Однако его почти не осталось, и я колебалась, стоит ли возвращаться внутрь.

Ну, все.

Хватит думать об этом.

Как только напиток закончился, моя одинокая вечеринка жалости к себе тоже завершилась. Мне нужно выйти из скрывающей меня тени, вытащить голову из задницы и вернуться внутрь. У меня была возможность, которую я никак не должна упустить, как будто я не мечтала миллион раз или больше о том, чтобы пересечься с кем-то из группы. Я уже встретила Дэвида Ферриса. Так что, желания могут стать реальностью. Когда в следующий раз буду мечтать, мне следует попросить сиськи побольше и зад поменьше, также лучше разбираться, выбирая друзей.

И достаточное количество денег, чтобы оплатить обучение моей сестры в колледже и сохранить крышу над головой, конечно.

— Хочешь еще? — спросил низкий голос, напугав меня. Мой подбородок дернулся вверх, глаза широко раскрылись. Я думала, что одна, но в углу сидел парень. Волнистые светлые волосы до плеч тускло сияли, однако остальная часть его тела оставалась в тени.

Ух, ты.

Нет. Это не может быть он.

Я имею в виду, конечно, может. Но все-таки этого не может быть!

Кем бы он ни был, он, должно быть, услышал половину из телефонного разговора, которого достаточно, чтобы понять, что я была одним из величайших идиотов нашего времени. Я услышала звон и шипение открывающегося пива, затем он протянул мне его. Свет из комнаты отражался от запотевшей бутылки, создавая впечатление, что она блестит.

— Спасибо.

Я шагнула ближе, достаточно близко, чтобы разглядеть его даже при слабом освещении, и потянулась за пивом.

Святое дерьмо. Это был он, Малкольм Эриксон.

Это был лучший момент в моей жизни, о котором я могу официально заявить. Возможно, у меня и висели один или два плаката со «Стейдж Дайв» на стене в спальне, когда я была подростком. Хорошо, может и три. Или двенадцать. Какая разница. Дело в том, что среди них был один плакат, на котором была вся группа. По крайней мере, фотограф думал, что вся. Джимми был впереди, его лицо было искажено, когда он кричал в микрофон. Справа от него наполовину скрытый тенью и дымом был Дэвид, склонившийся над своей гитарой. И слева, в передней части сцены стоял Бен, играя на бас гитаре.

Но они были не так важны. Не совсем.

Потому что за всеми ними был он в огнях, пробивающихся через его барабанную установку. Голый до пояса, потный, на плакате он застыл во время удара, его правая рука вытянута вперед, направленная к своей цели, к тарелке, которую он собирается ударить. Чтобы извлечь громкий звук.

Он играл непринужденно и был похож на Бога.

Сколько раз после целого дня ухода за мамой и сестрой, напряженной работы и совершения добрых дел я лежала на кровати и смотрела на этот плакат. И теперь он прямо передо мной.

Наши руки соприкоснулись, когда он передал мне пиво, что было вполне предсказуемо. Он определенно не мог не заметить, как дрожат мои пальцы, но, к счастью, никак это не прокомментировал. Я поспешно отступила обратно и прислонилась к перилам, теперь с пивом в руках. Крутые ребята прислоняются. Они выглядят расслабленными.

Мягко усмехнувшись, парень дал понять, что я этим никого не обманула. Он присел рядом, упершись локтями в колени. Лицо, оказавшееся при этом полностью на свету, очаровывало. Разум меня покинул.

Без вопросов. Совершенно точно, несомненно, это он.

У него были полные губы. Вы бы только их видели. Высокие скулы и эта ямочка на подбородке. Раньше такие черты мне не казались привлекательными. Раньше, но не теперь. Но целиком он просто вынес мне мозг. Все черты по отдельности ничего не значили без задорного блеска в его глазах и хитрой ухмылки. Боже, ненавижу, ухмыляющихся людей. Несомненно, я бы с удовольствием облизала его с ног до головы, даже слюнки потекли.

— Я Мал, — сказал он.

— Я... Я знаю, — запинаясь, произнесла я.

Он усмехнулся еще больше.

— Я знаю, что ты знаешь.

Ага. Я держала рот на замке.

— Кажется, у кого-то был плохой день.

Нет, у меня все еще ничего не было. Убийственный взгляд — это все, на что я была способна.

Что он делает здесь в темноте? Судя по упоминаниям в прессе, он всегда был душой вечеринки. Сейчас же он пьет в одиночестве и прячется, как и я. Он медленно потянулся и поднялся с дивана. Слава богу. Он вернется внутрь и избавит меня от неловкой ситуации. Не придется пытаться продолжить общение. Повезло, учитывая мой внезапный приступ фанатской тупости.

Вот только он не уходил.

Вместо этого он двинул ко мне, стройный, мускулистый, небрежно грациозный. Он выше меня дюймов на пять-шесть. Достаточно, чтобы напугать. Ткань рукавов натянулась на мускулистых плечах. Руки барабанщика. Такие же прекрасные, как и остальное тело, покрытые татуировками и рельефные. Могу поклясться, что и на ощупь великолепные.

И это было так очевидно, что я рассматриваю его, кто-нибудь должен ущипнуть меня.

Если я продолжу это делать, то придется мне самой ущипнуть себя. Сильно.

— Как тебя зовут? — спросил он, присоединяясь ко мне. Господи, даже его голос был прекрасен. Мелкие волоски на моем затылке от восторга встали дыбом.

— Меня?

Он стоял так близко, что наши локти коснулись. Его локти были голыми, он был одет в одни джинсы, конверсы и в футболку с надписью «Короли каменного века». Мал Эриксон прикоснулся ко мне. Я никогда не буду мыть свою руку.

— Да-а, твое имя, — протянул он. — Смысл в том, что я называю свое имя, даже несмотря на то, что ты его знала, а ты говоришь мне свое. Вот, как это делается.

— Ты понял, что я знаю тебя?

— Сумасшедший взгляд выдал тебя.

— О.

Момент спустя он простонал.

— Неважно, это слишком долго. Я просто сделаю кое-то для тебя.

— Энн.

— Энн?..

— Энн Роллинс.

Потрясающая улыбка озарила его лицо.

— Энн Роллинс. Видишь, это было не так уж и трудно.

Я стиснула зубы и попыталась улыбнуться. Скорее всего, я походила на сумасшедшую, которая слишком много времени провела, представляя себе его голым. О, боже, какой стыд!

Он слегка ударил свою бутылку пива о мою.

— Твое здоровье, Энн. Рад знакомству.

Я сделала еще глоток, надеясь, что это успокоит дрожь по телу. Выпивка не действовала на меня так быстро, что я не смогла бы справиться с этим. Может, мне стоит перейти на что-нибудь покрепче. Мой первый близкий разговор с рок-звездой, наверное, должен произойти с крепким алкоголем. Эв определенно напилась текилы с еще чем-то, чтобы умудриться совершить те выходки в Вегасе. И посмотрите, как хорошо все для нее сложилось.

— Что привело тебя сюда нынче вечером, Энн?

— Я пришла с Нейтом и Лорен. Они привели меня, мои соседи. Живут за соседней дверью.

Он кивнул.

— Вы с Эв друзья?

— Да, я, ну... я всегда была дружелюбна с ней. Я бы не хотела позволять... Я имею в виду, я не смогла бы точно утверждать, что мы близкие друзья, но...

— Да или нет, Энн?

— Да, — ответила я и захлопнула рот, пока не случился очередной приступ словесного поноса.

— Угу, Эв хорошая. Дэвиду повезло, что он ее встретил, — он замолчал и уставился на городские огни. Мал нахмурился, веселое выражение лица испарилось. Он выглядел грустным и, возможно, слегка потерянным. Вся его бравада рокера-частого-гостя-вечеринок куда-то пропала. Нужно выяснить. Все воспринимали Эв как вторую Йоко Оно, следующую по пятам за Дэвидом, отбирающую его славу и удачу. Мне не нужно быть ее лучшей подругой, что бы понимать, насколько они не правы. Велика вероятность, что и настоящий Мал имеет мало общего с тем бредом, что пишут о нем в Интернете.

Но еще важнее, насколько сильно я уже скомпрометировала себя?

— На самом деле я же не таращилась на тебя, правда? — спросила я, заранее опасаясь ответа.

— Вообще-то ты таращилась.

Черт.

— Так вы с Эв подруги? Я имею в виду, что ты не из музыкальной индустрии или чего-то такого? — спросил он, снова сосредотачивая свое внимание на мне. Лицо просветлело, настроение изменилось. Тяжело за ним поспевать, когда его ладони отбивают быстрый ритм на перилах балкона.

— Нет. Я работаю в книжном магазине в нескольких кварталах отсюда.

— Понятно, — он сверху вниз посмотрел на меня, по-видимому, довольный моим ответом. — Итак, о чем был твой телефонный разговор?

— Ни о чем.

— Да? — он подошел ближе. — Что случилось с твоим носом?

Моя рука сразу же прикрыла лицо от его взгляда. Это была всего лишь небольшая горбинка, но все же.

— Моя сестра сломала его, когда мы были маленькими.

— Не скрывай его. Я думаю, он милый.

— Отлично.

Я опустила руку. Он уже видел мой изъян, так что толку?

— Почему она сломала его?

— Однажды она разозлилась и бросила в меня игрушечный грузовик.

— Не так. Почему?

Я подавила вздох.

— Она хотела котенка, но у меня аллергия на кошек.

— Вы не могли вместо него взять щенка?

— Я хотела, но мама не разрешила. Моя сестра все еще обвиняет меня в этом.

Он нахмурился.

— Значит, у тебя никогда не было домашних животных в детстве?

Я покачала головой.

— Это чертовски ужасно. У каждого ребенка должен быть питомец.

Он казался искреннее возмущенным.

— Да, но время на месте не стоит, я пережила это, — я нахмурилась и отпила еще пива. Все свидетельствовало о том, что мне оно сейчас необходимо. Этот разговор становился странным.

Он смотрел на меня с легкой улыбкой на губах. Именно такой, что мое внимание было опять приковано к нему. Мои губы невольно растянулись в обнадеженную идиотскую полуулыбку.

Мал.

Мал Эриксон.

Проклятье, он прекрасен. Гормоны, до этого момента давно дремавшие, взорвались радостью. В моих трусиках определенно что-то происходит. Что-то, чего уже очень давно не случалось.

— Ты опять смотришь на меня своим сумасшедшим взглядом, — прошептал он.

— Черт, — я зажмурилась. Лиззи застала нас с бойфрендом семь лет назад, и это было ужасно неловко, особенно учитывая тот факт, что она побежала и пожаловалась маме. Правда мать была слишком пьяна, чтобы ее это волновало. Тем не менее, сейчас даже хуже.

— Твои щеки покраснели. Ты думаешь о неприличных вещах со мной, Энн?

— Нет.

— Лгунья, — он дразнился тихим голосом. — Ты точно представляешь меня без брюк.

Я действительно делала это.

— Эй! Это грубо. Полнейшее вторжение в мою личную жизнь, — он наклонился ближе, согревая дыханием мое ухо. — В любом случае, ОН больше, чем ты можешь представить.

— Ничего я не представляла.

— Я серьезно. Практически монстр. Не могу его контролировать.

— Малкольм...

— Скорее всего, тебе понадобится кнут, чтобы приручить его, Энни.

— Прекрати.

— Ты в порядке?

Я закрыла руками горящее лицо. Это не я хихикаю. Не я. Совершенно точно. Потому что взрослые женщины не издают такие идиотские звуки. Мне что, шестнадцать?

Внутри квартиры заорал Нейт. Вопли лишь слегка приглушались стеклянной дверью. Мои глаза распахнулись шире, когда он бросился к телевизору, размахивая руками словно сумасшедший. Лорен засмеялась, и мой мозг вернулся в игру, посылая тревожные сигналы сквозь все тело. Будто я еще не осознала, что нужно чертовски быстро делать оттуда ноги, пока унижение не достигло нового уровня. Хорошая работа, лобная доля. По крайней мере, я способна соображать, когда не пялюсь на Мала.

Отличное, а главное, своевременное открытие.

Оно работало ровно до того момента, как он наклонился к моему лицу, отчего у меня появилось ощущение, словно мои легкие вот-вот разорвутся.

— У тебя щербинка между передними зубами, — сообщил он мне, его глаза сузились, когда он меня внимательно рассматривал. — Ты знала?

— Да.

Он разглядывал меня, как если бы я была неизвестным существом, случайно оказавшимся на пороге его дома. Взгляд скользил по телу. Мало чего можно разглядеть, когда я одета в пальто, джинсы и сапоги. Правда, понимание этого нисколько не помогало. Его ленивый, оценивающий взгляд вызвал дрожь в коленях, и вечность спустя вернулся к моему лицу.

Черт, а он хорош! Я была профессионально раздета, но ни один предмет одежды не снят.

— Твои глаза приятного оттенка... голубого? — спросил он. — Сложно сказать при таком освещении.

Я откашлялась.

— Да, голубого. Не мог бы ты перестать, пожалуйста?

— Что? — слегка обиженно спросил он. — Что я сделал?

— Ты так пристально на меня смотришь, что я нервничаю. Мне это не нравится.

— Ты первая начала. Кроме того, когда я вышел сюда, ты уже была встревожена. Я бы сказал, что постоянно на нервах. Но не волнуйся, я здесь, чтобы помочь. Давай же, расскажи дяде Малу, что тебя беспокоит.

— Вау, очень мило с твоей стороны. Но я в порядке.

Он пододвинулся ближе, я отодвинулась назад. К сожалению, отступить больше некуда.

— О чем ты говорила по телефону, Эн?

— Оу, ну понимаешь... это личное. Совершенно не хочу обсуждать.

— Ты сказала, что твой друг исчез с деньгами, и ты можешь потерять жилье, так?

— Так и есть, — резко ответила я, ощущая боль в груди. Гребаная Скай. Я не простофиля, но я не слежу за близкими людьми. Вот тупица, что я наделала. Когда мама была не в состоянии, я шла и делала то, что должна. У меня попросту не было выбора. Очевидно, что это дурная привычка, учитывая мое финансовое состояние сейчас. — Да... очень точно подмечено.

Его глаза внезапно расширились в испуге.

— Черт. Не плачь. Я — не Дэйви. Понятия не имею что с этим делать.

— Заткнись, не собираюсь я плакать, — заморгала я в бешенстве, отворачиваясь от него. — Говорила же: не хочу это обсуждать.

— Не думай заливаться слезами. Боже...

Мое пиво закончилось, пора уходить. Более того, нужно сбежать, пока мои мокрые глаза меня не выдали. Да и у Мала наверняка есть дела поинтереснее, чем общаться со мной и вгонять в краску. Это самый мучительно неловкий и потрясающий разговор за всю мою жизнь. Я даже забыла о своих проблемах на некоторое время.

Он заставил меня улыбаться.

— Итак, — я протянула руку для рукопожатия, мне нужно было прикоснуться к нему хотя бы еще раз. Он провисел на стене в моей спальне дома много лет. Я была бы счастлива, даже если он убил бы меня в конце этой встречи. — Приятно было познакомиться.

— Пытаешься меня отшить? — рассмеялся Мал.

— Нет, я...

— Перестань смотреть над моим плечом, Эн. Смотри на меня, — приказал он.

— Я и смотрю на тебя!

— Боишься, что опять сделаешь сумасшедшие глаза?

— Возможно, — я щелкнула языком в раздражении. — Ты всех своих фанатов высмеиваешь как меня?

— Нет. Я и представить не мог, как это весело.

Моя рука застыла в воздухе между нами. Я собралась убрать ее, когда он удержал меня. Я уставилась на его лицо, решив не упускать еще один шанс. Проблема Мала Эриксона в том, что он физически безупречен. Ни намек на какое-либо несовершенство — большое или маленькое. Правда, если он продолжит удерживать меня за задницу, я исправлю этот факт.

— Что означает твой взгляд? — спросил он, наклоняясь ближе. — О чем ты теперь думаешь?

— Ни о чем.

— Хм... Лгунья из тебя не очень.

Я попыталась освободить руку из захвата. Вместо этого он схватил меня сильнее.

— Последний маленький вопрос. Часто с твоими друзьями происходит такое дерьмо?

— Что?

— Потому что, когда ты разговаривала с другим своим другом по телефону, так и выглядело, — он навис надо мной, заслоняя ночное небо. — Звучит, как будто проблема в том, что люди тебя используют.

— Нет смысла нам об этом говорить, — я вывернула руку, пытаюсь обрести свободу. Даже с потными ладонями задача оказалась невыполнимой.

— Заметила, что твой друг попросил об услуге, даже зная, как ты расстроена предательством того человека? Что ты чувствуешь по этому поводу?

Я выдернула свою руку из его хватки, но он тотчас же быстро меня поймал. Серьезно, насколько силен этот ублюдок?

— Мне кажется, это довольно низко. Только между нами: не думаю, что у тебя есть хорошие друзья, Энн.

— Эй. У меня классные друзья.

— Да ты, блин, издеваешься? Они кидают тебя и ожидают, что ты им будешь помогать,

даже когда ты сама по горло в проблемах. Серьезно? Только мудилы так поступают.

— Мал...

— Но, что еще хуже — ты им позволяешь. Не давай им себя использовать.

— Ничего я им не позволяю.

— Ну конечно! — он повысил голос. — Еще как позволяешь.

— Милостивый боже, ты не мог бы не орать?

— Это ужасно! Я официально потрясен! — воскликнул он, посвящая всю округу в подробности моей личной жизни. — Так не может продолжаться! Я не собираюсь больше это терпеть. Слышишь меня, Портленд?

— Отпусти меня, — произнесла я сквозь стиснутые зубы.

— Ты бесхребетная, мисс Роллинс.

— Я не бесхребетная! — зарычала я, протестуя. Страшно подумать, что он может быть прав. Я была так взвинчена, что с трудом могла говорить.

Он закатил глаза.

— Да ладно, ты знаешь, что это так. Это написано на твоем лице.

Я покачала головой, отказываясь признать его правоту.

— Итак, тут не о чем размышлять, Энн, тебе нужно установить границы. Границы. Для Твоих. Друзей, — при каждом слове он тыкал пальцем в кончик моего носа. — Слышишь меня? Понимаешь, о чем я говорю?

Его слова заставили меня огрызаться и начать орать.

— Хочешь границы? Как насчет того, что бы ты сам отвалил! Как тебе такие границы, а? Ничего из этого тебя абсолютно не касается, чертов придурок!

Он открыл рот, чтобы ответить, но я не дала ему такую возможность.

— Ты ни черта не знаешь обо мне. И ты думаешь, что можешь бросать это мне в лицо, доводить меня просто для развлечения? Да пошел ты. Иди. Ты. Нахрен.

Неожиданно стало тихо, даже музыка внутри смолкла. Воцарилась ужасающая тишина. Люди с любопытством уставились на нас через стекло. Лорен от удивления разинула рот.

— Дерьмо, — пробормотала я.

— Энн?

Что я наделала? Лорен пригласила меня на прекрасную вечеринку, а я распахнулась и набросилась на одного из гостей. Чувствую, сейчас самое время зачехнуть и умереть.

— Пожалуйста, отпусти руку.

— Энн, посмотри на меня.

Никогда.

— Давай, покажи мне свои глазки.

Я устало повернулась к нему. На его идеальных губах медленно возникла улыбка.

— Это было охрененно круто. Я так горжусь тобой сейчас.

— Ты безумен.

— Не-е-ет.

— Да. Ты действительно безумен.

— Ты просто сейчас так думаешь. Но дай этому время. Подумай о том, что я сказал.

Я просто покачала головой в тишине.

— Приятно было познакомиться, Энн. Мы скоро еще поговорим, — сказал он, целуя руку, прежде чем освободить ее. В его глазах появился огонек, значение которого я не желала расшифровывать. И которому совершенно не доверяла. — Обещаю.

Глава 3

Я только зашла внутрь, как появился Дэвид Феррис, наверное, чтобы вышвырнуть меня. Должно быть, повышение голоса на рок-звезду на подобных мероприятиях сильно осуждалось.

— Привет, — сказал мне Дэвид, но его взгляд оставался на другой стороне комнаты, где болтали Лорен и Эв. Вероятно, о какой-то проблеме, так как Лорен эмоционально жестикулировала. Каждые несколько секунд Эв ударяла ее по руке. Хотя, кажется, та не возражала.

— Привет.

— Тебе весело? — спросил он.

— Эм, конечно.

Он кивнул, его манера держаться была такой же, как и раньше, — холодной и отрешенной.

— Прекрасно, — прошептала я.

Две бутылки пива и необычная стычка оставили после себя легкое головокружение. В конце концов, выпивка не была хорошей идеей. Особенно, если я должна была поддерживать разговор с важными людьми, в чем действительно был смысл, нежели в выкрикивании оскорблений в их адрес. Вновь заиграла музыка, народ смешался и болтал друг с другом. Никто даже не взглянул на меня во второй раз. Я могла только надеяться, что выбор случайных незнакомцев для Мала был обычным делом, и они видели такое и раньше.

— Ты разговаривала с ним? — спросил он.

— С ним? С Малом?

— Да.

— А, да, разговаривала.

Мне казалось, что нас услышал каждый.

— Хм-м.

На другом конце комнаты Эв разразилась смехом. Ответная улыбка тронула его губы.

— Вы спорили о чем — то?

— Нет, ни о чем таком, — я запнулась. — Просто ни о чем.

Дэвид повернулся ко мне, на его лбу появились морщины, а улыбка давно растаяла. В течение долгого времени он просто смотрел на меня.

— Не бери в голову, — он быстро ушел прочь, оставив меня пораженной.

Я не должна была разговаривать с Малом? Он заговорил со мной первым. Может, я и начала на него пялиться, но разговор, несомненно, начал он. И кричать тоже, если уж на то пошло. Я не виновата в том, что общалась с одним из самых известных барабанщиков на планете. Однако ко мне вернулись воспоминания о Мале, как он наблюдал за городом. Хмурое выражение его лица, перед тем как он подшутил надо мной еще раз. То, как его настроение резко поменялось. А теперь еще Дэвид, беспокоящийся о нем...

Все чудесатей и чудесатей.

Если денежные средства и покорения сердец были бы всем смыслом жизни, то Мал был бы ими усыпан. Я видела фото его красивого дома на побережье, находящегося в Лос-Анджелесе. Фотографии, на которых он был окружен полуголыми женщинами, были нормой. На деньги не купишь счастье. Я знала это. Вот только, учитывая мою нынешнюю

осведомленность, это не сильно помогало. Плюс ко всему у этого парня были слава, всемирное обожание и потрясающая работа, включающая в себя много путешествий. Как он вообще смеет не быть безумно, невероятно счастливым! В чем его проблема?

Хороший вопрос.

— Какой хмурый взгляд, — Лорен взяла меня за руку и потянула в самую гущу веселья.

— С тобой все в порядке?

— Да, все хорошо.

— Я слышала, ты повздорила с Малом.

— Полагаю, почти каждый это слышал, — я содрогнулась. — Прости за это.

Она засмеялась.

— Да ладно тебе, смысл жизни Мала заключается в выведении из себя и получении ответных реакций.

— Он, определенно, получил от меня такую.

— Дай угадаю, это был твой друг, Рис, который тебе недавно звонил?

В ее голосе было слышна неприязнь. Мы с Лорен начали проводить время вместе, когда Эв вышла замуж и переехала. Нейту часто на выходных нужно было завершить дела на работе. В компании Лорен никогда не было скучно. Так что, мы пили кофе или ходили смотреть кино. Это было весело. Тем более что последние несколько месяцев Скай решила избегать меня. Используя в качестве предлога, что ей нужно проводить больше времени со своим новым парнем, но сейчас мне пришлось над этим задуматься.

Я терпеть не могла ставить под сомнение все, что произошло. Чувство потери всякого доверия. Оно заползло под кожу и оказывало пагубное воздействие.

— Свидание Риса накрылось, — сказала я. — Эв говорила что-то о пицце? Я умираю с голоду.

— Однажды ты перестанешь быть запасным вариантом для этого парня.

Я выпрямилась.

— Мы просто друзья, Лорен.

Она повела меня на кухню. На мраморном столе стояло огромное количество коробок с пиццей.

— Ну, конечно, — фыркнула она. — Он манипулятор. Он знает тебя, как себя, и пользуется этим.

— Нет, он не использует меня. Повторяю, мы просто друзья.

Я совсем недавно перестала позориться перед Малкольмом Эриксоном. Размышления на тему моего глупого поведения с Рисом Льюисом могут повременить до следующего раза.

Или вообще никогда не затрагиваться. Что было бы очень здорово.

— Ты могла бы все решить, если бы проявила большей обеспокоенности в этом вопросе, — сказала она.

Я издала неопределенный звук. Надеюсь, этого было достаточно, чтобы закончить разговор. Затем мой живот громко заурчал. Плавленный сыр, ням-ням. Сегодня я так волновалась насчет разговора со Скай, что пропустила обед. В моем желудке было только две бутылки пива, так что мне давно пора поесть. Но начинки в пицце оказались не тем, что я ожидала.

— Это артишок и шпинат?

— Скорее всего, да.

Лорен покачала головой и взяла для меня горячий кусочек с ветчиной с ананасом,

который положила быстро на салфетку.

— Вот, попробуй это. Эвелин не испортила его своей овощной ерундой. Я люблю ее, правда, люблю. Но из всех когда-либо встречавшихся мне людей, у этой девочки самые странные предпочтения в начинках для пиццы. Это противоестественно.

Я сразу же начала есть, обжигая язык и нёбо. Однажды я научусь ждать, пока еда остынет. Только не сегодня, но когда-нибудь.

Вдруг музыка, звучащая в гостиной, стала громче на миллион децибел. В ушах зазвенело. Стены задрожали. ‘Black Rebel Motorcycle Club’ загремели в квартире. Кому — то удалось прокричать: «Вечерин-ка-а!»

Лорен улыбнулась и наклонилась ближе, чтобы я смогла ее услышать.

— Мал решил присоединиться! — закричала она. — Сейчас начнется самое интересное.

Появился Бен Николсон, коренастый басист «Стейдж Дайв», чем еще больше взорвал мой мозг. Он и Мал начали напиваться. Я держала почти полную бутылку пива. Она помогала хотя бы чем-нибудь занять руки. Ну а дальше последовало все то, что я вполне себе ожидала от вечеринки рок-звезд. На самом деле было не так много наркотиков или фанаток. Но достаточно симпатичных напивающихся людей и много шума. Вечеринка немного походила на вечеринки в колледже Лиззи, на которые время от времени она звала меня с собой. Только вместо дешевого пива в красных одноразовых стаканчиках они раздавали бутылки с ‘CÎROC’ и ‘Patrón’. Одежда у большинства гостей была от модных дизайнеров, и мы сидели в квартире за миллион долларов, вместо какой-то дрянной студенческой квартиры.

Так что, по сути, эта вечеринка не идет ни в какое сравнение с теми, на которые я ходила с Лиззи. Лучше забудьте, что я такое говорила.

Мы с Лорен и Эв поболтали немного, потом потанцевали. Было весело. С уверенностью могу сказать, что Лорен оказала любезность, вытащив меня сегодня из квартиры. Время я провела куда более круче, чем если я бы просидела дома одна-одинешенька. На некоторое время Мал с Дэвидом и Беном удалились в другую комнату. Не то чтобы я следила за ним.

Какое — то время я болталась на кухне, разговаривая со звукооператором по имени Дин. По всей видимости, он работал с человеком по имени Тейлор, и который был с группой уже вечность, а еще являлся другом семьи. Дин был милым, неглупым парнем с классными черными волосами и пирсингом на губе. Да, он был горяч. Он пригласил меня поехать к нему в отель, что было заманчиво. Однако у меня в голове крутились все мои нынешние переживания. В основном они сводились к тому, чтобы взять секс-бога и раскрепоститься прямо сейчас.

Я пожелала спокойной ночи Дину, уже выходя из кухни.

Затем Мал и парни вернулись, и музыка заиграла вновь. Дальше случилось неизбежное — все начали разбиваться по парам. Дэвид и Эв куда-то исчезли. При этом никто ничего не сказал. Лорен сидела на коленях Нейта в углу дивана. Я подавила зевок. Все было круто, но время приближалось к трем часам ночи. Я осталась без пары. Скорее всего, мы вскоре уедем.

Хотелось бы улизнуть отсюда поскорее. Через несколько часов мне предстоит проснуться и петь. Хотя с пением могут возникнуть проблемы — в голове все еще крутились слова Мала. Слишком доверчивая и сломленная? Точно. Тряпка, черт бы меня побрал.

— Малыш Бенни, — прокричал Мал, отплясывая на кофейном столике с какой-то длинноногой брюнеткой. Девица, казалось, была одержима идеей обернуться вокруг него

словно удушающая лоза. Каким-то чудом ему удалось удерживать ее на приемлемой дистанции. Ну... или почти удавалось

— Йоу, — ответил Бен очень по-мужски.

— Ты познакомился с моей девушкой, Энн? — Мал кивнул в ту сторону, где я сидела на краешке дивана. Я застыла. В течение нескольких часов он был занят другими делами. Я думала, что он совсем забыл обо мне.

— У тебя есть девушка? — спросил Бен.

— Да. Разве она не симпатичная?

Я удостоилась беглого взгляда Бена. Затем он коснулся своего подбородка. Похожим жестом меня поприветствовал Дэвид. Может, это такой эквивалент секретного рукопожатия рок-звезд?

— Мы чуть ранее поболтали снаружи. Решили жить вместе, — сообщил ему Мал. Брюнетка в его объятиях нахмурилась. Он даже не заметил. Но что более важно, о чем он, на хрен, говорил?

— У нас все серьезно, мужик. Действительно серьезно. У нее на данный момент некоторые проблемы с друзьями. Это гребаное безобразие. В любом случае прямо сейчас она очень нуждается в моей поддержке и прочем дерьме, понимаешь?

Мои руки медленно душили бедную, невинную бутылку из-под пива.

— У вас тоже, что и у Дэйва с Эв? — спросил Бен.

— Абсо-нахрен-лютно. Я остепенился. Теперь я совершенно другой человек. Это все настоящая любовь и все такое.

— Понятно. Это будет интересно, — сказал Бен. — И надолго вас хватит?

— Наша с Энн возделенная страсть будет вечной, малыш Бенни. Вот подождешь и увидишь.

Бровь Бена выгнулась.

— Ты готов поспорить?

— Назови свою цену, придурок!

— Ставлю пять тысяч на то, что вы разбежитесь до того, как мы отправимся в тур.

— Ну, на хрен. Сделай так, чтобы это стоило моего внимания. Двадцать.

Бен захохотал.

— Самые когда-либо легко заработанные мною двадцать тысяч долларов.

— Ты переезжаешь ко мне? — спросила я, прерывая мужскую показуху и разговоры о деньгах. Я даже не затронула тему о якобы моих проблемах с друзьями.

— Да, Тыковка, — произнес Мал, его лицо было очень серьезным. — Я переезжаю к тебе.

Я съезжилась от ужасного прозвища, но решила сосредоточиться на реальной проблеме, возникшей в данный момент.

— А когда конкретно мы это обсуждали?

— Вообще-то, к тому времени ты могла уже уйти. Но это не меняет сути дела, — он снова повернулся к Бену. — Идеальное время для того, чтобы мама приехала в город. Она полюбит ее. Мама всегда хотела, чтобы я нашел хорошую девушку и исправился.

— Я думал, ты не любишь Портленд, — прокомментировал Бен.

— Мне не нравится Портленд. Но мне нравится Энн, — он подмигнул мне. — Кроме того, в ближайшее время Дэвид не собирается возвращаться в Лос-Анджелес. Даже Джимми говорил о переезде, может, купит дом по соседству.

— Неужели?

— Да. Видел его новую няньку?

— Не-а. Еще не видел. Что случилось с предыдущей — с тем здоровенным черным чуваком?

— Ха-х, не. Этот уже давно в прошлом. После него были еще несколько. Новенькая только появилась, — Мал усмехнулся, что звучало довольно злорадно. — Если Джимми не хочет, чтобы кто-то околачивался рядом, то у него есть способы сделать их жизнь охрененно невыносимой.

— Дерьмо-о-о. Расскажешь позже.

Мал усмехнулся еще больше.

— В любом случае у нас с Энн серьезные отношения. Я с тем же успехом тоже могу тут остаться.

Брюнетка перевела взгляд на люстру. Видок у меня, наверное, был куда более озадаченным. Может, он имел в виду какую-нибудь другую Энн. Ту, которая в курсе, какого черта он нес.

— Твоя девушка не возражает против девчонок, вешающихся на тебя? — Бен вопросительно посмотрел в мою сторону. — Мне тоже нужна такая девушка.

— Бл*, верное замечание. Честно говоря, все дело в этой штуке с моногамией. Дружище, мне еще ко многому нужно привыкнуть.

Мал отстранил явно обиженную брюнетку. Мышцы на его руках напряглись, когда он осторожно спустил ее на пол.

— Мои извинения. Уверен, что ты очень милая, но мое сердце бьется только для Энн.

Брюнетка бросила на меня испепеляющий взгляд, встряхнула волосами и попыталась уйти. Бен, игнорируя недовольное сопение, поймал ее за талию и усадил на колени. Смена объекта привязанности девицы не заняла и секунды. Стоит заметить, что Бен — огромный здоровый парень. Мало кто отказался бы.

Мал бросился к моим ногам. Я вжалась в спинку дивана от удивления.

— Прости меня, Энн. Я не хотел сбиться с пути.

— Все нормально.

Я не знала точно, сколько он выпил. Целый вагон — это хорошее предположение.

— Знаешь, Тыковка? — Мал прыгнул на диван рядом, возвышаясь надо мной. — На Бена ты не пялишься безумными глазками.

Я мечтала пристрелить его, по крайней мере, дважды. Первый раз за то, что назвал меня тыковкой, и еще раз за то, что смущает меня при каждом удобном случае. Но вместо этого, отставила пиво с величайшей осторожностью.

— Она тарашится на тебя? — спросил Бен.

— Еще как. Энн? — Мал скользнул пальцем по моему подбородку и нежно приподнял его, вынуждая посмотреть на него.

Мал уставился на меня, а я уставилась на него, несмотря на все свои старания не делать этого. Его лицо смягчилось. Не осталось ни следа пьяного веселья. Он просто смотрел и вся эта «заглянуть-в-чью-то-душу» чепуха начала приобретать для меня смысл. Это ужасало. Я почти чувствовала связь между нами, как нечто осязаемое.

Это не могло быть реальным.

Но на одно единственное прекрасное мгновение остались только мы вдвоем. Мы оказались в своем собственном маленьком пузырьке, где никого и ничего больше не

существовало. Это было невероятно умиротворенное состояние.

— Вот видишь, — заговорил он, не отрывая от меня взгляда, — она не смотрит так на тебя или Дэйви. Только я получаю сумасшедший взгляд. Потому что я особенный.

Бен что — то сказал. Но я не расслышала. Потом Мал отвел взгляд, и момент был упущен. Чары были разрушены.

— Это так мило, честно. Она жить без меня не может.

— Несомненно, — Бен рассмеялся.

Я сжала зубы. К черту Мала Эриксона и его игры.

— Просто я еще не встретила с вашим солистом Джимми, — сказала я, наконец, найдя ответный удар. Я могла сражаться как словами, так и кулаками. После того как он выставил меня на посмешище, меня бы устроил любой из вариантов. — Может быть он — настоящий любимчик, а ты только на втором месте. Об этом ты не подумал?

Он даже рот разинул.

— Не могу поверить, что ты только что это сказала.

Я не ответила. Посмотрим, как ему понравится, когда его самого дразнят.

— Энн, ты пытаешься заставить меня ревновать? Тебе не понравится видеть меня ревнивым! — пьяный псих взревел и начал бить себя по груди, как Кин-Конг или Халк, или все равно, кем он там старался показаться.

— Забери свои слова назад.

— Нет.

— Не играй со мной, Энн. Забери свои слова или я заставлю тебя.

Я недоверчиво поморщилась. И он еще говорит, что я сумасшедшая. Ну, или смотрю на него как сумасшедшая. Не важно.

Этот безумец пожал плечами.

— Ладно, Тыковка. Только не говори, что я тебя не предупреждал.

Без дальнейших церемоний он набросился на меня. От испуга я завизжала. Как резаная. Моя пивная бутылка полетела на пол.

Можно сказать, что я боюсь щекотки. Да что уж там, я ненавижу, когда меня щекочут! Его пальцы нашли все самые чувствительные места. Проклятье! Словно кто-то дал ему карту моего тела. Я, задыхаясь, пыталась освободиться.

— Соблюдай границы, ты, ублюдок! — прошипела я.

Его более чем злорадный смех был мне ответом.

Вдруг я начала соскальзывать с дивана.

К слову сказать, он пытался предотвратить мое падение, используя для этого свое тело: схватил меня и передвинул в обратную сторону. Мы свалились вниз, клубком из рук и ног, я приземлилась сверху. Мал крикнул, когда его затылок ударился о паркет.

Ой, должно быть, это было больно.

Несмотря на то, что он ударился, его руки крепко прижимали меня к себе. Прикосновения к нему были приятными, лучше, чем я могла себе вообразить. Вам стоит знать о том, что я, в самом деле, это представляла уже, когда стояла снаружи, на балконе. Игривый огонек исчез из глаз, и каждый дюйм его тела напрягся. Он смотрел на меня, не мигая, его рот был слегка приоткрыт. Я отчетливо поняла, он ждет моих следующих действий. Захочу ли я пойти дальше. Но сейчас главное — это сосредоточиться на дыхании. И в следующее мгновение он перевел взгляд на мои губы.

Я перестала дышать.

Он не хотел поцеловать меня. Конечно же, это была просто еще одна игра. Только это было не совсем так. Я чувствовала его твердость около своего бедра. Внутри меня все напряглось в ответ. Я не была подростком, который быстро заводился.

Черт, я собиралась это сделать. Я должна узнать вкус его губ. Вопрос о том, чтобы не поцеловать его, даже не возникал у меня в голове.

— Малкольм, нет! — Эв смотрела на нас, растянувшихся на полу. — Отпусти ее. Не с моими друзьями. Ты обещал.

Все следы сексуального напряжения исчезли, вместо этого меня переполнило смущение. Все смеялись. Ну, хорошо, все, кроме Дэвида и Эв. К сожалению, они выбрали именно этот момент, чтобы вернуться на вечеринку.

— Мы с твоей подругой предназначены друг для друга. Смирись, — он слегка сжал меня. — Знаешь, я думал, что ты, по крайней мере, распознаешь настоящую любовь, когда увидишь ее. Прямо сейчас я в тебе очень разочарован, Эвелин.

— Отпусти ее.

— Дэйви, утихомирь свою женушку, она устраивает сцены.

Мал отвлекся и ослабил хватку, что позволило мне выбраться. Ему повезло, что я не угодила ему между ног коленом.

— Ты один катаешься по полу, чувак, — сказал Дэвид.

— Не. С. Моими. Друзьями, — повторила Эв сквозь стиснутые зубы.

— Твоя рубашка вывернута наизнанку, ребенок-невеста, — заявил Мал, усмехаясь уголком рта. — Чем ты там занималась?

Ее уши порозовели, Эвелин скрестила руки на груди. У ее мужа плохо получилось спрятать улыбку.

— Не твое дело, чем мы занимались, — произнес он грубым голосом.

— Меня от вас воротит, — Мал поднялся на ноги, взял меня за руку и потянул на себя, поставив меня в вертикальное положение. — Ты в порядке? — спросил он.

— Ага. А ты?

Он посмотрел на меня с глупой улыбкой на лице и потер затылок:

— Ничего не чувствую, но моя голова, наверное, болит.

Вот и ответ. Он был пьян. Я была развлечением. Любые проявления романтики были только в моем воображении. Что сказать, история моей жизни.

В конце концов, смех стих. Однако мы все еще были в центре внимания каждого в комнате.

— Малкольм, это твоя бутылка пива валяется на полу? — спросила Эв, указывая на беспорядок, возникший из-за моей брошенной бутылки.

Прежде чем я открыла рот, чтобы извиниться, Мал уже ответил.

— Да. Да, моя. Но не расстраивайся. У меня есть это, — он сорвал с себя футболку опустившись на колени и начал вытирать ею пол. Какое мускулистое тело и бронзовая кожа. Поистине впечатляющие составляющие. На спине была татуировка, представляющая собой изображение птицы во время полета, расправившей крылья на всю ширину его плеч. При виде его, полуобнаженного и стоящего на коленях, по всей комнате пролетел дружный вздох. Лично я не издала ни звука, клянусь. Хотя с удовольствием бы этому поспособствовала.

— Господи, Мал, — сказала Лорен. — Ты хотя бы оделся, прежде чем идти вразнос.

Парень лишь взглянул на нее и ухмыльнулся.

— Думаю, на этой ноте нам стоит вас покинуть, — Лорен поднялась с колен Нейта. —

С вами весело, но мне завтра на работу, не то, что вам, музыкальным лодырям.

— Ты забираешь мою Энн? — спросил Мал. Уголки его губ опустились. Оставив промокшую футболку валяться на полу, он поднялся на ноги. — Ты не можешь увести мою Энн. Она нужна мне для кое-каких дел... личного характера, в моей комнате.

— В другой раз, — Лорен похлопала его по спине.

— Останься и сыграй со мной, Энн.

— Нет, — повторила Эв.

— Спокойной ночи, Мал, — сказала я. Было сложно определить, серьезен ли он. Но ни при каких обстоятельствах я не собиралась на следующее утро вытаскивать себя из его постели и идти по коридору позора своих друзей.

Нет уж.

— Энн, Тыковка, не покидай меня, — заныл он.

— Уходи. Бегом, — Эв подтолкнула меня к двери. — Он невыносим, когда так себя ведет. Могу поклясться, что в детстве он недополучил объятий.

— Рада была повидаться, Эв, — попрощалась я.

Она притянула меня к себе и чмокнула в щеку.

— Взаимно.

— Мне нужен исцеляющий секс, — продолжал Мал, стоя позади нас. Затем он начал плясать новый танец. Ритмично покачивая бедрами вперед-назад, он размахивал рукой, изображая, будто шлепает чью-то задницу. Восклицания «О, да» и «Сильнее, детка» только усиливали эффект. Будь вагина автономной от женщины, она бы обязательно заинтересовалась — этот мужчина умел двигаться.

— Что тебе действительно необходимо, так это подзатыльник и кофе, — Дэвид наморщил лоб и толкнул Мала в спину, прервав его танцевальное порно-представление. — И, кроме того, когда ты последний раз спал?

— Я буду спать с Энн.

— Нет, не будешь.

— Ага, буду, — он поднял руки к потолку. — Ибо я, Малкольм, бог секса.

Выругавшись про себя, Дэвид угрожающе приблизился к нему. Бен немедленно встал, столкнув брюнетку на пол. Бедная девочка, сегодня определенно не лучшая ее ночь.

— Ты слышал, что сказала Эв, — напомнил Дэвид, глядя Малу в глаза. — Не трогай ее друзей. Это не круто.

Взгляд Мала ожесточился.

— Ты, что, обламываешь мой перепахон, Дэйви?

— Можешь быть уверен, так и есть.

— Так не делается, бро.

Бен закинул руку на плечи Мала, взъерошив его волосы:

— Пошли, найдем другую игрушку.

— Я не ребенок, — надулся Мал.

— Как насчет вон той? — Бен указал на ухоженную блондинку, та заулыбалась в ответ и начала прихорашиваться. — Готов поспорить, она будет счастлива с тобой познакомиться.

— Ух, она блестящая.

— Почему бы тебе не поинтересоваться, как ее зовут? — предложил Бен, поглаживая его спину.

— А зачем мне знать ее имя?

— Я слышал, это помогает.

— Может у тебя и срабатывает, — усмехнулся Мал, — я же во время секса выкрикиваю только свое имя.

Смех разразился по всей комнате. Даже губы Дэвида слегка дернулись в улыбке.

Когда дело касается женщин, Мал — явно шлюха. Все, что я сегодня увидела, лишь является тому доказательством. Дэвид и Эв оказали мне огромную услугу, запретив Малу приближаться ко мне. И совсем не ревность скрутила мои внутренности, когда он бросал плотоядные взгляды на другую девушку. Что-то другое. Я точно не знаю, что именно, но определенно нечто большее, чем просто ревность.

Самая странная ночь в моей жизни. Бесспорно, она абсолютный победитель среди всех странных ночей.

О, что будет, когда приду домой и расскажу обо всем Скай. Она покатится со смеху. Черт, нет, этого не будет. Выходки Мала на мгновение заставили меня позабыть о ней. Как ни странно, каким бы раздражающим он не был, все равно он заставлял меня улыбаться.

Сам Мал, очевидно, снова обо мне вспомнил. Я стояла между Эвелин и Лорен, как будто нуждалась в защите. Возможно, так и было. Я знала только, что стоит ему только взглянуть на меня, как мои мысли улетали далеко-далеко.

И что такого в плохих парнях? Кто-то должен разработать от них лекарство.

Объект моей страсти подмигнул мне.

— До встречи, безумные глазки.

— Стерва удалила из друзей и меня, — сказал Рис, сидя в магазине у прилавка передовых продаж и уставившись в компьютер. На экране был открыт «Фейсбук» во всем своем синем великолепии.

— Сучка, — пробормотала я.

У Скай появилось новое имя и было оно не из приятных. Куда более заслуженное, но не приятное.

Строго между нами с Рисом, мы обзвонили всех, кто мог знать, куда она могла подеваться. К счастью, до сих пор утро субботы было спокойным. В поиске мы не достигли особого успеха. Люди либо ничего не знали, либо не говорили. Все отвечали с сожалением. Но никто не мог или не стал бы помогать. В такие дни понимаешь, какими отстойными бывают люди.

— Думаю, нам нужно перестать искать, — сказала я.

— Что? Почему?

— А ты подумай. Вот реально, что я вообще буду делать, если найду ее? — я скрестила руки и прислонилась бедром к прилавку. Поза очень помогала мне не стать размазней. — Ударить ее попросту противозаконно. Какой ни была приятной мысль надрать ей задницу, это не вернет мне моих денег. Смысла идти в полицию нет, потому что будет использовано ее слово против моего. Я облажалась.

— Вот и последовало пораженческое отношение, которое мне удалось познать и полюбить.

— Замолчи, — улыбнулась я.

Рис улыбнулся мне в ответ, и у офигенного парня, за очками в толстой черной оправе, появились в уголках глаз маленькие морщинки. На щеке возникла ямочка. У него была потрясающая улыбка. Не важно, сколько раз я ее видела, я никогда к ней толком не привыкну. Вот только, если хорошенько подумать, она не делала меня глупой, как дерзкая усмешка Мала.

Ха-х, интересно.

Существовало, однако, еще много вещей, о которых стоило упомянуть и которые не сводились к крышесносящей гормональной чепухе, вызванной мужчиной. Мы с Рисом были единомышленны. Только по какой-то причине обычное напряжение, которое появлялось у меня рядом с ним, исчезло. И все же, я едва знала Мала. А Рис был реальным. Мал был всего лишь мечтой на стене моей подростковой спальни.

И с каких это пор я сравниваю улыбку Риса с чьей-то там еще?

— Что за вечеринка, на которую ты ходила? — спросил Рис, почесывая голову в своей обычной очаровательной манере. Его темные волосы упали на лоб, и я просто знала, что однажды мы с ним наделаем замечательных детишек. Брака бы не было, это не для меня. Формальность для общественности значила так мало. Но было бы много всего, чего можно достичь, живя в грехе, в качестве партнеров.

Из Риса вышел бы отличный партнер.

Когда Лорен прошлой ночью намекнула на то, что у меня есть чувства к Рису, она, должно быть, знала, о чем говорит.

Ах, Рис.

В книжном магазине Льюиса я работала с тех пор, как переехала в Портленд, два года тому назад. Лиззи попросила меня приехать, чтобы помочь ей обустроиться. Как видите, я все еще была здесь. Мне нравилось находиться поблизости к сестренке, и Портленд был классным городом. Мне нравилась моя работа и мои друзья, которых успела завести. Здесь все было лучше.

— Лорен пригласила меня выпить у Эв, — сказала я.

Рот Риса приоткрылся, что походило на изумление.

— У девчонки, которая вышла за чувака из «Стейдж Дайв»?

— У нее.

— И ты меня не пригласила? Черт. Мне нравится парочка их песен. Тот альбом «San Pedro» был ничего. Хотя, должен сказать, их последний репертуар дерьмо.

— Мне нравится их новый альбом. ‘Over Me’ — отличная песня.

Он хихикнул, уголок его рта приподнялся:

— Эта песня о том, как кто-то занимается сексом с твоим другом.

— Я предпочитаю игнорировать данный аспект.

Пожилая женщина в одежде с узором из разводов направилась прямым ходом к секции «Самосовершенствование/Философия». Двое подростков начали целоваться у нового стенда с поваренной книгой. Мило, но это было явно не к месту. Как только рука одного ушла далеко на юг, я громко откашлялась:

— Держите руки выше талии, ребята.

Колокольчик над дверью бешено звякнул, когда они вылетели из магазина со скоростью света. Парень даже залился самой невероятной краской. Мне почти стало его жаль. Наверное, он ну очень хотел ее пощупать.

Рис усмехнулся. Ну, может, усмехнулся. Он регулярно с кем-нибудь знакомился в пределах этих четырех стен. Привычка, которую он, надеюсь, перерастет в ближайшее время.

— Успокойся. Они никого не обидели.

— Для этого не время и не место.

Маленький колокольчик над дверью зазвенел опять, когда последний человек, кого я ожидала увидеть, заглянул к нам. Эвелин зашла с чашкой кофе в руке и с нерешительной улыбкой на лице. Не смотря на то, что она работала всего в паре кварталов от меня, я не знала, что она раньше бывала в магазинчике. И, определенно, никогда не приносила мне кофе. Если это именно то, что она собиралась сделать.

Я удивленно уставилась на нее.

Рис оживился. А затем заметил ее огромное обручальное кольцо и снова приуныл. Идя сюда через реку, он не проходил мимо кафе Руби, как я. Эв была ему незнакома.

— Нам тебя не хватало этим утром, — сказала она, подвигая высокий картонный стаканчик с кофе на прилавок передо мной. — Ты не зашла к нам, как обычно, вот я и подумала принести его тебе.

— Ты замечательная. По кое-каким причинам я поздно проснулась.

— Могу представить по каким, — она улыбнулась.

Я сделала глоток супергорячего напитка. Идеальный. Кофе был чертовски идеален. По сути, Эвелин была покровителем кофейных зерен. Что я буду делать через несколько недель, когда она уедет в турне вместе с группой, я не имела ни малейшего представления.

Плакать, скорее всего.

Длинные белокурые волосы Эв были заплетены в косу. Как и я, она с головы до ног была одета в черное. Только на ней была юбка-карандаш, тогда как я предпочла обтягивающие джинсы. Фраза «Кафе Руби» покрывала ее щедро дарованные природой сиськи, в то время как «Независимый Книжный Магазин Льюиса» была написана на моих более похожих на степные холмики. Вне зависимости от наличия куска льда на ее пальце, представляющего из себя ее кольцо, она могла бы работать, где угодно. Почему она продолжала работать в качестве баристы, когда вышла замуж за миллионера, я была без понятия и не собиралась спрашивать.

Я повернулась, чтобы представить ее Рису, но он воспользовался возможностью исчезнуть исподтишка, весь его интерес к Эв пропал, стоило ему увидеть кольцо.

— Еще я хотела извиниться за вчерашнюю ночь, — сказала она, кладя руки на прилавок.

— За что?

— В основном за ту часть, когда Мал завалил тебя на пол. Разве что я что-то упустила, и мне стоило бы также извиниться?

— Нет, — я махнула рукой, улыбаясь. Нет нужды поднимать тему о том, как я накричала на ее гостя ранее, тем вечером. — Все в порядке. Он просто дурачился.

— Ага. Он похож на щеночка на стероидах. Не чувствует собственной силы, — она с любопытством обвела взглядом магазин, ее лицо не скрывало эмоций. — Это отличное место. Почему я здесь не бывала раньше?

— Из-за отсутствия времени, наверное. Когда ты не работала, ты училась. А теперь ты замужем.

— Верно, — просияла она. — Было здорово повидаться с тобой вчера ночью, Энн. Я рада услышать, что Мал не причинил никакого непоправимого вреда.

— Нет, со мной все хорошо. И спасибо тебе огромное за кофе. Я и правда очень нуждалась в нем. Не знаю, как тебе удалось встать так рано после вчерашнего.

Она пожала плечом:

— События развернулись довольно странно после твоего ухода. Бен и Мал ушли, забрав всех с собой. Мы с Дэвидом завалились спать. Мы не часто устраиваем вечеринки. Если бы мы этого не сделали, то я была бы никакой этим утром.

— А...

— Та-а-ак, Дэвид сказал, что ты некоторое время болтала с Малом на балконе...

Вот когда стала понятна причина ее визита с кофе.

— Да, разговаривала, — ответила я. — И затем Дэвид спросил меня, рассказал ли он что-нибудь. Я до сих пор не понимаю, что имелось в виду.

Губы Эв плотно сжались в линию.

— М — м.

— Он послал тебя спросить у меня об этом, — догадалась я. Верно, если посчитать вспышку вины в ее глазах, как индикатор.

— В любом случае ты заслужила кофе. Но да, он действительно попросил меня поговорить с тобой.

— Ладно, — я облизнула губы, выигрывая время для того, чтобы собраться с мыслями. Вдали от глаз моя нога заерзала, делая все возможное, чтобы протереть дыру в ковре. — Честное слово, мы немного разговаривали, ни о чем особо личном или тайном. Просто о всякой ерунде насчет моей бывшей соседки.

— Лорен упоминала, — глаза Эв наполнились сожалением.

Я пожалала плечами.

— Да, не бери в голову. Я с этим разберусь. Но, правда, мы с Малом не особо говорили о ней. По большей части он просто дразнил меня.

— Это он может.

Немного погодя она посмотрела на меня. Пытаясь поверить мне на слово, я думаю. Она определенно тревожилась о Мале, но дело обстояло так, что мы не знали друг друга слишком хорошо для подобных сердечных откровений. Это казалось нелепым, неестественным.

— Спасибо, что поделилась, — наконец, произнесла она. — Мал ведет себя странно с тех пор, как приехал неделю назад. Страдает манией... больше, чем обычно. А потом иной раз просто смотрит в точку. Мы пытались с ним поговорить, но он говорит, что все хорошо.

— Мне жаль.

— Мы не знаем, может он в депрессии, или это из-за наркотиков или чего-то еще. И после того, как Джимми недавно прошел реабилитацию... — она одарила меня небольшой, печальной улыбкой. — Я была бы благодарна, если бы ты не упоминала об этом никому.

— Конечно.

— В любом случае моя смена на сегодня закончена. Мне пора. Дэвид будет беспокоиться, куда я запропастилась. Было приятно тебя снова увидеть.

— И мне.

— Приходи к нам как-нибудь еще, ладно? — она обернулась около двери, помахав на прощание рукой. Мое сердце смягчилось от того, как искренне прозвучало приглашение. После предательства Скай у меня еще остались настоящие друзья.

— Обязательно. Еще раз спасибо за кофеин.

Показав мне фирменный жест рок-группы, слегка коснувшись подбородка, она ушла.

— Твоя подруга ушла? — Риз притащился обратно с собственной кружкой кофе в руке.

Я вернулась назад в реальность, вытянув свой разум из шестифутовой головоломки по имени Мал. Уж слишком моим мыслям нравилось задерживаться на нем. Похоже на то, что он занял главное место в моих мыслях, несмотря на другие события, происходящие в жизни.

— Да, ей надо было вернуться на работу.

— Ты хмуришься. Все еще беспокоишься насчет той сучки?

Я кивнула, но это не было правдой. Хотя и не совсем ложью. Я беспокоилась обо всем. Мал был не прав. Не страх овладевал мной, а беспокойство, и прямо сейчас я беспокоилась о нем. Я стряхнула с себя хмурость, выпила еще немного кофе.

— Почему бы нам не поработать сегодня, босс?

— Вот именно поэтому ты должна быть за главного, — драматично вздохнул Рис.

За его плечами красовалась впечатляющая степень по экономике и бизнесу, тогда как я с горем пополам закончила старшую школу, но зачастую складывалось впечатление, что из нас двоих я была той, кто соблюдал рабочую этику. Когда мама начала переживать худшие времена после того, как ушел отец, я просто не могла оставить ее на собственное попечение. В какой-то день, придя домой и обнаружив, насыпанный полоской, кокаин и снотворное на ее прикроватной тумбочке, я убедилась в верности своего решения. Вот так я и перевелась на «домашнее обучение». Социальная служба навещала нас лишь однажды, и мы предоставили им довольно хорошее шоу.

Однако я пристально следила за тем, чтобы Лиззи ходила на уроки в местную школу с понедельника по пятницу.

Рис поднял коробку с новым поступлением книжек на прилавок, чтобы мы могли

поместить на них ценники.

— Расскажи мне о прошлой ночи.

— Эх, мне удалось познакомиться с парой человек из группы. Это было круто.

— Ты с ними разговаривала? — выражение лица у Риса было восхищенным.

Обычно болтовня в магазинчике крутилась вокруг его намеков и шуточек о том, насколько скучна моя жизнь. Его слова, не мои. Я вполне уверена, что вовсе не обязательно переспать с каждой девицей в деловой части Портленда, чтобы было о чем поговорить. Возможно, именно поэтому мы так и не стали парой. Наши хобби так сильно отличались.

Сегодня мои мысли были удивительно горькими и запутанными.

Куда подевалось мое счастливое выражение лица? Скорее всего, оно до сих пор лежит возле моей входной двери, куда упало всего-то шестнадцать часов тому назад. Малкольму Эриксону на краткий миг удалось реанимировать мою радость, прежде чем он начал говорить о моих предполагаемых недостатках. И все же, от одной мысли о нем мне становилось легче.

Как странно.

Лиззи пока еще не ответила мне. Не удивительно. Из-за ее образа жизни в колледже она была очень занятой. А еще она могла облажаться, совершенно позабыв зарядить свой телефон. И все-таки я не сомневалась в том, что сестра поддержит меня. Она и ее пол в общежитии. Я оставила сообщение хозяину своей квартиры и пока тоже не получила от него ответа. Существовал хороший шанс, что он позволит мне повременить с арендной платой. Даже если мне удастся найти новую соседку в рекордно короткое время, то моей половины денег на ее покрытие не хватит.

Пришло время признать поражение, нравилось это Рису или нет. Пора съезжать.

Вышеупомянутый друг махал рукой перед моим лицом.

— Энн, посвети меня. Так ты разговаривала с ними или нет?

— Извини. Да, я разговаривала с Малом, барабанщиком.

— О чем?

Этот вопрос крутился у всех на устах.

— Особо ни о чем, совсем немного. Он был занят. Там была целая куча людей, — по некоторым причинам мне не хотелось признаваться в большем. На самом деле, на то было несколько причин. Разговаривать с Рисом о другом мужчине было бы странно. А еще во время описания той ночи я точно залилась бы краской, когда дело дошло до Мала Эриксона. Между нами не было никакой связи. Никто никому не заглядывал в душу. Мое больное воображение определенно разыгралось вчера не на шутку. Так что я быстренько продолжила: — Дэвид оказался милым парнем. Еще там был Бен, но на самом деле у меня с ним поговорить не получилось.

— Ты только что просто взяла и разбросалась именами, — усмехнулся он.

Я по-дружески толкнула его под ребра.

— Ты сам попросил. И это не разбрасывание именами, чтоб ты знал.

— Хорошо, хорошо, я тебе верю. Не бей меня. Значит, ты сможешь взять меня на следующую вечеринку, которая там будет?

— Сомневаюсь, что пойду на их следующую вечеринку, Рис. Вчера я попала туда по чистой случайности.

— И какой с тебя толк? — пошутил он.

Пожилая женщина, одетая в одежду с размытыми узорами, волочилась к прилавку с

экземпляром «Алхимика» в руке.

— Это отличная книга. Думаю, она вам очень понравится.

Я пробила ее покупку и передала ей, положив в пакет для покупателей. Существовало ли что-то более замечательное, чем отправить кого-нибудь домой с книгой, которая тебе нравилась? Нет, не было.

Я повернулась к Рису, который разглаживал несколько чеков по оплате кредитной картой.

— Так ты хочешь сегодня вечером позависать со мной? — спросила я. — Если у тебя нет свидания. Тогда может я бы могла усовершенствовать свой мартини.

— Хм-м, я как бы оставил этот вечер под вопросом. Тут есть девушка, от которой я жду ответ.

Конечно, она была.

— Но-о-о, — растянул он слово, — если она мне не позвонит, тот как насчет того, что я заскочу на мартини?

Мое сердце немного приуныло. Глупое сердце. Я нацепила фальшивую улыбку.

— Конечно, Рис, не то чтобы я могла бы заняться чем-нибудь более интересным, нежели ждать всю ночь, когда же ты заскочишь.

— Вот именно, — сказал он, и я не могла сказать, шутил ли он или нет. В тот момент я задумалась, за чем конкретно я гонялась и почему. Ответ: за мечтой, потому что была идиоткой. Возможно, Мал был прав насчет моей практичности. Я столько лет прикрывала маму, быть может, привычка присосалась.

А теперь он дурачился со своим телефоном с глупой полуулыбкой на лице.

— Она хочет со мной встретиться, — сказал он. — Так что... у меня огромная просьба. Не могла бы ты сегодня закрыть магазин? Раз уж ты никуда не собираешься?

— Мне, в самом деле, стоит сказать нет. Черт, Рис. Я не законченный лузер. У меня есть некие границы.

Не важно, что сказал Мал Эрикссон.

— Пожалуйста. Ну, прости. Ты права, мне не стоило просить об этом. И я уважаю твои границы, правда. Я засранец, а ты зверушка, разбрасывающаяся именами со звездной вечеринки. Простишь меня?

Он не выглядел раскаявшимся, просто слегка отчаянным. Но какая разница, это же был Рис. Мужчина, который предложил мне свой диван прошлой ночью в качестве запасного дома.

И давайте посмотрим фактам в лицо. Он был прав: у меня не было никаких грандиозных планов, помимо чтения.

— Ладно, — ответила я, глубоко внутри моей души разгоралась обида. Вскоре она даст волю грусти. Наверное, мне стоит купить шоколад или алкоголь по пути домой. Поистине разумное использование дополнительных денег, заработанных от сверхурочных часов работы. Шоколадный мартини, я иду.

— Спасибо. Я твой должник.

— Не за что. Не то чтобы у меня что-то намечалось, — и не наметится, поскольку я больше никогда не увижусь с Малом.

Что-то было не так. Опять. Только на этот раз я поняла это до того, как войти в дверь.

После полудня работы удвоилось. Не было времени на переживания или горькие и запутанные мысли. Что, определенно, хорошо. А сейчас на меня навалилась усталость. Два часа сна и переживания насчет денег добились меня. Ледяной ветер, под которым я шла после окончания работы, заморозил мою шею и кончик носа. Любой шоколадный и алкогольно-заманчивый план полетел ко всем чертям. Я хотела принять ванну и лечь спать. Вот каким был весь мой план на ночь, и он был прекрасен.

Оцепенев, я вставила ключ в замок, прямо в тот момент, когда дверь открылась — она даже не была заперта. Потеряв долбанное равновесие, я полетела вперед, лицо приземлилось посередине горячей, накачанной, потной груди.

Я охнула.

Он хмыкнул.

Сильные руки схватили меня за талию, крепко удерживая на ногах. Что было здорово, ведь я тогда и впрямь нуждалась в поддержке или моя задница встретилась бы с полом. Возможно, я зашла не в ту квартиру. Мои мысли витали далеко за пределами реальности. Чужая квартира, определенно, объясняет аппетитное теплое тело, напротив которого я находилась.

С каких это пор пот пахнет так приятно?

Все, что я делала, чтобы не зарыться с головой на его груди, так это глубоко вдыхала. Один раз, второй и не более того. С особой осторожностью, разумеется.

— Эnn, дружище. — Под моей щекой завибрировала грудь. — Добро пожаловать домой! Я знала этот голос. Знала. Но что он, черт подери, делал в моей квартире? Ошеломленная, я моргнула, чтобы посмотреть на знакомое красивое лицо.

— Мал?

— Естественно, это я, — засмеялся он. — Ты под наркотиками или чем-то еще? Тебе не стоит употреблять наркотики, они не принесут тебе ничего хорошего.

— Я не употребляю наркотики, — хотя наркотики могли бы быть хорошей причиной, объясняющей, что я видела. Потому что то, что я видела, было из области сюрреализма. — Ты здесь.

В этом не было сомнений. Он точно был здесь. Я знала это, потому что мои руки все еще были на его горячем, полюбленном теле. Мои гормоны отвлекали любые мысли о том, чтобы их оттуда убрать. Я не могла их винить.

— Я знаю, — ответил он. — Разве не здорово?

— Ага. Вау.

Он кивнул.

Я уставилась на него. Как он, ко всем чертям, попал внутрь? Дверь была закрыта, когда я уходила.

— Как прошел рабочий день? — спросил он.

— Нормально. Спасибо.

Он мне улыбнулся:

— Я ожидал, что ты придешь несколько часов тому назад.

— Да, мне нужно было закрыться, а несколько людей пришли в последнюю минуту.

Мал, почему ты в моей квартире без рубашки? Как это произошло?

— Стало жарко от хрени, связанной с переездом, — он покрутил шейю, потягивая мышцы. — Ты живешь всего лишь на втором этаже, но, знаешь, ступеней как будто становится все больше? Нейт с Лорен мне немного помогли, а затем им пришлось уйти. В любом случае, ты вроде не против? Или существует какой-то дресс-код, о котором мне стоит знать?

Я все еще пялилась на него. Из его рта выходили слова, но в них по-прежнему не было никакого смысла. Как и во всем этом.

Он прищурил глаза, глядя на меня:

— Погоди-ка, я снял свою рубашку и все такое, а ты не смотришь на меня сумасшедшим взглядом. Почему это?

— Э, кажется, я слишком удивлена видеть тебя здесь.

Его брови опустились, как и уголки великолепных губ. Мужчина выглядел очень грустным.

— А я с нетерпением ждал этого весь день.

— Извини.

— Не бери в голову. Заходи, зацени.

Он затащил меня в квартиру, мою квартиру, закрыв за мной дверь. Даже не удосужившись ответить на главный вопрос о своем пребывании здесь. Но от чего было грустно на самом деле, так это от того, что он оторвал мои руки от своего тела. Они молчаливо плакали. Либо же я потела. Скорее всего, второе. Он оказывал на меня странное воздействие.

— Та-дам, — пропел он, разводя рукой, представляя мне мою маленькую гостиную.

— Вау.

— Классно, да?

— Да?

— Да! Я знал, что тебе понравится.

Я опять на него уставилась. Затем потерла глаза, поскольку они начали болеть. Наверное, из-за того, что они были навывкате, но я могла ошибаться.

Что, черт возьми, здесь происходило?

— Ты каким-то образом переехал ко мне, — не было иной причины, которая объяснила бы появившуюся в углу барабанную установку, стоявшую в одиночестве среди прочих вещей. Сумеречная Зона официально была пересечена^[1]. — Ты... ха-х. Как насчет этого?

Он поморщился и качнулся назад на пятках, обутом в чаксы^[2].

— Я знаю, что ты собираешься сказать, но для меня это произошло немного раньше, чем я планировал. Только вот Дэйви сегодня меня вышвырнул, так что я подумал, зачем ждаться?

Я просто моргнула, остальная часть моего тела застыла, неспособная ответить.

— Ладно. Короче говоря, я случайно увидел Эв голый, — он вскинул руки, как бы отрицая свою вину. — Только часть груди, клянусь. Ни соска, ничего такого. Но ты ведь знаешь, что он с ней, как гребаная королева драмы. Он совершенно вышел из себя.

Я кивнула. На самом деле, я не имела понятия, о чем он, но, казалось, ему требовалась ответная реакция.

— Вот именно. Как будто это моя вина. Это было в чертовой кухне! Я просто хотел что-нибудь поесть, а там они, занимаются петтингом у стены. Я даже не знал, что она вернулась

с работы. Как будто я хотел это увидеть. Все равно, что наткнуться на своих родителей. Ну, за исключением того, что у Эв классные сиськи, — он посмотрел на меня виноватым взглядом. — Хорошо, возможно, я и увидел сосок, но клянусь, я вовсе не старался его увидеть. Не моя вина, что она была топлес. В любом случае, Дэйви взбесился.

— Он взбесился?

— О, да. По-крупному. Столько резких слов было сказано. Мы даже немного подрались. Но я прощаю его. Любовь делает тебя психом, так ведь?

— Так.

Такую точку зрения я могла всецело поддержать. Когда мой первый парень порвал со мной в шестнадцать лет, мой крохотный мирок был потрясен. И посмотрите на мою маму. Когда папа ушел, это вывело ее из равновесия.

— М-м.

— Итак, ты переезжаешь ко мне? — спросила я, очень медленно собирая по кусочкам всю историю целиком.

Мал пожал плечами:

— Ну, черт, да!

— Нет, я имею в виду, ты действительно переезжаешь ко мне. Сюда. В мою квартиру. Э-м, еще раз, просто из любопытства, как ты попал внутрь?

— Это станет проблемой? — спросил он, протяжно и устало вздохнув. — Эмм, да ладно тебе. Мы разговаривали об этом прошлой ночью. Если у тебя проблемы с моим переездом, то их нужно было обсудить еще тогда, а не сейчас.

— Я думала, ты прикалываешься.

— Дружище, это оскорбительно. Зачем мне прикалываться над такой важной вещью, как эта?

— Потому что ты был пьян?

— Некоторые из моих лучших идей возникают под воздействием алкоголя.

— Я даже не думала, что ты вспомнишь.

— Опять же, оскорбительно, — сказал он. — Мне не каких-то там пятнадцать лет. Я знаю, что мне под силу.

— Извини.

Я не совсем понимала, почему извинялась именно я. Но все равно. Мои ноги потеряли устойчивость. Я уселась на краешек ближайшего дивана. Он был невероятно удобным, хотя не сильно помогал с внезапно возникшим головокружением.

Мал Эриксон.

Живет со мной.

Вне сомнений он выглядел серьезным, о чем свидетельствовала небольшая складка между его бровями, когда он, нахмурившись, смотрел на меня. Еле заметно я себя стукнула, чтобы проверить, не сплю ли я, и не было ли это сном. Вот черт, больно. Лодыжка отдалась болью, отчего я поморщилась. Да, не сплю. Кроме того, каблук на доксах^[3] усилил удар.

— Ты опять странно на меня смотришь, — сказал он.

— Разве?

Он закатил глаза.

— Женщины. Честное слово, я клянусь, что видел всего лишь намек на сосок и не более того. Я не хотел оскорбить Эви.

Я наклонилась, тайно потирая свой новоиспеченный синяк.

— Я тебе верю.

— Хорошо. Не могла бы ты, пожалуйста, больше не поднимать эту тему?

Я открыла рот, чтобы сказать ему, что я и не начинала. Однако, казалось, куда безопаснее держать свои мысли при себе. Кто знает, куда его занесет в следующую секунду? Мал Эриксон был из тех людей, за которыми тяжело поспевать.

— Вот дерьмо, тебе не нравится диван, да? — спросил он. — Вот что значит этот взгляд.

— Диван?

— Блин, — Мал опустил голову, а руки — на стройные бедра. — Я позвонил Эв спросить, какого бы цвета ты хотела диван, но она начала задавать вопросы, а потом кричать, и это был просто какой-то долбаный дурдом. Я же не могу стоять в каком-то мебельном магазине и спорить по телефону с чьей-то подружкой, понимаешь? Мне нужно заботиться о репутации. Так что я попытался связаться с Лорен, прикинув, что у нее может быть запасной ключ к твоей квартире — который у нее был.

— Лорен впустила тебя?

— Да. И она сказала, что мне однозначно нужно будет купить этот диван, еще пообещала, что ты от него будешь без ума.

— Нет, он... эм, он действительно симпатичный.

Я провела ладонью по бархатной ткани. Она была божественной, супермягкой. Ни за что не хочу узнавать, сколько он стоит.

— Правда? — он посмотрел на меня исподлобья, его губы были крепко сжаты из-за явного беспокойства. Все же, его глаза, зеленые с коричневой крапункой, были ясными. Отчего-то он казался почти по-детски уязвимым. — Он тебе действительно нравится?

Я не могла оторвать от него глаз, чтобы как следует оценить предмет мебели. Бесспорно, диван выглядел так же хорошо, каким и был на ощупь.

— Он прекрасен, Мал.

— Фух.

Его неожиданная улыбка осветила мой мир.

Я улыбнулась в ответ так широко, что заболело лицо.

— Послушай, я не говорю «нет» твоему переезду. Похоже, я до сих пор пытаюсь ужиться с самой идеей. Но почему ты хочешь жить со мной?

— Ты мне нравишься, — ответил он просто.

— Ты меня почти не знаешь.

— Ты дружишь с Эв и Лорен. Мы болтали. Мы с тобой вступили в перепалку. Мы вместе катались по полу. Это был настоящий связующий опыт.

Я моргнула.

— Еще? Серьезно?

— Пожалуйста.

— Знаешь, я раньше никогда не жил с девушкой. Ну, только если с мамой и сестрами, но они не в счет. Дай мне минутку, это куда сложнее, чем кажется, — он сел в черное кожаное винтажное кресло напротив меня. Очень крутое кресло. Не подходившее мужчине, сидевшему в нем, но все же хорошее кресло. Я ждала, пока он перебирал всякие страдальческие выражения на лице, и, в конце концов, зажал пальцами переносицу. — Ты кажешься хорошей девушкой, ты знаешь об этом?

Я не знала, что лучше: смеяться или плакать. Смех показался безопаснее.

— Спасибо.

— Погоди, — он тяжело вздохнул. — И разговаривать с женщинами о таком дерьме я тоже не привык. Как правило, они просто счастливы без всякой подобной ерунды.

И я ни капельки их в этом не винила. Но я была достаточно уверена в том, что это и приведет к гибели. Не пройдет и дня, как я буду плестись за ним, как влюбленный щенок. Ничего хорошего.

Его пальцы отстукивали ритм на закрученных деревянных подлокотниках кресла. Он был неугомонной душой, такой он Малкольм Эриксон. Все время неугомонный. И можно понять, что эта энергия делала его таким отличным барабанщиком.

— Знаешь, было весело зависать с тобой прошлой ночью. Мне это понравилось. Классно, что ты не вела себя как ненормальная и не пыталась влезть кому-нибудь в лицо. Несмотря на то, что ты нашла меня привлекательным и смотрела теми безумными глазками, я как бы обнаружил, что прямо сейчас нахожу твою компанию странно успокаивающей.

По его лицу пробежала тень, а затем исчезла в один миг. Если бы не визит Эв, я бы убедила себя, что мне это почудилось. Но нет. С этим мужчиной определено было что-то не так.

— Ты не загрузила меня кучей вопросов. Точнее, ты этого не делала прошлой ночью, — он откинулся на кресле, как король, положив лодыжку на колено. Из-за энергии или напряжения, бурлящих в нем, его пальцы продолжали двигаться, не переставая постукивать. — Давай, посмотрим на это с другой стороны. Тебе нужны деньги, так?

Я смутилась, но ведь эта была правда. Мы оба знали это.

— Верно.

— Мне тоже нужно кое-что.

Мои глаза сузились. Если он снова начнет кричать о секс-лечении, то я выгоню его, вместе с классной мебелью и барабанной установкой. Или же я вылижу его полностью. Из-за испытанного стресса и пребывания в замешательстве, шансы были пятьдесят на пятьдесят. Предоставленная возможность броситься на него была такой хорошей, что грех ее упускать. В конце концов, когда еще появится такой шанс? Мое везение, в конечном итоге, перестанет работать.

— И мне кажется, ты в совершенстве удовлетворишь мои потребности, — продолжил он.

— Твои потребности?

Уголок его губ поднялся выше (сорок на шестьдесят).

— У каждого человека есть потребности, кроха Энн. А сколько тебе, кстати?

— Двадцать три. Я в курсе, что у всех есть потребности. Но, Мал, я не хочу узнавать твои, — я задрала кверху нос. Святой младенец Иисус, мне так сильно хотелось ознакомиться с его потребностями, но не тогда, когда он так самодовольно ухмыльнулся. У девушки должна быть гордость.

— Ну, конечно, — он засмеялся мягким, зловещим смехом, видя меня насквозь (двадцать на восемьдесят). — Ты умираешь от желания ознакомиться с моими потребностями. Ты не можешь отвести взгляд от моего полуобнаженного тела. В ту минуту, когда я открыл дверь, ты ухватилась за меня. Как будто у тебя был жар или что-то вроде того.

Блин.

На секунду я зажмурилась, блокируя его, в попытке вернуть мысли на место. Если бы только мое сердце перестало пропускать удары при взгляде на него и звуке его голоса, тогда

стало бы гораздо легче.

— Нет, Мал. Я потеряла равновесие, когда ты открыл дверь. Обнаружить тебя здесь, на самом деле, было несколько неожиданным. Я не привыкла к тому, что люди просто переезжают ко мне, не обсудив это всерьез заранее.

Когда я открыла глаза, он смотрел на меня. Осуждал меня.

— И я не хваталась за тебя.

Слишком-уж-спокойное выражение его лица говорило само за себя. Он мне не поверил, ни на капельку.

— Эй, теперь-то не смущайся.

Я не была бестолковой девственницей. В моем Д-удостоверении стоит штамп от первого и последнего парня, с которым у меня были длительные отношения, в возрасте шестнадцати лет. С момента приезда в Портленд я позволяла себе ходить на странные свидания. Почему бы и нет? Я была молодой и свободной. Мне нравился секс. А вот мысли об облизывании полуобнаженного мужчины на винтажном кресле? Не очень.

Я себя не контролировала. И тем не менее я ни в коем случае не позволю ему об этом узнать.

— Да все в порядке, Тыковка. Я не против, что ты ухватила за меня. Если так тебе проще выражать свою привязанность, то все хорошо.

— Мал, — из плохого это перерастало в отвратительное. Я даже не знаю, почему начала смеяться. — Пожалуйста, перестань говорить. Мне нужна минутка. Рассматривай это как границу.

Его глаза загорелись восторгом.

— Эй, ты думала над тем, что я говорил. Здорово. Я уважаю твою границу, Энн.

— Тогда почему ты до сих пор говоришь?

— Точно. Прости.

Я пыталась успокоиться. Почему я никогда не находила времени на йогу? Упражнения с глубоким дыханием были такими бесполезными.

Когда я открыла глаза, Мал беззаботно улыбнулся. Высокомерный придурок. Такой уверенный. Такой горячий. И такой, что б его, полуобнаженный. Что с этим делать? В Портленде была осень — холодная погода, дождь то шел, то переставал. Нормальные люди в это время года носили одежду.

— Не мог бы ты одеть рубашку?

Он почесал подбородок:

— Мм, нет. Это моя граница, прости. Мне слишком нравятся твои сексуальные взгляды, чтобы одеться.

Черт, неужели я делала безумные глазки?

— Ты идеальна, — пробормотал он с фирменной ухмылкой на лице.

А черт с ним, я такая.

— Какие ты думаешь у меня потребности, Энн?

— Я в курсе, что ты говоришь о сексе, Мал. Это как бы очевидно. Но почему, из всех женщин в твоём распоряжении, выбор падет меня? Этого я не понимаю. И почему ты переезжаешь ко мне — тоже за гранью моего понимания. Ты бы мог поселиться в отеле или арендовать себе жилье, которое гораздо приятнее, чем это.

— Не-е-е-е, — он откинулся на спинку кресла, положив сцепленные пальцы на плоский живот. — Я говорю не о сексе. Мне нравится думать о тебе и обо мне выше всего этого

бедлама, физической ерунды, не смотря на твоё страстное влечение ко мне. Что мне нужно, так это девушка... точнее, мнимая девушка, и ты Энн Роллинс, подходишь идеально.

— Бл*, что?

Он разразился смехом.

— Ты шутишь, — произнесла я с облегчением. Ну, со злостью и облегчением. Неужели рок-звездам в последнее время так скучно, что им приходится прибегать к подобным крайностям, чтобы разлечься?

— Нет, я не шучу. Твоя реакция была забавной, вот и все, — длинные пальцы пробежали по белокурым волосам, отбрасывая их с лица. — Это серьёзная, деловая сделка и она должна остаться строго между нами. Я оплатил твою арендную плату. Я купил тебе мебель вместо той, которую забрала твоя дерьмовая подруга. Взамен я хочу, чтобы ты некоторое время изображала мою девушку.

У меня отвалилась челюсть.

— Ты не серьёзно.

— Почему ты не веришь ни единому моему слову? Энн, я очень серьёзен.

— Почему я?

Он вздохнул и надолго, с тяжёлым взглядом, уставился в потолок.

— Не знаю, может из-за того, что ты помогла своей подруге, даже когда у неё на это не было права.

— Мал, это не делает меня хорошим человеком. Это делает меня идиоткой, — исходя из того, как все обернулось, это было ничем, кроме как горькой, жестокой правды. — По сути, ты прошлой ночью сам об этом и сказал. Я позволила ей себя использовать.

Мал оскалился.

— Эй, я не говорил, что ты идиотка, и не хочу слышать, чтобы ты снова так говорила о себе. Это ещё одна граница, прямо тут.

— Ладно, успокойся.

— Я вполне спокоен. Слушай, у нас у всех есть свои проблемы, Энн. Я и не говорил, что ты идеальна, — он замолчал, почесывая подбородок. — Ой, нет, погоди. Говорил. То есть, я не имел в виду именно это... не то что ты не замечательная, но... да, давай, пропустим эту часть.

— Нет. Давай же, рок-звезда. Что ты имел в виду? — спросила я, подавляя смешок. Все дело в нём. Ничего не могу с этим поделать, он был таким забавным.

Он отмахнулся от вопроса.

— Нет, мы идем дальше. Чисто из любопытства, вот прошлым вечером приходила ли тебе вообще в голову идея попросить у Эв необходимую сумму денег?

Я отпрянула назад от удивления:

— Что? Нет.

— Она бы одолжила. У неё и Дэйви их хрен знает сколько.

— Это не её забота.

Он бросил на меня ещё один самодовольный взгляд.

— Это ничего не доказывает. И если ты выбрал меня из-за моих моральных качеств, тогда действительно ли моя кандидатура лучшая для того, чтобы лгать твоим друзьям и семье, Мал?

— Тыковка... мы не собираемся никому причинять боль. Мы просто будем помогать друг другу, вот и все.

— Ты сказал, что я безнадежная лгунья.

— Ты справишься, — он отмахнулся от моего возражения.

Я просто сидела на месте, и мое убеждение пошатывалось. Сможем ли мы на самом деле с этим справиться?

— Доверься мне.

— Зачем тебе нужна мнимая девушка?

— Потому что нужна.

— Мал.

Он закатил глаза, лицо напряжено.

— Потому что это не твое дело знать зачем, ладно? Я оплатил наперед твою арендную плату. Твою милую задницу не выселят. Взамен все, о чем я прошу, чтобы ты смотрела на меня с обожанием перед другими людьми. Ты и так это делаешь; так в чем проблема?

— Значит, ты не собираешься сказать мне?

— Как давно ты проверяла свой слух? Скажем так, у меня есть на то причина, личная причина, и сойдемся на этом. Честно, ты так же ужасна, как Дэйви с Эв. «Что случилось Мал?», «Ты в порядке, Мал?» Что ж, был в порядке, пока все не начали спрашивать меня об этом тысячу гребаных раз.

Он вскочил на ноги и начал ходить по комнате. Учитывая длину его ног, уходить ему удавалось недалеко. Три шага туда, три шага обратно. После пары кругов он остановился, уставившись за окно на улицу.

— Почему каждый долбаный раз всякий настаивает на том, чтобы все усложнить? Жизнь слишком коротка для всех этих копаний в душе. Ты здесь. Я здесь. Мы можем помочь друг другу и в процессе хорошо провести время. Это все, что имеет значение, — он развернулся на пятках с широко раскинутыми руками, чтобы посмотреть на меня. — Жизнь — это песня, Энн. Давай сыграем.

Моя жизнь никогда не походила на песню... по крайней мере, не с этой точки зрения.

В течение некоторого времени никто из нас не проронил ни слова. От него так и сочилось ожидание и нетерпение. У меня без сомнения было плохое предчувствие, что мною опять играют. Вот только на этот раз не злонамеренно. Мал создавал впечатление человека, который мухи не обидит. Но одну случайно мог прихлопнуть.

Если не вдаваться в подробности, то это казалось хорошей сделкой. Мне действительно нужны были деньги. А также мне нравилось находиться в его компании. Он был раз в сто веселее, чем я думала. Что бы ни случилось, это будет той еще адской поездочкой. И если заранее знать, что он уйдет, то не возникнет риска сильно к нему привязаться. Я просто буду наслаждаться временем, проведенным вместе с ним, и затем скажу «прощай». Это очень даже может быть чудесным.

— Ладно, — сказала я, наконец. — Ты вытащил мою задницу из огня. Спасибо за это. Но я до сих пор не совсем уверена насчет всего этого плана с девушкой. Наверное, посмотрим, как там дальше будет.

От радости он хлопнул в ладоши:

— Ты об этом не пожалеешь. Я не запутаю твою жизнь. Сильно.

— Сильно?

— И знаешь, моя компания чертовски очаровательна. Люди это не всегда во мне замечают. Плюс, я буду открывать крышки и таскать тяжелые вещи. Я слышал, для вас женщин, это проблематично, — он проскакал по комнате. Боже милостивый, у этого

человека в запасе было столько энергии, словно он надышался сахара. — Так, чем сегодня займемся? Хочешь, закажем еду? Ты что хочешь?

Я откинулась в кресле, просто устав смотреть на него.

— Мал, у меня на это нет денег, но ты делай, что хочешь.

— Ты можешь перестать беспокоиться о деньгах? Именно поэтому я здесь. Все отлично. Так что ты пожелаешь?

— Сойдет все, что бы ты ни выбрал.

— И это чертовски правильный ответ. Мы станем самой лучшей мнимой парой всех времен, Тыковка.

— Пожалуйста, не называй меня так.

— Ты-ы-ы-ыковка, — протянул он, поигрывая бровями. — Это отличное прозвище. Цвет твоих волос похож на нее, к тому же мы теперь пара. Парочки всегда дают друг другу дурацкие прозвища. Давай, придумай что-нибудь и для меня.

— Я поработаю над этим.

— Круто. А потом у нас будет время для прикосновений, — сказал он, потирая руки. — Собственно, не переживай, можем заняться этим позже, в кровати.

Мой мозг превратились всмятку от услышанного.

— В кровати? Время для прикосновений? Это что, эвфемизм? Я думала, что мы не будем заниматься сексом. Ты сказал, что мы будем только притворяться.

— Боже, расслабься. Не будем мы заниматься сексом, а просто будем спать вместе. Весь наш план полностью разрушится, если мы начнем заниматься сексом. Что мне нужно, так это серьезные отношения, которые не будут выглядеть мимолетными. Мы начнем трахаться, и ты станешь вся такая «О, Мал, я никогда даже не мечтала о таком блаженстве. Я не могу жить без тебя! Трахни меня, Мал. Пожа-а-а-алуйста», — его колени подогнулись, и он упал на пол. Это было впечатляющее выступление. А парень знал, как строить глазки.

Я захихикала, как глупая школьница. Тем звуком, из-за которого мне захотелось застрелиться чисто из принципа.

— И все будет происходить так же безумно, как и в «Роковом влечении» [\[4\]](#). Поверь мне, я видел, как это происходило, и это вовсе не мило. Так что, давай сохраним наши отношения строго выше пояса. Прекращай свои грязные мыслишки, Энн.

— Значит, ты настолько хорош, да?

Он посмотрел мне в глаза нечитаемым взглядом:

— Мисс Роллинс, вы не представляете, насколько.

— Знаешь, я честно не могу решить, является ли твое эго омерзительным или просто впечатляющим.

— Ты хочешь, чтобы вместо этого я лгал тебе?

— Мал, у меня едва получается понимать, когда ты бываешь серьезным, а когда нет.

Он оперся на руки и колени, а затем подполз ко мне, с глазами полными озорства.

— Если я говорю с тобой, значит, я серьезен. А теперь, как очевидно, нам придется целоваться на публике. И что будет, если вдруг во время ужина я засуну язык в твое ухо, и ты распахнешься? Люди могут начать подозревать. Так что нам нужно попрактиковаться с прикосновениями.

— Твой язык? Seriously? Я не знаю...

— К счастью для тебя, я здесь и я это сделаю, — он встал и вытащил телефон, его палец скользнул по экрану. — Нам нужно проследить за тем, чтобы наши отношения выглядели

серьезными. Лорен, то и долбаное дело, крутится рядом. Мы не можем рисковать и спать в раздельных спальнях. Ты знаешь, что она даже не стучится, а просто влетает, как будто это ее собственная квартира? У некоторых совсем нет манер.

Я была слишком ошеломлена, чтобы заметить звучавшую в этом заявлении иронию.

— Да, но мы можем запереть дверь, — предложила я, а внутри опять медленно разрасталось отчаяние, из-за которого потели ладошки.

Только, если честно, оно и не прекращалось.

Я, в одной постели с Малом? Нет. Плохая идея. Достаточно было его, прыгающего в полуобнаженном виде по моей квартире. Прикосновения в темноте окончательно меня добьют. Я нападу на него, несмотря на свои лучшие намерения. Исходя из того, что в обозримом будущем мы будем жить вместе, если мы зайдем дальше, то это будет долбаной катастрофой.

— Мы не можем просто взять и закрыть дверь, — сказал он. — Лорен пойдет и сделает себе новый ключ. Тебе нужна лучшая защита, Тыковка.

— И то верно.

— Эй, а ты же не храпишь, да?

Я одарила его своим самым испепеляющим взглядом.

— Просто спросил, — он отступил назад, все еще играя с телефоном. — И я прослежу за тем, чтобы сбавить обороты с приставаниями, хорошо? Не хочу тебя этим смущать.

— Спасибо, — я не должна была удивляться. Но удивилась. Глупая, глупая я. — Ты что, все это придумал прошлой ночью? Так вот, к чему это все велось?

— Ну, да.

Я широко открыла глаза. До боли широко. Глубоко вдохнула носом. На самом деле это не имело особого значения. Моя гордость задета, но в видимом будущем у меня будет крыша над головой. Пора бы с этим смириться.

Спать в одной постели — не сработает. Не сможет сработать. Тот факт, что я гудела от напряжения, лишь подумав об этом, только был тому подтверждением. Но та часть, в которой я играю его девушку? Я должна ему, нужно попытаться. Быть может, это будет даже весело. В самом деле, весело. И одному богу было известно, как я запоздала с этим в своей жизни.

Я села ровно, сделала глубокий вдох.

— Хорошо, я согласна со всем, кроме времени для прикосновений. — Он открыл было рот, чтобы возразить, но я вставила, прежде чем он успел выдать слово: — И завтра мы поставим засов на дверь, чтобы Лорен не смогла войти, и ты начнешь спать в комнате для гостей. Вот мои условия.

— Ты только взгляни на себя, вся такая настойчивая. Мне это нравится. Хотя, на самом деле, я бы предпочел, чтобы ты не ставила меня в рамки своих границ.

— Я серьезно, Мал. Соглашайся или уходи. У меня совсем недавно уже случилась одна хрень с соседкой. Не хочу, чтобы случилась еще одна.

Мал скрестил руки и, задрав нос, посмотрел вниз на меня. Поначалу мне показалось, что он начнет спорить. Некая злая губительная часть меня надеялась, что он возразит, хотя бы насчет части с кроватью. Но он не стал.

— Очень хорошо, я принимаю твои условия. Вот что, — произнес он медленно, — а почему бы мне сегодня не лечь на диван?

Мои плечи опустились в жесте, который походил на облегчение:

— Было бы здорово. Спасибо.

— Не вопрос, — он посмотрел на меня непонятно удивленным взглядом. — Все что угодно для тебя, Энн.

— Здорово. Я собираюсь принять ванную.

— Повеселись.

— Ага.

Дверь в ванную закрылась за мной в рекордное время. Я присела на краешек большой старой потрепанной ванны на ножках, в ушах звенело. В голове была каша. Я только что взяла и отвертелась от того, чтобы спать с рок-звездой. Что же я наделала?

Из-за разочарования внутри все ныло.

Но это был правильный поступок. Нужно помнить, как сильно мне нравился Рис. Если выбирать в кого влюбиться по уши, то его кандидатура была куда безопаснее. Однажды у нас с ним появится шанс и впрямь быть вместе.

Как только шум в голове стих, я посмотрела на себя в зеркало. Мои волосы свисали плоскими прядями у лица. Глаза были широко раскрытыми и дикими. В течение двадцати четырех часов моя жизнь перевернулась с ног на голову. Может, я и не буду спать с рок-звездой, но я совершенно точно буду жить с таковым. Вот уж не думала, что такое возможно.

— Во что, черт возьми, тебя угораздило ввязаться? — спросила я у девушки в зеркале.

В ответ она не предложила мне ничего, кроме потрясенной, удивленной улыбки. Без сомнения она легко повелась на исключительную, трендовую марку безумия имени Мала. Спасибо, Господи, я была более зрелая.

Через голову я стащила футболку и начала расшнуровывать ботинки. Из-за неожиданного стука в дверь я чуть не свалилась со своего места. Я оперлась рукой об пол и оттолкнулась, принимая вертикальное положение, прежде чем полететь лицом вперед.

— Энн?

— Да?

Я села обратно и скрестила руки на черном лифчике, прикрывая свою грудь, хотя он меня и не видел.

— Я забыл сказать спасибо. За то, что позволила мне жить с тобой и согласилась быть моей девушкой. Я, правда, ценю это.

— Ну, спасибо и тебе за то, что оплатил мою арендную плату, и за мебель.

— Не за что. Я бы в любом случае это сделал. Мне не понравилось видеть тебя расстроенной прошлой ночью.

— Правда? — мое горло сжалось, и потрясенная я уставилась на дверь. Вот это да. Я на самом деле не знала, что сказать. Он едва знал меня и все равно пришел бы на помощь? Может Мал Эриксон и был плохишом, но еще он был хорошим человеком.

Одним из тех людей, которые мне очень сильно нравились.

— Да. Конечно. Будет весело, Энн, — сказал он, его голос был слышен у самой двери. — Подождешь и увидишь.

— Хорошо.

Он говорил так, словно хотел, чтобы я ему поверила. Что самое забавное, я так и сделала.

Я начала получать сообщения от Мала прямо перед обедом.

Мал: Проснулся

Энн: Доброе утро

Мал: Собираюсь на пробежку с Джимом

Энн: Повеселись!

Мал: Вернулся с пробежки, обедаю

Энн: Ок

Мал: Где находится очиститель?

Энн: Чтобы очистить что?

Мал: Пицца взорвалась в микроволновке

Энн: Распылитель под раковиной

Мал: Когда будешь дома?

Энн: В 5:30

Мал: Скучно

Энн: Извини

Мал: Что делаешь?

Энн: Прямо сейчас работаю. Нужно идти. Поговорим позже.

Мал: У тебя отстойный вкус в музыке

Энн: Спасибо

Мал: Серьезно, нам нужно будет об этом поговорить, потому что он действительно ужасен. Все, кроме «Стейдж Дайв», придется уйти.

Энн: Подожди. Что ты делаешь?

Мал: Исправляю это

Энн: Мал, какого хрена ты делаешь?

Мал: Создаю тебе новый плейлист с приличным дерьмом. Успокойся

Энн: Ок, спасибо

Мал: Опять скучно

Кто-то кричал. Этот кто-то был мужчиной. Затем к нему присоединился еще один мужской голос, шум раздавался за стеной моей спальни. Я вскочила озадаченная, но уже полностью проснувшаяся. На маленьких часах возле моей кровати подсвечивалось зеленым цветом время — 5:15.

Черт, было рано.

Из-за ночных привычек Мала у меня выдалась не самая лучшая ночь для сна. Когда он наконец-то вернулся домой после одиннадцати, он обливался потом. К этому времени я уже легла спать и, наполовину сонная, вытщила свою сожалеющую задницу, чтобы проверить, нужно ли ему что-нибудь. Он сказал, что скоро пойдет спать, так что я вернулась в кровать. Но несколько часов я лежала, слушая, как он скитается по квартире. Он смотрел телик, разговаривал по телефону и часами что-то напевал. Вообще-то, я не была против того, что он напевал. Это было довольно мило. Хотя напевание чего-то из репертуара дэт-метал оказалось более артистичным, чем можно было себе представить. Я все-таки уснула под какую-то песню из «Металлики». Боже милостивый, какими же странными были мои сны.

Но почему Мал не мог заснуть?

Криков стало больше. Я сползла с кровати и направилась к двери во фланельной пижаме, не расчесанная и тому подобное. В гостиной Мал стоял ко мне спиной, закрывая собой проход к входной двери. На нем была только пара черных боксеров. Не то чтобы я жаловалась, потому что, боже, у него такая задница. Я почти потеряла дар речи. Уж не знаю было это из-за того, что моя челюсть упала на пол, или из-за того, что язык застрял в горле. Оба варианта могли соперничать между собой.

— Даже если ты и друг Тыковки, то это не подходящее время для визита, — прошипел Мал.

— Ты кто еще, нахрен, такой и почему ты называешь Энн Тыковкой?

Это был Рис, и в его голосе слышалась отчетливая ярость. Я бы даже сказала неистовая ярость.

Мы с боссом не посвящали друг друга в подробности своей личной жизни. Мы были только друзьями. Так что то, что полуголый парень отвечает на звонок в мою дверь в странное время, на самом деле, было не его собачьим делом.

— Доброе утро, — сказала я, выпрямляясь.

Мал бросил на меня недовольный взгляд из-за плеча. Несмотря на то, насколько хорош был диван, наверное, я бы тоже прибывала в плохом настроении, если бы спала на нем. Может, поэтому он так долго и не ложился спать. Он заказал еще одну кровать в комнату для гостей, но по какой-то причине ее еще не доставили. Этим вечером я спрошу у него, возможно, он захочет поспать вместе со мной на моей кровати. Просто как друзья.

С руками, упершимися в бедра, его плечи казались отвлекающе широкими. Я не была пушинкой, но если бы он был готов поймать меня с вытянутыми руками, то я бы в них прыгнула. Заглянув в прошлое, до всего этого дерьма с мамой, можно увидеть, что я была другой, храбрее. Нечто в Мале напоминало мне, какой ищущей адреналина девчонкой-сорванцом я была. Я соскучилась по ней. Она была веселой.

— Ты разбудил ее, козлина, — на этот раз Мал говорил не так легко и непринужденно, когда задавал жару Рису. — Ты хоть представляешь, через какое стрессовое дерьмо она

недавно прошла? К тому же прошлым вечером ей пришлось работать допоздна.

И несмотря на то, с каким спокойствием Рис относился к работе, этот комментарий не сулил ничего хорошего.

— Мал, все в порядке. Это мой друг и босс, Рис.

— Рис? — усмехнулся он. — Это с ним ты разговаривала по телефону на вечеринке?

— Да.

— Ха-х. Я думал, это была цыпочка.

— Подумай еще раз, — Рис протолкнулся мимо почти что обнаженного барабанщика, чтобы сунуть коробку с пончиками мне в руки. Пончиками-вуду. У меня потекли слюнки, несмотря на раннее время и мужское противостояние.

Ну, а если честно, частично, конечно же, из-за них, да.

— Какого хрена происходит, Эй? Что это за мудаки?

— Рис, так вести себя не круто.

Его налитые кровью глаза гневно сверкнули, а темные волосы торчали в разные стороны. Запах спертых духов кружил вокруг него, как миазмы. Также я поставила под вопрос еще трезвость, поскольку его движения казались несогласованными. Перед нами стоял человек, который еще не добрался до кровати.

По крайней мере, до своей кровати.

— Эй? — спросил Мал, скрещивая руки на груди. Он обернулся и подмигнул мне. — Ты обращаешься к ней на «Эй»? Что, выговорить ее имя полностью для тебя слишком тяжелое обязательство?

Из меня вырвалась смешинка. Затем я попыталась превратить ее в кашель. Рис выглядел не убежденным, но мне было все равно. От облегчения я почувствовала слабость в коленях. Мой Мал вернулся, разбрасываясь шуточками и улыбаясь. На этот раз настоящей улыбкой, а не той черствой маниакальной пародией улыбки, как в прошлую ночь.

Это было потрясающе. Я и в самом деле могла видеть, как нахохлился Рис. Может Мал и был на полголовы выше него, но насилие даже не рассматривалось. А тем временем по Малу можно было сказать, что он забавлялся. Его поведение — то, что ему было пофигу, в действительности служило огромной частью его очарования. Никогда прежде я не встречала никого, похожего на него.

Не сказать, что он бы не смог повалить Риса. Не сомневаюсь, что он мог постоять за себя.

— Почему бы мне не сделать кофе? — я сделала нерешительный шаг в сторону кухни, надеясь, что кто-нибудь за мной последует. Никто из них не собирался этого делать. Ни один, ни другой не сделали шага, так что я осталась на месте.

Брови Риса сошлись на переносице.

— Даже для съема ты могла бы найти кого-нибудь получше, черт возьми.

— Что? — мало того, что это было сказано довольно грубо, так еще даже и близко не было правдой.

— Ты меня слышала.

— Блин, Рис, как ты вообще мог... — я посмотрела на Мала, нахмурилась и покачала головой. Сколько кожи. Я смотрела и смотрела, пока не заметила легкий пушок темно-русых волос, идущих вниз от его пупка прямо в страну Не-Для-Энн. У него была тропа, ведущая к сокровищам. Карта к скрытым наслаждениям. Коробка с пончиками задрожала в моих руках.

Я могла и должна была отвести глаза. Но не стала.

— Энн? — злобно окликнул Рис, вытащив меня из порно-мечтаний.

— Эм... — Да, именно такой была моя гениальная реплика.

— А вот и безумные глазки, — сказал Мал низким, грубым голосом. — Кажется, моя

Тыковка готова к шестому раунду секс-эпопеи.

О. Черт. Он не мог так сказать.

Рис нахмурился, пальцы сжались в кулаки.

Ладно, похоже, все-таки сказал.

Я прижала коробку с пончиками к груди.

— Это очень милое предложение, Мал.

— Тыковка, если ты до сих пор ходишь прямо, то здесь моя работа определенно не закончена. Черт, мы ведь даже еще не добрались до нового дивана, — он повернулся к Рису,

слишком довольный собой, если верить свету в его глазах, как индикатору. — Она переживает, что мы испортим обшивку. Как будто я просто не куплю ей новый, да?

Женщины.

Никакого ответа от Риса, кроме выступивших белых линий вокруг рта.

Мал тяжело выдохнул:

— В следующий раз давай остановимся на коже. Будет гораздо проще вытирать, и она далеко не так натрет твою нежную кожу, как ты думаешь, Энн. Если только мы...

— Хватит, — рявкнула я, чувствуя, как сжимается картонная коробка.

— Слишком много болтовни о сексе перед друзьями?

Я кивнула.

— Прости, — сказал Мал. — Правда, прости. Мой косяк.

Столько враждебности в таком узком пространстве. И ежу понятно, что Рис в самом деле ревнует. Он весь напыжился и излучал ярость. Его взгляд метался между Малом и мной, а рот был сжат в жесткую линию.

Нужно прояснить вот такую вещь: до этого момента я не была полностью уверена в том, что Рис осознавал, что я была женщиной. И вот он здесь, крутился вокруг меня, как будто я была территорией, которую нужно охранять. Этого Мал допустить не хотел, если судить по его обходным маневрам. Это походило на странный животный танец пещерных людей, двое из них медленно окружали меня. В некотором роде, это было даже забавно.

Вот только тот, кто первым помочится на меня, будет развлекать себя самостоятельно.

— Думает, меня сняли, — поиздевался Мал, смотря в сторону. — Поправь его, Тыковка.

После этих слов ноздри у Риса раздулись. Я стояла, приросшая к месту. Мое сердце билось так быстро, что я была уверена, на ребрах останутся синяки. С растрепанными после сна волосами или нет, этот момент был прекрасен. Я хотела, чтобы он постоянно крутился на YouTube. (Ладно, может, я и не хотела, чтобы он оказался на YouTube. Но вы поняли, о чем я).

Я откашлялась и выпрямила спину. За сегодня я стала раз в десять выше.

— Рис, мы с Малом встречаемся.

— Мы живем вместе, — поправил Мал.

— Точно. И это тоже. Я собиралась тебе рассказать. Мы с Малом очень счастливо живем вместе с позавчерашнего дня.

— Малом? — Мой босс замер. — Малом Эриксоном, барабанщиком?

— Ага.

Покрасневшие глаза Риса вспыхнули еще ярче. Больше не было сказано ни слова.

— А теперь, когда мы это выяснили, я пошел в душ, — заявил Мал. — Дам вам, детишкам, возможность поговорить.

— Спасибо, — сказала я.

— Не вопрос.

Его рука шлепнула меня по заднице, отчего я подпрыгнула. А затем, лениво почесывая щетину, он направился в ванную. Мою ягодицу жгло. Я сделала мысленную пометку убить его позже, как только останемся одни. Убить его или отыметь, все равно. Мои гормоны были так обескуражены.

В ту же секунду, как закрылась дверь, Рис схватил меня за руку и потянул в крошечную кухню. Еще даже не собиралось светать. Свет из гостиной слабо освещал его угрюмое лицо. Его очки в черной оправе были перекошены набок, придавая его внешности более потрепанный вид. Наверное, мне бы стоило ревновать. Но нет, не в этот раз.

— Что за черт, Энн? Ты говорила, что познакомилась с ним, и на этом все. Блин, мне показалось, что он выглядел знакомо...

— Для меня это тоже оказалось сюрпризом. Но это же здорово, да?

На голове у него творился бардак после проведенной ночи в постели, но не из-за сна. Он не мог заявиться ко мне домой и устраивать взбучку, когда обнаружил, что я (якобы) занималась тем же, что и он, ни фига подобного.

— Здорово, — ответил он уныло.

— Когда узнаешь его поближе, поймешь, он очень хороший парень.

— Конечно.

— Знаешь, он заставляет меня улыбаться. Не воспринимает меня как должное, — сказала я, готовясь к убийству. В общем-то, у меня была утренняя жажда к кровопролитию. Это не значит, что он не заслужил за свое грубое поведение по отношению к Малу. Может, мне и не нравилось большинство женщин, с которыми он околачивался, но черта с два я их когда-нибудь оскорбляла. — И я была бы очень благодарна, если бы ты больше его не оскорблял.

Рис открыл было рот:

— Энн, то, как он разговаривал со мной...

— Ты что, хочешь перевести стрелки на него? Seriously? Тебе не стоило стучаться в мою дверь в такое время суток и называть человека, который ее открыл, мудаком, Рис. Это не круто.

— Извини.

Он посмотрел на мой старенький побитый холодильник скверным взглядом.

— Что вообще происходит? Раньше тебя никогда не беспокоило, что я хожу на свидания. Не то чтобы в недавнее время я на многих побывала.

— Ничего. Просто я ожидал...

Я ждала продолжения, но он не закончил предложение. Вероятно, было бы лучше оставить эту тему.

— Хочешь чашечку кофе?

— Нет, я иду домой.

— Ладно. Тогда, спасибо за пончики.

Я поставила помятую коробку на столешницу.

— Пожалуйста.

Рис уставился на меня, в его глазах была смесь злости и грусти. На самом деле я не

знала, что с этим делать. Мною все еще владел гнев.

— Рис...

— Все нормально.

— Я не хочу, чтобы это повлияло на нашу дружбу.

Его плечи выпрямились.

— Нет. Конечно, не повлияет.

— Хорошо.

Не знаю, откуда это взялось, но мне захотелось обнять его. Ему было плохо, а я хотела, чтобы ему стало легче. Мама никогда не занималась утешениями с обнимашками, и я унаследовала этот талант, или скорее его отсутствие. Поэтому мои объятия были натянутыми, неловкими. Один раз хлопнув его по спине, я отстранилась к чертям подальше, прежде чем он смог среагировать. Можно сказать, неожиданная атака.

— Как прошло твое свидание? — спросила я.

— Ничего особенного. А чем ты занималась?

— Мал заказал ужин. Просто тихий вечер дома.

Как только я упомянула имя Мала, лицо у Риса стало сердитым. Было бы гораздо проще сопереживать ему, если бы от него не разило сексом, и он не вел себя, как придурок.

— Мне нужно идти, — сказал он. — Увидимся позже.

— Увидимся.

Я все еще долго стояла на месте, глядя ему вслед, даже после того, как закрылась входная дверь. Глубоко внутри я не злилась и не грустила. Возможно, просто немного была шокирована, узнав, что, в конце концов, Рис переживал за меня в этом плане. А как это скажется на жизни, я не имела ни малейшего понятия.

Когда Мал вернулся обратно, его длинные волосы были зачесаны назад. Белокурый цвет волос стал гораздо темнее из-за влаги, и контуры лица казались совершенными. Он надел джинсы и на вид мягкую, поношенную футболку с «AC/DC». Но ноги его оставались босыми. На его длинных пальцах слегка виднелись волоски. Аккуратные, квадратные ногти.

— Кофе? — спросила я, при этом наливая ему кружку. Что дало мне солидный повод оторвать взгляд от его явно обворожительных пальцев. Что такого было в босых ногах?

— Ага, спасибо. Твой маленький дружок-хипстер уже ушел?

Я поставила его кружку с кофе на столешницу, и он начал насыпать в него сахар из баночки. Одна, две, три ложки с горкой. «Должна же была вся эта энергия откуда-то браться», — предположила я.

— Рис ушел давным-давно, — подтвердила я, отщипывая кусочек пончика. Вкуснятина.

— Тяжело не заметить, что здесь осталась меньшая частица тебя.

— С чего это?

Мал сделал глоток кофе, глядя на меня поверх кружки.

— Ты ведешь себя как дуреха. Он тебе очень сильно нравится.

Я набила рот едой. Какая отличная отмазка, чтобы не отвечать. Если я буду жевать реально очень медленно, то смогу убить весь разговор на корню.

— Даже с теми безумными глазками, которыми ты смотрела на меня, я это заметил, — продолжил он. — Тебе повезло, что я не из ревнивых.

Я с трудом проглотила огромный кусок еды.

— Ты поэтому начал болтать о секс-приключениях?

Он засмеялся низким и издевательским смехом. Но над кем именно он посмеивался, я

сказать не могла.

— Мал?

— Он заявляется сюда, весь такой свеженький после ночи бухла и траханья, ожидая, что ты ждешь его с распростертыми объятиями... Мне это не понравилось.

— Мы просто друзья.

Он отвернулся, облизнул губы.

— Энн.

Разочарование в его голосе меня задело. Мне хотелось оправдаться. Перевернуть стереотипы. Хотелось защитить себя. Но я даже не знала, от чего именно защищалась. Мал не нападал на меня. Его тихое замечание проскользнуло мимо моей бдительности так, как ни разу не удавалось Лорен со своими лекциями и требованиями.

— Дело в том, что вы оба хороши, — сказал он. — Дружбы между мужчиной и женщиной не бывает. Один из них обязательно влюбляется в другого. Факт из жизни.

— Да, он мне нравится, — признала я. — Довольно долго. Он э... он не испытывает того же ко мне.

— Может быть. А может, и нет. Ему определено охренеть как не понравилось обнаружить меня здесь, — Мал поставил кружку и прислонился к краю выцветшей зеленой столешницы, оставив руки по бокам. Влажные волосы соскользнули на лицо, закрыв его. — Ты планировала использовать меня, чтобы заставить его ревновать?

— Манипулировать им и вести себя как дрянь по отношению к тебе? Нет, такого я не планировала. Но спасибо, что поинтересовался.

— Ну и ладно, — он пожал плечами. — И он тот еще идиот, который получил по заслугам. Надо же было заявиться сюда и вести себя так, будто ты ему что-то должна.

Я обвила себя руками.

— Мне жаль, что он нагрубил тебе. Я обмолвилась с ним словечком. Такого больше не повторится.

Он прыснул со смеху.

— Тебе не нужно меня защищать, Энн. Я не такая уж и неженка.

— Не в том суть, — я сделала глоток кофе.

— Знаешь, я переживу, если ты будешь использовать меня, дабы заполучить его. Черт, мы уже используем друг друга, так ведь?

Нечто в том, как он сказал это, остановило меня. Если бы он только не прятался за волосами, я могла бы видеть его лучше, и определить, куда это все приведет.

— Нам ничего не мешает извлечь из этого детища по полной, — сказал он.

— Ты бы сделал это ради меня?

Он слегка улыбнулся.

— Если это то, чего ты хочешь. Давить на рычаги того козлины задача не из простых, но я готов приложить усилия. Черт, да это тело было создано для того, чтобы заставить смертных мужиков ревновать.

Я улыбнулась в ответ, с осторожностью. Ни с чем не соглашаясь. Эта ситуация требовала серьезного обдумывания. А искушение пойти на это было таким огромным.

— Я в самом деле считаю, что в одной вещи он оказался прав. Ты могла бы найти кого-нибудь получше.

Зеленые глаза пригвоздили меня к месту. Как всегда в них было видно веселье. Кажется, он поддразнивал, подталкивал меня, чтобы увидеть, что последует дальше. Мне

действительно хотелось нанести ответный удар.

— Но все равно, — сказал он, крутанув плечами назад, как будто переусердствовал с обычным их пожатием. — Тебе решать. В конце концов, как долго ты знаешь этого парня?

— Два года.

— Уже два года, как ты по нему сохнешь, и ничего с этим не делаешь? Наверное, на то у тебя были свои причины, да?

— Да, — сказала я, но это ни на капельку не прозвучало правдоподобным.

Он засмеялся, и в тот момент он мне немного разонравился. Никому прежде я не раскрывала своих чувств к Рису, и вот он, Мал, так нежно тыкает мне этим в лицо. Дело в том, что статус-кво с Рисом был намного предпочтительнее по сравнению со всем тем, с чем я сталкивалась с шестнадцатилетнего возраста. Если он решит остепениться с кем-нибудь другим, то мое сердце не будет разбито. Но кто знает, может, однажды мы будем вместе.

Зачем действовать, если самое малейшее действие поможет мне добиться его расположения?

Большой блондинистый парень обвел меня взглядом с улыбкой на лице. Он знал. Не знаю как, но он определенно знал. Блин, я терпеть не могла, когда ко мне предвзято относились, особенно он. Терпеть не могла со страстью тысячи огненных чертей.

— Ладно, — сказала я. — Давай сделаем это.

Он перестал смеяться.

— Я серьезно. Я хочу заставить Риса ревновать. Если ты все еще готов мне помочь, разумеется.

— Я же сказал об этом еще минуту назад. Не думал, что ты на самом деле пойдешь на это, но... — он поднял кружку кофе и осушил ее. — Должно быть интересно. А как сильно ты осведомлена в деле, где нужно будет разбить сердце?

— Мне нужно будет разбить сердце?

По ту сторону гостиной, была широко открыта дверь в ванную. Мокрое полотенце валялось позабытым на полу, посередине комнаты. Рядом с ним лежали брошенные боксеры Мала.

Сегодня мне нужно будет заняться уборкой.

— Какая-то проблема?

— Нет.

Забавно, когда Скай жила здесь, обычно основную часть уборки, в том числе после нее, я брала на себя. В то время я как-то об этом не задумывалась. Скорее всего, из-за пережитков привычки убираться по хозяйству на ранней стадии загрязнения.

— В чем дело, Энн?

— Твое полотенце и грязная одежда валяются на полу в ванной.

Я указала на них, на тот случай, если он забыл, где находится ванная.

— Случайная смена темы разговора, — Мал незаметно подошел ко мне, став ближе, чем того требовалось. — Но ты права. Безусловно, они украшают пол, и у них это отлично получается.

Больше он ничего не сказал.

Грязное белье лежало там, насмехалось надо мной. И я вполне уверена, что Мал со своей молчаливостью делал то же самое. Так, или я была невротичкой. Ну, или близка к тому.

— И что ты будешь с этим делать, Тыковка? — спросил он тихо.

— Мне правда не нравится, когда ты меня так называешь.

Он издал пренебрежительный вопль.

Я вздохнула. В этой войне я вряд ли выиграю. И если забота о тридцатилетнем человеке меня чему-нибудь научила, так это стоять на своем.

— Это не моя проблема, — сказала я.

— Нет?

— Тебе нужно самому убирать после себя, — твердо сказала я.

— Неужели здесь я слышу установленную границу?

Я стала ровнее.

— Да, ее самую. Я не твоя мамочка. Тебе нужно убирать свое дерьмо, Мал.

Он усмехнулся.

— Я займусь этим.

— Спасибо, — улыбнулась я ему в ответ, чувствуя, как с плеч свалился груз. — Так что там насчет разбивания сердца?

— Ты разобьешь мое надвое после того, как покажешь этому придурку, какое важное место в жизни занимает такая девушка, как ты, конечно же.

Я всего однажды познала всю прелесть разбитого сердца, и то по собственной шкуре. Но пофиг и на это. От плохих привычек можно отучиться.

— Я смогу это сделать.

Мал отвернулся.

— Я смогу.

— Не сомневаюсь, что сможешь, Тыковка. Совсем не сомневаюсь.

Глава 8

Лорен ворвалась к нам чуть позже шести вечера. Или скорее попыталась. Дверь задребезжала. А дальше последовали ругань и стук.

— Энн! Что не так с твоей дверью?

Я убрала засов, и она влетела в комнату.

— У тебя дверь сломана, — сказала она, приподняв бровь.

— Нет, Мал поставил на нее новый замок. Он переживал насчет безопасности.

После того как Мал улетучился на репетицию, появился лысый, накачанный мужчина. По-видимому, ведение дел по хозяйству рок-звезды поручают главе группы, обеспечивающей их безопасность. Этот парень в считанные секунды поставил засов. Он был устрашающе быстрым и супервежливым. Весь этот опыт немного вывел меня из себя.

— Вау. Ты выглядишь потрясающе, — сказала я, указывая на ее шелковое платье и прическу. Красивая белая орхидея была вплетена в волосы возле уха. — По какому поводу нарядилась? Куда собираешься?

— Ты про это старое платье? — она провела рукой по облегающему шелковому платью цвета карамели. — Спасибо. И можно я воспользуюсь моментом, чтобы сказать, какая отличная работа по приручению Малкольма Эриксона. Может, он и не заслуживает тебя, но так держать.

— Э, спасибо.

— Когда он рассказал мне всю историю, я не могла в это поверить. Любовь с первого взгляда. Так прекрасно, — дерьмо, у нее и, правда, глаза стали на мокром месте. — Мне кажется, что вы будете замечательной парой. И, кстати, почему ты до сих пор не одета?

— Я?

Как раз в этот момент из второй спальни вышел Мал в черном костюме с жилеткой. С каких это пор жилетка смотрелась так офигенно горячо? Мои легкие сжались. Или же в комнате перекрыли кислород. Выглядел он выше похвал — с волосами, заправленными за уши и идеально гладкими скулами. Мне с трудом удалось привыкнуть к его полуобнаженному виду, а теперь он испытывает меня с «Армани». У меня не было ни единого шанса. Броситься к его ногам — вот какой была очевидная реакция на столь божественный внешний вид. Как мне удалось стоять прямо, я понятия не имела.

Позабудь о Бонде и всем его роде. Мой выбор всегда — барабанщик в костюме.

Тихо присвистнув, Лорен оценила его внешний вид.

— Малкольм. Кто этот симпатичный мальчик?

— Только Тыковке позволено оценивать меня, — сказал он, расправляя манжеты. Французские манжеты с запонками.

— Трахните меня, — пробормотала я, а затем закрыла рот рукой, потому что, блин, опять мой поганый рот. Периодически он вел себя по-идиотски, издавая всякую ерунду.

— В любое время, — подмигнул он. Лжец.

— Твоей Тыковке нужно собираться, — сказала Лорен, игнорируя наш разговор.

Он посмотрел на меня и нахмурился.

— Энн, Дэйви хочет, чтобы все выглядели нарядно. Ты не можешь пойти в джинсах и футболке.

— О чем ты?

— О вечеринке. Тыковка, да ладно тебе. У нас нет времени на всякую чепуху.

Я покачала головой, не понимая его.

— Так, вы двое. Я понятия не имею, о чем вы говорите. Пожалуйста, может кто-нибудь ввести меня в курс дела?

— Об этом я тебе говорил.

— Точно так же, как ты говорил о том, что переезжаешь сюда?

— Ты не сказал ей, что собираешься жить вместе? — спросила Лорен низким и убийственным голосом.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Это был сюрприз, — сказал он, быстро найдя оправдание. — Невероятный большой романтический жест, потому что знал, как сильно Энн хотелось жить со мной. Она просто слишком стеснительная, чтобы сказать мне об этом. Только посмотри на нее! Эта женщина чуть ли не боготворит землю, по которой я хожу. И ты слышала ее, как она требовала, чтобы я обслуживал ее в сексуальном плане двадцать четыре часа в сутки. Я же не мог взять и сделать это дерьмо без ее согласия, понимаешь?

Лорен выгнула бровь.

— Ты сказал мне, что она не против, и что она забыла дать тебе ключ, Мал.

— Что, по сути, было правдой, — он широко раскинул руки в стороны. — Да ладно вам, дамы, у нас на это нет времени.

— Энн, прости меня, — сказала Лорен.

— Все нормально. Я рада, что он здесь, — и мысль о том, чтобы прямо сейчас бросить в него чем-нибудь, не сильно поможет. Я глубоко вздохнула и попыталась оставаться спокойной. — Давайте вернемся к части под названием «Что, черт возьми, здесь происходит». Сегодня мы собирались пойти на какой-то торжественный прием, я правильно понимаю?

— Я говорил тебе, — он достал свой телефон, пролистнул несколько картинок, а затем вытянул его так, что тот оказался у меня перед глазами. — Я охрененно классный парень, видишь?

Сообщение на экране гласило: АМЕХ НА СТОЛЕ^[7]. НАРЯДИСЬ К СЕГОДНЯШНЕМ ВЕЧЕРУ. Только моего имени и близко не было рядом. Действительно на столе в столовой лежала черная кредитка. Я думала, что он ее попросту забыл. У меня даже мысли не промелькнуло о том, что он оставил ее для меня, чтобы я пошла транжирить его деньги.

— Здесь говорится, что ты отправил его кому-то по имени Энджи, — сказала я натянуто. — А не мне, Мал.

— Что, правда? — он посмотрел на телефон. — Дерьмо. Извини.

— Кто такая Энджи? — спросила Лорен.

— Хрен ее знает, но, похоже, она до сих пор ждет карточку, — он засмеялся. — Как будто я даю ее каждому встречному. Так, точно, извини. В любом случае, Энн ты бы не могла что-нибудь на себя накинуть? Нам пора.

— Куда?

— Гулять.

Я нахмурилась и не сдвинулась с места.

— Попробуй еще раз.

— К Дэвиду и Эв, на вечеринку в честь годовщины их свадьбы. Вообще-то, год еще не прошел, но какая разница. Для этого Дэйви приложил очень много усилий и попросил всех

нас принарядиться. Извини, что я облажался и не сказал тебе, — он упал на колени с руками, прижатыми к груди. — Пожалуйста? Мне жаль. Мне действительно охренеть как жаль. Видишь, посмотри, я на коленях, Энн. Я унижаюсь только ради тебя.

— Ладно. Я пойду. Но в следующий раз, пожалуйста, убедись в том, что до меня дошло сообщение.

— Обязательно. Спасибо. Большое тебе спасибо, — с преувеличенным энтузиазмом твердил он. — Тыковка, ты лучшая.

В моем шкафу было только одно хорошее платье. Винтажное черное кружевное платье из пятидесятых. Я купила его на свой двадцать первый день рождения в прошлом году. Мне нравилось верить, что в нем я выгляжу так, словно недавно ушла со съемок «Безумцев»^[8]. К счастью, мои распущенные волосы выглядели не так плохо. Немного тона, туши и блеска для губ — это все, что мне удастся нанести за менее чем пять минут. В один прекрасный день у меня будет время прихорошиться, как следует, чтобы встретиться со всем составом «Стейдж Дайв». Просто этот день не сегодня.

Тем временем в гостиной эти двое вступили в перепалку.

— Поверить не могу, что ты случайно смс-нул какому-то левому человеку вместо своей девушки, — сказала Лорен.

— Моя девушка выглядит обеспокоенной по этому поводу? Нет. Так что напомни-ка мне опять, тебе что с того, хмм?

— Если ты обидишь ее, то мы с Эв выпотрошим тебя лопатой. Берегись.

Ужасная мысленная картинка, но невольно я улыбнулась. Было приятно иметь друзей, которые присматривают за тобой.

Мал поглумился:

— Вы не сможете выпотрошить кого-нибудь лопатой.

— Еще как сможем. Просто это будет грязноватой работенкой.

Он проворчал.

— Так или иначе, почему ты в спальне для гостей? Ей что от тебя уже тошно?

— Нужно было куда-нибудь засунуть свои вещи, а у Энн в шкафу нет места. Вы, девушки, совсем не думаете о том, чтобы им поделиться.

Я закрыла дверь в спальню и начала стаскивать джинсы, снимать футболку. За ними пошло нижнее белье. Вырез у платья был большим и лифчик без бретелек постоянно натирал. В этом мире существовало всего несколько приспособлений, которые были хуже лифчика без бретелек. Не то чтобы у меня была большая грудь. Вид у девушки в зеркале был хороший и счастливый, а платье все еще идеально сидело по фигуре. Вот только мне никак не удастся застегнуть молнию на спине. Я проскользнула в свои черные туфли на высоченном каблуке, которые приберегла для особых случаев, и пошла на выход, пытаюсь придерживать платье, чтобы оно не распахнулось.

— Лорен, ты бы не могла...

— Теперь это моя забота, — улыбнулся Мал и встал позади меня. — Классное платье. Классическое.

— Спасибо.

Мал придвинулся ближе, его дыхание согревало мою шею, пока он медленно тянул застежку молнии. Я сразу же покрылась мурашками.

— Я раньше не замечал, какая длинная у тебя шея. Это очень хорошо.

— М-м.

— И у тебя милые маленькие ушки.

— Эм, спасибо.

— Без лифчика? — спросил он небрежно.

— Без него. С этим платьем я не могла... На самом деле нам не нужно обсуждать это прямо сейчас.

Кончики его пальцев пробежались по моей спине, вверх к молнии. Меня пробрала дрожь, я позабыла родной язык.

— Это будет тем еще чертовым отвлечением, Тыковка, — выдохнул он. — Весь вечер пытаться не смотреть на переднюю часть твоего платья.

Из-за того, как он смотрел на меня, в весьма странных местах пробежал трепет. В том-то и проблема: в моей неспособности отличить говорил ли он серьезно или нет. Вся эта сцена сводилась к тому, чтобы показать себя в качестве пары перед Лорен, так ведь? Складывалось такое впечатление, что иной причины быть не могло. Это казалось личным. Чувствуя прикосновения Мала, я почти позабыла о том, что Лорен вообще была в комнате. Только она была здесь, еще как была.

Лорен прорычала, громко.

— О, боже милостивый, мои уши кровоточат.

Он вогнал меня в жар без особых усилий. Мне нужно быть осторожнее со своими реакциями и держать их при себе. Только так это могло сработать.

— Спасибо, — сказала я, когда платье перестало сжимать грудь и расправилось по фигуре.

— Пожалуйста.

Я ожидала, что он отойдет. Но он не стал этого делать. Если уж на то пошло, он подвинулся ближе. Его теплый, мужской запах, тягучее чувство — все это становилось ближе и ближе. Я попыталась ускользнуть от него, с целью сохранить то, что осталось от моей вменяемости, но он просто взял и последовал за мной. Мне не удалось устоять.

— Ребята, — Лорен постукивала ногой. — Чем бы вы там не занимались, прекращайте.

— Игнорируй ее. Она просто завидует нашей любви, — Мала обхватил рукой меня за талию, притягивая ближе. Я чувствовала, как к моей пятой точке прижимался его стояк, его ни с чем не спутаешь. Я знаю, мы должны были играть пару, но неужели прижимание его члена ко мне было действительно необходимым? Мысли обо мне, облизывающей его, не в счет. Даже рядом не стояли.

— Да, Малкольм. Я завидую вашей любви. Только и всего, — Лорен медленно покачала головой. — Да ладно, давайте уже выдвигаться. Нейт будет ждать, а у него это плохо получается.

— Нам лучше идти, — сказала я.

— Да, — его голос был мягким и мечтательным, и говорил о прекрасном, многообещающем времяпровождении в постели. А затем он покачал головой и одарил меня своей обычной ухмылкой. — Тыковка, прекращай тереться об меня задом. Нам пора идти! Сейчас у меня нет на тебя времени. Расставь приоритеты, женщина.

Иногда искушение стукнуть его так велико.

Сегодняшним вечером людей у Дэвида и Эв собралось в два раза больше. Причем народ варьировался как по возрасту, от юных подростков до пожилых людей, так и по характеру — от приверженцев консервативных идей до истинных авангардистов. Все они нарядились до

лоска. А еще был украшен каждый дюйм квартиры Дэвида и Эв. По всей комнате были расставлены белые свечи различного размера в подсвечниках. На каждой свободной поверхности стояли вазы, наполненные белыми букетами. Звон прекрасного хрусталя и выстрелы пробок из-под бутылок с шампанским сражались с классическим роком за получение первенства среди звуков, наполняющих комнату. Сегодняшняя энергетика сильно склонялась к романтической.

Воздух был наполнен шумом, причиной которому служило ожидание. Это было волнительно.

Мал крепко держал меня за ладонь, его большие, теплые пальцы обхватили меня. Я же, поняв его намек, стояла рядом с ним. Вне зависимости от того, какая бы сексапильная сирена не пыталась к нему подойти, он, по сути, толкал меня к ним навстречу со словами «Познакомься с моей девушкой Энн». Я чуть было не обмолвилась первые несколько раз, когда он использовал меня в качестве живого щита, но сейчас я наловчилась. Когда подходила последняя из них, я просто вытянула руку и сказала «Он со мной». Она восприняла это относительно спокойно.

— Я думала, что эта меня ударит, — сказала я, наблюдая за тем, как расстроенная девица пробирается сквозь толпу. — Быть твоей девушкой опасно.

— Что сказать? Я великолепный экземпляр мужского рода. Конечно, все они хотят меня. Но я ценю, что ты защищаешь мою честь.

— Уж надеюсь, — улыбнулась я.

— Пошли, познакомишься с Джимми. Это тебя встряхнет, — он начал пробираться через толпу, таща меня за собой. — Простите нас. Дорогу, пожалуйста. Расступись.

Джимми Феррис стоял возле камина, как будто его туда поставил позировать художник. Этот мужчина был ходячим произведением искусства. Темные волосы зачесаны назад, яркие голубые глаза. Во многом он был похож на своего брата, Дэвида, такой же высокий и худой, но привлекательнее и сложнее. Более напряженнее, если такое возможно. Может знакомство с Эв остудило пыл Дэвида. В глазах же Джимми определенно не хватало пропащего-в-любви взгляда.

Мрачные взгляды, которые он бросал в сторону девушки, стоящей возле него, были далеко не дружелюбные. Она высоко держала нос и игнорировала его. Я не уверена, что у меня получилось бы так же хорошо держать позу полного безразличия, как выходило у нее. Трудно было не замечать Джимми Ферриса. Ходило много слухов о том, что недавно он прошел реабилитацию. Учитывая его размеры, я бы сказала, что во время ее прохождения программа строго включала в себя физические нагрузки. В целом Бен был крупным парнем, похожим на дровосека. Но судя по Джимми, можно сказать, что он тоже качался, упорно.

— Джимбо, — сказал Мал, освободив место для меня рядом. — Это моя девушка Энн. Энн, это Джим.

Да, Джимми кивнул мне так же, как и всем остальным. Это было тайным рукопожатием. Так что я кивнула в ответ. Он улыбнулся, но едва заметно. Это была мимолетная улыбка.

Мал склонился передо мной, всматриваясь в мое лицо.

— Не-а. Никаких безумных глазок. Твоя теория — чушь собачья, Тыковка. Они только для меня.

— Очень приятно с тобой познакомиться, Джимми, — сказала я, отталкивая своего партнера в сторону.

— Она все еще смотрит тем взглядом? — спросил Джимми.

Рок-звезды сплетничают. Ну, приехали.

— У страсти не бывает срока годности, Джимбо. И привет, Лина. Очень хорошо выглядишь.

Мал протянул свободную руку девушке, находившейся рядом с Джимми. В один миг нотки арктического льда в ее манерах сменились на противоположно экваториальные. Как странно.

— Мал. Как поживаешь? — девушка легонько пожала его пальцы, прежде чем предложить руку для пожатия и мне. Ее каштановые волосы были убраны назад за плечи, а на носу красовались броские очки в красной пластиковой оправе. — А это должно быть Энн. Приятно познакомиться. Мал столько о тебе рассказывал.

— Да неужели? — я пожала ее руку, улыбнувшись в ответ.

— На сегодняшней репетиции группы, он только о тебе и говорил, — ответила она.

— Она любовь всей моей жизни, — вздохнул Мал, обнимая рукой меня за плечи.

— Видишь? Ты любовь всей его жизни, — Лина очаровательно мне улыбнулась. По-видимому, отвращение она питала только к Джимми.

— На этой неделе, — сказал Джимми.

С маленьким вздохом Лена немного повернула голову в его сторону. Этого оказалось достаточно.

Джимми натянуто мне улыбнулся.

— Извини. Было дерьмово с моей стороны сказать такое.

— Тыковка, Лина работает тем, кого мы в нашей деятельности называем нянькой, — сказал Мал. — Если ты явный прихреневший придурок, который не знает, как себя правильно вести, то ты получаешь такую роскошную девушку, как Лина, ступающую за тобой по пятам и следящую за тем, что ты не станешь пиар-катастрофой для звукозаписывающей компании.

— Я же извинился, — взгляд Джимми бродил по комнате, при этом он точно так же морщил лоб, как и его брат. Чем немного напомнил мне Джеймса Дина.

— Привет, — по другую свободную сторону от меня появился Бен, глядя на меня со своего высокого роста. Кивков больше не последовало. Все члены группы были одеты в сочетающиеся черные костюмы, но на Джимми не было жилетки, и он добавил тонкий черный галстук. Бен тоже был в галстук, но он сбросил жилетку и пиджак, а рукава белой рубашки на его сильных руках были закатаны. Обе руки были обильно покрыты татуировками. Татуировки и костюмы составляли чертовски хорошую комбинацию.

Из-за высококачественных особей, приятных на глаз, на сегодняшнем вечере глаза разбегались. Но лучше всех был, конечно же, Мал.

— Тыковка, угадай что?

— Что?

Не успела я понять, что происходит, как оказалась перекинутой на спину. Вся комната стала верх тормашками. Блин, у меня что разъехался перед платьем? Я прижала руку к своей ключице, так на всякий случай.

— Черт, Мал! Подними меня.

Он сразу же вернул меня на место. В голове бурлила кровь, и комната вертелась перед глазами. Найдящиеся рядом, Бен и Лина смеялись. Кажется, Джимми был занят тем, что смотрел своим скучающим взглядом. Тяжело было рассмотреть с все еще кружившейся

головой. Я почти уверена, что люди на нас смотрят. Если бы я услышала, как громко ругается девушка за то, что ее закинули за спину, то я бы, скорее всего, на это посмотрела.

— Никто ничего не видел, — сказал Мал, читая мои мысли. — Ты в порядке?

Я кивнула.

— В норме.

Через ткань платья я чувствовала, как его пальцы вырисовывают круги на моих бедрах. Его лицо было так близко к моему.

— Прости, Тыковка. Я не подумал.

— Все хорошо.

Он прищурился.

— Все действительно хорошо или ты просто говоришь, что все хорошо, и чуть позже собираешься оторвать мне за это яйца?

Для полной уверенности я на секунду над этим задумалась.

— Нет. Но больше так не делай или я сделаю тебе больно.

— Понял. Больше никакого перекидывания.

— Спасибо.

— Больше я тебя не смущу, Энн. Обещаю.

— Я была бы благодарна.

— Видишь, — сказал он с широкой улыбкой на лице. — Наши навыки общения как пары охрененно превосходные. Мы отлично справляемся!

— Да, справляемся, — сказала я, мое сердце ликовало. Это было странно, мы знали друг друга всего-то несколько дней, но я ему доверяла. Он мне нравился, и я была очень благодарна за то время, что провела с ним. После катастрофы со Скай, прямо сейчас моя жизнь нуждалась в Малкольме Эриксоне. Черт, да после последних семи лет моя жизнь нуждалась в нем. Он привносил в нее солнце.

— Да, — прошептал он.

А потом он поцеловал меня и все испортил.

Этот поцелуй не был нежным. Мимолетное прикосновение к губам или намек на чмок явно были не для Мала. Черт нет, конечно, не для него. Этот поцелуй был из рода наркотика, вызывающего амнезию. От которого терялся рассудок. Химическое блаженство. Я явно до этого ни разу не целовалась по-настоящему, по сравнению с тем... как он накрыл мой рот своим и овладел мной. Его язык скользнул по зубам, а руками он зарылся в мои волосы. В ответ я ухватилась руками за его жилетку. Что по началу, может, и было сделано в порыве удивления или гнева. Но затем стремительно обернулось в меру безопасности. У меня подкосились ноги.

Вот же глупый, взял и поцеловал меня.

Его язык соприкоснулся с моим, подстрекая присоединиться к игре. Вероятно, это было не самое разумное решение, но я не смогла удержаться. Я простонала в его рот и поцеловала его сильнее. С той же силой, с какой он целовал меня. Мои бедра напряглась, а ноги стали ватными. Каждый волосок на теле встал дыбом. Он сжал меня крепче, словно не мог выпустить из объятий. Я же, с другой стороны, в основном проделывала к нему путь тем, что жадно хваталась за его костюм. Потребность быть ближе была огромной. Больше ничего не имело значения.

Вокруг раздались аплодисменты, что было вполне справедливо. Такой обалденный поцелуй заслужил оvation. Да и фейерверк не оказался бы лишним. Вот только струнный квартет показался немного не в тему. Конечно, сумасшедшее соло на барабанной установке подошло бы гораздо больше, как нечто примитивное, что соответствовало бы безумному ритму моего сердца.

— Народ, — прошипел Бен, толкая нас локтем. — Прекращайте. Народ!

Я оторвалась от Мала, отчаянно пытаюсь восстановить дыхание. Он тоже задыхался, его зеленые глаза были расширены. Ошеломлены — скорее подойдет такое их описание. Коварство тоже было не далеко. В конце концов, мы на публике терзали наши рты.

Я стояла на месте, уставившись на него и дрожа. Охренеть! Что, черт возьми, только что произошло?

— Это было весело! — ухмыльнулся он, глядя на меня так, словно обнаружил новую игру. Да такую, которая ему очень, очень понравилась.

Нет.

Черта с два.

Мое сердце пыталось вырваться из груди в стиле «Чужого»^[9]. Я не могла винить его за то, что оно хотело найти себе укрытие. Это было какое-то безумие. Мне нужно было держать это дерьмо при себе. А что, если он сможет заметить, как на мне сказался тот поцелуй? Он отменит нашу договоренность, не пройдет и секунды.

Настало время для восстановления бывшего порядка вещей.

— Поцелуй был ничего, — я похлопала его по щеке.

Его высокомерная ухмылка соскользнула с лица.

Люди вокруг нас продолжали аплодировать. К тому же они смотрели в другую сторону, хотя и многие бросали на нас косые взгляды. Я повернулась и встала на неустойчивые носочки, дабы увидеть, что происходит. У открытой входной двери стояла Эв в простом платье цвета слоновой кости. Через всю комнату я увидела белки ее расширенных от

удивления глаз. Рядом с ней стоял Дэвид, в костюме, похожем на те, в которые были одеты остальные парни. Он медленно опустился на одно колено. Я была слишком далеко, чтобы услышать, что он говорил, а в комнате было слишком шумно. Но затем Эв кивнула и, заплакав, одними губами произнесла «да».

— Дэйви хотел сделать вторую церемонию сюрпризом, — сказал Мал, присоединяясь к аплодисментам. — Она не помнит первую — которая была быстрой свадьбой по пьяни в Вегасе — так что ради нее он решил сделать это еще раз.

— Эт-это мило, — я облизнула губы, не обращая внимания на томительный вкус, оставленный им. Такой приятный.

Его руки скользнули на мою талию, и этого было достаточно, чтобы я стояла спокойно, не пытаюсь сбежать. Небольшая передышка не повредила бы. Просто чтобы вернуть контроль над своим телом.

— Кажется, нас видели все, да? — сказал он.

— М-м.

Без сомнений, мы официально представили себя в качестве пары. Нам, наверное, даже удалось на какой-то миг отодвинуть на задний план невесту и жениха. Замечательно. Они как пить дать пригласят нас к себе еще.

Мужчина, одетый в комбинезон Элвиса с побрякушками, выскочил из прихожей, на голове у него красовался черный парик. Он начал петь «Love me Tender» под аккомпанемент струнного квартета. Все смеялись и улыбались. Эв начала смеяться и плакать. Они повторили свои клятвы, и даже мои глаза оказались на мокром месте до того, как я успела совладать с собой. Это было настолько дико романтично. Через толпу тихо пробрался Джимми и вручил своему брату кольцо. Мягкая улыбка на его губах немного меня удивила.

Ритм моего и так чертовски медленного сердцебиения вернулся к уровню близкому к нормальному. Я из-за плеча взглянула на Мала. Сначала я не смогла понять, на что он смотрит. Его внимание было сосредоточено на пожилой паре в другой части комнаты, возможно, на родителях Эв и Дэвида? Он выглядел несчастным. В его взгляде опять появилась пропасть, она отражалась и в линии меж его бровей. А затем он поймал меня на том, что я смотрю на него. Он нахмурился, и его глаза вернулись к тому, что происходило впереди.

— Можешь поверить, что Дэйви подарил ей новое кольцо спустя каких-то три месяца? — прошептал Мал мне на ухо. — Она же, черт возьми, из него веревки вьет. Это нелепо.

— Они влюблены. Я думаю, это мило.

— С теми темпами, с которыми он дарит ей бриллианты, к Рождеству у нее будет тиара. Для меня тиара являлась одной-единственной вещью, которая служила едким веществом для святости моего собственного черепа. Но мне было ненавистно слышать, что Мал выступал против идеи любви или увлеченности, или чем бы там оно не являлось, что так вывело его из себя.

— Что? — спросил он, глядя вниз на мое лицо.

— Все никак не могу решить, говорит ли в тебе ревность, горечь или что-то еще.

— Я пошутил, — сказал он, в глазах отразилась обида. — Тиары забавные. Все об этом знают.

— Конечно.

Мал просто моргнул. Его рот, эти великолепные шаловливые губы не пошевелились.

Следующая порция аплодисментов прогремела в комнате, как быстро слаженный, хорошо настроенный механизм. Исходя из того, что они были уже женаты, смысла тянуть с этим не было. А, может, это только мне показалось, что все прошло быстро. Они поцеловались и комнату осветили фотовспышки. Люди столпились, чтобы поздравить их.

Счастливые, счастливые времена. Что за радостное событие.

— Вернусь через минуту, — сказала я, выскальзывая из объятий Мала. Мне нужен воздух, пространство и прочее дерьмо. Мне нужно собраться. Чрезмерная реакция на его поцелуй надолго выбила меня из колеи. На балконе все казалось лучше и спокойнее. Я знала, что вылазки с Малом на встречи будут странными. Я ожидала чувств, ощущений. Нервозность, неуклюжесть, даже легкое щекотание я могла понять, но то, что у меня снесет крышу, накроет с головой похотью, и весь прочий мир исчезнет? Не очень-то. Он был прав, существовали все шансы на то, что «роковое влечение» маячило не за горами.

— Что случилось? — спросил он, подойдя ко мне сзади.

— Ничего. Все хорошо.

— Чушь собачья.

— Если я говорю, что хорошо, то так оно и есть, — выдавила я сквозь зубы.

— Ты ведешь себя странно, — он встал рядом со мной, от его манящих глаз мои мысли путались. — Это был обалденный поцелуй, — сказал он.

— Он был хорош, — солгала я, одаряя его безмятежной улыбкой.

— Хорош? — одна его бровь изогнулась вверх. — И все?

Я пожала плечами.

— Эмм, ты чуть ли не разорвала мою одежду. Мне кажется, что он был более чем хорош.

— Ох, прости. Это был перебор? Судя по тому, как ты на меня набросился, я прикинула, что мы собираемся дойти до крайности.

Он замер.

— Набросился на тебя?

— Ну, это было похоже на то.

— Да неужели, почему же?

Очередное пожатие плечами.

— Ты должен признать, что языка было многовато.

Он шагнул ближе, попадая в мое личное пространство. Вот бы мои каблукы были повыше. Эта ситуация не относится к тем, в которых мне бы хотелось, чтобы надо мной нависали сверху. Я сжала и разжала пальцы за спиной, возбужденная до предела, но с трудом стараясь не показывать этого. Это не похоже на меня. Я не позволяю мужчинам запутывать свою жизнь. Я просто существую, занимаюсь своими делами, покупаю футболку и ношу ее до тех пор, пока она не протрется до жалких маленьких дыр.

— Я предупреждал тебя, что язык будет присутствовать, когда мы заключали наше соглашение, — сказал он.

Господи, помоги мне, вот бы язык и дальше присутствовал. Много, много языка. Я все еще могла ощущать его, скользкий по моему языку, заводящий меня. Фантомный язык. Стопроцентно Малкольм Эриксон свел меня с ума. Его нужно остановить. Но лучшее, что я могла сделать в тот момент — увести этот разговор к чертям подальше от всех тех вещей, касающихся рта, причем немедленно.

— Да, кстати насчет нашего соглашения... так зачем ты сказал, тебе нужна мнимая девушка?

— Мы уже это обсуждали.

— Ты ничего мне не сказал.

— Я сказал тебе ровно столько, сколько посчитал нужным, — он смолк, продолжая сердито смотреть на меня. — Почему ты пытаешься перевести на меня стрелки? Что такое, Энн, чувствуешь, что потеряла свою защиту из-за одного маленького поцелуя?

— Нет. Конечно. Нет, — я скрестила руки груди. — Но мы договаривались не приплетать сюда секс. Как правило, людям, которые не занимаются сексом, не нужно разговаривать о языках.

— Не согласен.

— Ты, правда, хочешь продолжать об этом разговор? Seriously?

— Ты даже представить себе не можешь, как сильно, Тыковка.

— Супер. Давай это обсудим, — а может мне просто стоило спрыгнуть с балкона. Вроде не так тут и высоко. Отбросим законы физики в сторону, я смогу допрыгнуть. Как знать. — Ты сказал, что засунешь свой язык мне в ухо, а не наполовину в глотку.

— Я не засовывал его наполовину в твою глотку, — его глаза сузились. — Раньше никто не жаловался на то, как я целуюсь.

Я ничего не ответила.

— Все это хрень собачья. Он тебе понравился. Я знаю, что понравился.

— Он был довольно неплохим.

— Довольно неплохим? — переспросил он, у него на шее напряглись сухожилия, будто из него собирался вырваться Халк^[10]. — Ты что, только что назвала мой поцелуй «довольно неплохим»?

— Мы просто притворяемся, Мал. Помнишь? Почему бы тебе не успокоиться? — я отошла от него назад, спокойно ему улыбаясь.

Он шагнул вперед, его зеленые глаза ярко пылали.

— Тот поцелуй был не просто каким-то гребаным «довольно неплохим».

— Тебе не кажется, что ты реагируешь немного чересчур? — попыталась отшутиться я.

А он все не унимался.

— Нет.

— Полагаю, в этом плане мы с тобой друг другу не подходим. Что, исходя из ситуации, я считаю очень даже удачным, не находишь? Благодаря этому все остается без сложностей, как раз так, как ты того хотел, так ведь?

— Не так.

— Осторожнее на поворотах. Мне кажется, у тебя раздулось эго. Не каждой девушке нужно падать к твоим ногам.

— Тебе нужно.

— Ха. Нет, Мал, не нужно.

— Нужно.

— Нет.

— Да.

— Прекрати, — я бросила на него взгляд. Боже милостивый, рок-звезды вели себя, как дети. Как избалованные дети.

Тишина между нами оглушала, с ней даже глубины космоса и рядом не стояли. Мы опять оказались в мыльном пузыре. Внутри квартиры никого не было — не было никакой вечеринки, ни музыки, ни света, ни болтовни. Но я могла контролировать ситуацию. Ни за

что я не потеряю голову из-за какой-то там рок-звезды, которая совсем скоро уйдет из моей жизни.

— Я хочу попробовать еще раз. Сейчас, — потребовал он.

— Да ни за что.

Я положила руку ему на грудь, пытаюсь оттолкнуть его. Это не помогло. Несмотря на слой одежды под ладонью, я чувствовала, как сильно бьется его сердце.

Он подвинулся еще угрожающе ближе, облизывая свои великолепные губы.

— Прямо сейчас, Энн. Ты и я.

— Я так не думаю.

— Я могу лучше.

И еще ближе.

— Мал, тебе не нужно мне ничего доказывать.

— На этот раз тебе понравится, обещаю.

Если я получу еще большее удовольствие от его поцелуя, то у меня случится сердечный приступ.

— Правда, в этом нет необходимости.

— Всего один разок, — сказал он, его голос звучал упоительно низко и привлекательно, заставляя меня поддаться. Что б его. — Ничего такого. Просто дай мне еще один шанс.

Его рот застыл возле моего, предвкушение сбивало меня с толку. Черт с ним, я не собираюсь его останавливать. Вообще никак. Я была ужаснейшим человеком.

— Проблемы в раю? — на балкон вышел Джимми Феррис, его фирменная насмешливая улыбка была на месте. Я могла бы расцеловать его за своевременное вмешательство. Вот только именно из-за поцелуев я теряла голову.

— Прячешься от Лины? — спокойно спросил Мал.

Джимми отбросил темные волосы назад. Его глаза сперва скользнули по мне, прежде чем перейти на огни города, что виднелись вдали. Если бы я когда-нибудь увидела такое, то сказала бы, что это походило на увиливание от ответа.

— Ага, так я и подумал, — фыркнул Мал. Вся его напряженность испарилась в воздухе, спасибо господи. — У нас все зашибись, спасибо, дружище. Просто выбираем имена для наших будущих детей. Энн хочет назвать мальчика Малкольмом Младшим, но я против, категорически против. Все же детишкам нужен шанс прожить жизнь не в тени их старика.

— Очень щедро с твоей стороны, — сказал Джимми.

— Знаю, круто, да? Весь смысл родительства сводится к жертвоприношениям.

Мал проскользнул рукой по задней части моей шеи, сжимая напряженные мышцы.

— Успокойся, — велел он. — Это вредно для малыша.

— Я не беременна.

— Эх, дерьмо, точно. Мы должны были хранить это в тайне. Извини, Тыковка.

Он ударил себя по лбу. Я бы с радостью сделала это за него.

— Не переживай, — сказал Джимми. — Мы дружим с самого детства. Я знаю, когда он несет чушь.

Жаль, что я не знаю.

— Кто беременный? — спросил Дэвид Феррис, когда вышел на балкон, держа в одной руке ладонь своей жены, а в другой — бутылку пива.

С выражением великой гордости на лице, Мал потерял мой живот. Каким бы округлым он ни был, с куда больше вероятностью можно было сказать, что в этом повинен торт, нежели

акт воспроизведения потомства.

— Я не...

— Мы держали это в секрете, — сказал Мал. — Нам не хотелось обставить наших двух влюбленных голубков.

— Быстро ты ее оприходовал, — сказал Дэвид с намеком на улыбку.

— Мои ребята могут плавать, — подмигнул Мал.

— Не думаю, что на самом деле можно узнать об этом так быстро, ты пустоголовый. — Джимми скрестил руки, прислонившись к стеклянной стене. — Чисто с научной точки зрения и тому подобному, ты в курсе?

— Настоящий мужик знает, когда его женщина залетела, Джимбо. Я так и думал, что ты поймешь.

— Настоящий мужик, ха-х? — Джимми оттолкнулся от стены и медленно двинулся в сторону Мала. Его улыбка заставила бы и акулу задуматься. Черт, они оба улыбались. Да что такое с мужчинами, почему в них бушевало первобытное чувство выбить дерьмо друг из друга просто забавы ради? Зачем?

— Парни, — сказала Эв. — Никакого мордобоя на моей повторной свадьбе, даже в шутку, иначе пеняйте на себя.

— А что насчет пары пощечин? — спросил Мал, размахивая рукой возле Джимми.

— Давай обойдемся без них, — я схватила его руку и опустила ее вниз, к себе, прежде чем он смог кому-нибудь навредить. — И Джимми прав. Сорок восемь часов это очень маленький срок, чтобы узнать о беременности. Не то чтобы мы пытались, — поспешила я добавить.

Брови Мала взлетели вверх, когда он обиженно посмотрел на меня.

— Поверить не могу, что ты предпочла его сторону, вместо моей. Это очень задевает, Энн. Уж тебе, как никому другому, стоило бы знать, что моя сперма высшего качества.

— Блин, ты не поверишь, как долго я не слышал, чтобы ты трепался о своей сперме, — Бен покачал головой.

— Не расстраивайся, дружище. Вполне естественно, что из-за моей альфа-спермы ты станешь чувствовать себя неадекватно жалким.

Протяжно простонав, Джимми закрыл лицо ладонями.

— Нужно было просто дать мне его ударить. Если кому-нибудь когда-нибудь нужно будет, чтобы дошел смысл этих гребаных...

— Я подержу его, — предложил Бен.

— Так, успокоились, — сказал Дэвид.

Мал открыл рот, глаза светились весельем. Так что я закрыла его рот своей ладошкой, что было мудрым решением.

— Мал, почему бы тебе не обсудить свою сперму позже? — предложила я. Он поцеловал мою ладонь, и я медленно опустила руку. — Спасибо. И мы не собираемся заводить малыша.

— Хорошо, Энн. Как скажешь, Энн.

Бен засмеялся.

— Что, теперь тобою помыкает киска?

Безо всякого комментария Дэвид потянулся и заехал здоровяку по затылку.

— Эй!

— Спасибо, Дэйви, — Мал вернул меня в свои объятия.

— Это было за Энн, — сказал Дэвид. — Хватит нести всякое постыдное дерьмо, когда рядом находятся девушки. Чуваки, ведите себя, как гребанные взрослые люди.

— Лопата, Малкольм. Старая ржавая лопата. Эта участь постигнет тебя, если ты обидишь мою подругу. Имей в виду, — Эв подошла ко мне, чтобы поцеловать в щеку. — Желаю тебе всей удачи на земле, чтобы ужиться с ним. Ты храбрая женщина.

— Да, я тоже начинаю так думать.

— Мне нравится то, как он смотрит на тебя, — тихо сказала она. — Это что-то новенькое.

— Твоя вторая свадьба была прекрасной, — я улыбнулась ей своей самой широкой и яркой улыбкой, тем самым улизнув от темы о моем новом ненастоящем парне.

Эв обвила своего мужа рукой за шею, чмокнув его в щеку.

— Да, это так. Она была потрясающей.

— Люблю тебя, детка, — Дэвид поцеловал ее в ответ.

— Я тоже тебя люблю.

Он что-то прошептал ей на ухо. Что-то, от чего она захихикала.

— Мы не можем — здесь мои родители. Позже.

Уголки губ Дэвида поползли вниз.

— Энн, значит ли это, что ты поедешь с нами в тур? — спросила Эв. — Пожалуйста, скажи «да».

— Разумеется! — Мал притянул меня к себе, сжав достаточно сильно, чтобы выбить из меня воздух. Мои ноги даже ненадолго оторвались от земли.

— Насчет этого не знаю. У меня еще не выдалось шанса отпроситься с работы, — я повертелась из стороны в сторону, чтобы освободить место для вдоха. Однако он не позволил мне долгой передышки. Ничего страшного, я могла устоять против него и тех безумных чувств, на которые он вдохновляет. Хотя было бы круто узнать, что такое жизнь на колесах, но на самом деле меня не приглашали. Добавим к этому работу, Лиззи, реальную жизнь и прочее. — А когда, кстати, начинается тур?

— Первый концерт будет в Портленде через пять дней.

— Через пять дней?

Я не могла позволить себе купить билеты, когда они появились в продаже несколько месяцев назад. И, конечно же, они разлетелись в считанные минуты. Поскольку у меня не было возможности посетить концерт, то я сознательно игнорировала шумиху вокруг него. Можете назвать это жалкой ревностью, если хотите.

Времени, отведенного нам с Малом, оставалось так мало. Земля ушла у меня из-под ног, а сердце екнуло. Осознание причиняло боль. Не важно, какой пугающе глупой делали меня его поцелуи, я не хотела, чтобы он уходил. Он делал жизнь лучше, ярче. Какой же идиоткой нужно быть, чтобы привязаться к нему. Я не собиралась привязываться, но доказательства на лицо.

— Не грусти, Тыковка, — он нежно обхватил ладонями мой подбородок, глаза были серьезными. — Мы что-нибудь придумаем.

— Ребята, они готовы фотографироваться, — в дверном проеме стояла Лорен, держа в руке полный бокал шампанского. Немного побурчав, Джимми направился внутрь. Дэвид с Эв, рука об руку, последовали за ним.

— Отлично сыграно, — прошептал Мал, оставляя легкий поцелуй на моей шее. — Если честно, я сам подумал, что ты вот-вот зальешься слезами.

Забавно, я подумала о том же. Я выдавила смешок и улыбнулась ему своей самой лучшей фальшивой улыбкой.

— В средней школе я играла одну из злых ведьм в постановке «Волшебника из страны Оз».

— Это объясняет качество твоей игры.

— Вообще-то, все сводилось к тому, что я просто лежала мертвой и издавала хлюпающий звук, пока на мне надеты крутые красные туфельки.

— Готов поспорить, что ты была самой лучшей хлюпающей девчонкой во все времена.

— Спасибо. И беременность? Seriously?

Он закатил глаза и поцеловал меня в щеку.

— Прости, прости. Просто вырвалось. Ты меня простишь?

Я выждала две секунды.

— Да.

— Спасибо. Это очень мило с твоей стороны. Я, в самом деле, не собирался заставлять тебя нервничать в твоём-то деликатном положении.

Я зарычала.

Он засмеялся.

— Идете? — спросил Дэвид, оглядываясь на нас из-за плеча.

— Я просто подожду здесь, — сказала я, отступая от Мала, пока была такая возможность. Сразу же налетел холодный вечерний воздух, остужая меня.

Дэвид покачал головой.

— Нет, Энн. Ты тоже идешь. Если ты с ним, значит ты часть семьи. Давайте с этим покончим, чтобы мы смогли закончить и отдохнуть.

— Ты слышала жениха, — Мал схватил мою руку, снова потянув меня. — Только сперва одна вещь.

— Какая?

Мне стоило догадаться по блеску в его глазах. Он нагнулся, и его губы прижались к моим. Его руки обхватили меня, придвинув ближе. Мой удивленный вздох был как раз тем, чего он добивался. Как оказалось, он знал, как злобно смеяться и безумно целовать меня в одно и то же время. Хотя мне не стоило этому удивляться. Несмотря на это, поцелуй выдался душераздирающе нежным. Он целовал меня сладко и приятно, пока не закружилась голова, и не затрепетало сердце. У меня подогнулись коленки, а женские прелести молили о пощаде.

И все же он целовал меня.

— Как тебе этот? — в конце концов, спросил он, уставившись в мои, вне сомнений, изумленные глаза. — Лучше?

— Эм, конечно?

Он выдохнул через нос, а брови нахмурились.

— Вот дерьмо, я до сих пор не сделал это, как надо. Я разберусь в этой штуке с поцелуями. Разберусь. Мы просто будем продолжать делать это вновь и вновь. Никогда не отчаивайся!

Отчаяние уже взяло надо мною верх.

Я рассматривала свое отражение в зеркале, висевшем в прихожей, пока в гостиной продолжалась вечеринка. Одна сторона моей нижней губы выглядела немного больше, чем вторая. Если честно, то так оно и было. Я выглядела нелепо. Барабанщик свихнулся. Он постоянно скатывался к неизбежности в виде получения безотлагательного допуска к приятной, мягко обитой белой комнате. И на какое-то время, с точки зрения непривычной моды, это показалось даже вроде как очаровательным. Но сейчас он официально потерял всякое подобие контроля.

Нравилось ли мне покусывание? Нет. Нет, не нравилось. То же самое касалось щипания и особенно засосов. След на моей шее совершенно не впечатлял, и я почти уверена, что чуть выше моей задницы красовался синяк от того, как он припер меня к кухонному столу.

Разумеется, его любовный эксперимент не увенчался успехом.

— Чертов маньяк.

— Прости? — спросила девушка, стоящая рядом со мной в очереди в главную ванную комнату.

— Ничего. Просто проклиная вслух, — я улыбнулась ей вежливой, социально приемлемой улыбкой. — Не обращай на меня внимания.

Она кивнула и с точностью художника провела по губам блеском, перед тем как поправить грудь. Каковы были у меня шансы на внезапный скачок роста в свои-то молодые двадцать с хвостиком лет, чтобы грудь увеличилась до такого размера? Мечтать не вредно.

— Ты же с Малкольмом Эриксоном? — спросила она.

— Да.

Я не была уверена, что мне нужно было прихорашивать, но все равно пробежалась пальцами по волосам.

Улыбка, которой она меня одарила, казалась далеко не искренней, несмотря на яркое освещение.

— Думаю, что с твоей стороны это очень храбро.

— Да неужели?

— Да, встречаться с кем-то не твоего ранга... — ее глаза встретились с моими в зеркале. Они были темными, злыми, по цвету похожими на карий. — Я имею в виду, он же совершенно не твоего уровня. Но почему бы не насладиться им, пока есть такая возможность, да?

Я уставилась в зеркало. Но что удивительно, пар из ушей у меня не шел. Мой рот был открыт, но прошло некоторое время, прежде чем я смогла подобрать слова.

— Ты действительно только что это сказала?

— Что? — она выдавила нервный смешок, тряхнула волосами.

— Ты меня совершенно не знаешь.

— Эй, я думаю, это здорово. Давай, сестренка, и все такое.

Какое жалкое, вызванное ревностью, собачье дерьмо. Ни за что не позволю этой суке заставить меня чувствовать себя мелкой.

— Я не твоя сестра. У меня есть сестра, и она бы никогда не сказала мне ничего подобного.

Идеально накрашенные губы девушки распахнулись.

— Серьезно, дорогая, — сказала я. — У тебя ужасные манеры. А не пошла бы ты нахер.

Дверь в ванную открылась, и я, как следующая в очереди, проскочила внутрь, закрыв ее за собой с чуть большим энтузиазмом, чем было необходимо. Когда я шагала обратно на вечеринку, мои плечи были вжаты, о легкой пульсации на губе было практически позабыто. Я не обернулась, чтобы посмотреть на ту суку.

Ох уж эти люди. Будь они прокляты.

Звуки хард-рока отдавались во мне, подкрепляя мое расшатанное состояние. Мне хотелось что-нибудь ударить. Не кого-нибудь, а что-нибудь. Просто заехать по невинной стене, чтобы выпустить напряжение, что разрослось внутри. Я замедлила дыхание, попыталась уgomонить свои громкие мысли.

Все было хорошо.

Мал, Джимми и Бен стояли в сторонке, потягивая напитки и игнорируя взгляды, полные надежды, что бросали девушки неподалеку. Черт, неужели с ними так было постоянно? Наверное, им это надоело. В нескольких шагах от них Лина болтала с девушкой своего возраста. Ее взгляд то и дело скользил в сторону Джимми, но не совсем с профессиональным интересом. Представьте себе.

Выбравшись из ограниченного пространства, я снова могла вздохнуть. Все было в порядке.

— Что стряслось? — спросил Мал, когда я подошла ближе.

Позади нас из ванной вышла та девица, бросая в сторону моего мнимого парня огромную фальшивую улыбку. Ни единого намека на угрызения совести с ее стороны.

— Обещай мне кое-что, — сказала я.

— Конечно.

Я замолчала, улыбаясь.

— Ты даже не заколебался.

— Ты из-за чего-то расстроена, — он наклонился, делая наш разговор личным, несмотря на битком набитую комнату. — Что случилось?

— Пообещай мне, что не будешь с ней спать, — с просьбой кивнула я на чудовище. Сейчас она была занята тем, что разговаривала с пожилым мужчиной, улыбалась и кивала. По всей вероятности, она приходилась Эв кузиной или кем-то столь же безобидным, а не Хищной Королевой Мрака. Но это не давало ей права так себя вести.

А еще в ближайшее время, всякий раз, зайдя в это здание, мне нужно будет попробовать не оскорбить кого-нибудь. Отличная идея.

— Я не буду спать с ней, — сказал Мал.

— И сексом ты с ней тоже заниматься не будешь.

Он закатил глаза.

— Просто уточняю.

— Что она тебе сделала, Энн?

— Она наехала на меня. Но теперь все хорошо, — мне просто нужно было знать, что она никогда не подберется к нему близко. Теперь моя душа была спокойна. — Возвращайся к вечеринке.

Лицо Мала стало суровее, рот сжался в плотную линию.

— Какого хрена она тебе сказала?

— Не важно. Пойду, раздобуду себе другой напиток. Не имею малейшего понятия, где оставила свой, и внезапно алкоголь кажется очень хорошей идеей. Думаю, чтобы быть более

общительной, мне нужна выпивка.

Я направилась в сторону кухни, с моим миром опять все в порядке. Справедливость восторжествует. Брюки Мала останутся при нем, а девице ничего не обломится.

Рука схватила меня за локоть, потащив обратно в ванную комнату. Это была красивая комната. С темно-серыми поверхностями, блестящими хромовыми деталями. На самом деле замечательная ванная, но проводить столько времени в ней не было необходимости.

— Мал?

Он закрыл дверь. Ух ты, его глаза. В них не было ни намека на веселье.

— Что она тебе сказала?

— Эй, правда, все хорошо.

Я оперлась бедром о столешницу, показывая правильный пример поведения и стараясь выглядеть невозмутимой. Такой уровень эмоций не ожидался.

— Энн.

— Мне просто нужно было знать, что она не получит то, чего хочет, название чему — ты. Можешь винить в этом мое черное мстительное сердце, — пошутила я.

Он не засмеялся.

На его лице все еще виднелись яростные нотки, когда он пошел на меня, заставляя отступать к стойке. Твердый каменный угол врезался в синяк на спине, который я умудрилась поставить ранее. Это больно.

— Ой, — вздрогнув, я потерла больное место.

— Что?

— Думаю, я схлопотала синяк от кухонной столешницы. По твоей вине.

Он хмыкнул в странноватой сексуальной манере (мне прежде никогда в голову не приходило, что такой звук может заводить).

— Я уже извинился за это.

Он поднял меня за талию и усадил на стойку. Его умелые руки раздвинули мои колени в стороны, насколько позволяло платье, и он встал между ними.

— Ну, привет, — я положила руки ему на плечи, прижимая их к приятной ткани пиджака. — Ты бы отошел немного.

— Скажи мне, что она сказала.

— Зачем? Ты собираешься вызвать ее на дуэль? С пистолетами, на закате?

— Ты читаешь слишком много книг.

— Ничего подобного! — выкрикнула я в ужасе.

— Никакой дуэли. Но я чертовски уверен, что вышвырну отсюда ее задницу.

— Мал, серьезно. Я с этим разобралась. Все хорошо.

Он просто смотрел на меня.

— Я очень вежливо поблагодарила ее за высказывание своего мнения и послала ее нахер.

Напряженность на ее лице немного ослабла.

— Ты сказала ей пойти нахер?

— Да, сказала. Я настроилась на свою внутреннюю Скарлет О'Хару и не приняла близко к сердцу ничего из сказанного ею дерьма.

— Хорошо. Мне нравится эта граница. И теперь с тобой все хорошо?

Он положил руки на стойку, по обе стороны от моих бедер, давая понять, насколько чертовски близко мы были. Гораздо ближе к тому, чтобы избавиться от некоторой одежды и

стать близкими в библейском смысле.

— Я в полном порядке. Хотя моя нижняя губа вроде как побаливает. Больше никаких покусываний.

Из него вырвался смешок.

— Да, хорошо. Я понял это, когда ты потянула меня за волосы, чтобы оторвать от себя. Знаешь, Тыковка, а ты можешь быть порочной. Мне это нравится.

Я улыбнулась, и он улыбнулся в ответ, и все стало замечательно и превосходно.

— Хотя ты определенно не будешь с ней спать, — сказала я просто, чтобы убедиться. Мне она и впрямь не нравилась. — Seriously.

— Мой член и даже близко не околачивается возле тех, кто ведет себя грубо по отношению к моим друзьям. Это не круто.

— Тогда у твоего члена хороший вкус.

Его взгляд вроде бы помутнел.

— Мал?

— Хм-м? Прости. Мне понравилось, как ты употребила «член» и «вкус» в одном предложении.

— Ладненько, — совсем не в ту степь понесло. Я со всей осторожностью заерзала на столешнице. — Спасибо, что беспокоился обо мне. Но нам стоит вернуться и присоединиться к вечеринке. Остальные, наверное, тоже хотят воспользоваться ванной.

— Здесь есть еще четыре ванны.

Мягко, словно пушинка, он прикоснулся губами к моим. Каждый нерв в моем теле вспыхнул от этого контакта.

— Энн, я сделаю так, что ты почувствуешь себя лучше.

— Э, ага. А я уже сказала, что прекрасно себя чувствую. И ты помнишь ту линию на песке, которой ты обвел нас, чтобы мы не увлеклись друг другом в сексуальном плане и прочем? Сегодня ты крупно с ней напортачил.

— Это не проблема.

— Вроде как проблема. Я не хочу быть твоей забавой, Мал.

— Моей забавой? О чем ты говоришь, черт возьми?

Его руки скользнули по моей попе, и неожиданно я оказалась прижатой к нему. Ко всему нему. И судя по ощущению, много частей его тела пребывали в хорошем и твердом настрое.

Я взвизгнула и обхватила ногами его бедра. Ей-богу, я не собиралась. Это вышло случайно. А затем он прижался ко мне своим стояком, заставив подумывать о невозможном. Мои гормоны взяли верх. По-видимому, вся его болтовня о детях дала им повод для идей. И все же я приложила символические усилия, чтобы им не поддаться.

— Хорошо, здоровяк. На этом хватит.

Нежно он поцеловал мою нижнюю губу.

— Все еще болит?

— Полностью зажила.

О, мне было больно, я изнывала от боли. Хотя, еще чуть большее надавливание его таза, от которого моя голова пойдет кругом, облегчит дело. Я качнулась напротив него, не в силах удержаться. Мои веки наполовину сомкнулись. Черт, чувствовать его рядом было хорошо.

— Для меня ты не забава, Энн. Ты мой друг. Тот, который мне охрененно нравится по многим причинам.

Я не смогла удержаться от улыбки.

— Ты тоже мой друг.

— Но, знаешь, ничего страшного не произойдет, если мы просто расслабимся и немного повеселимся, — он продемонстрировал свою точку зрения тем, что погладил меня по попе. — Тебе не нужно быть постоянно на взводе. Я не позволю, чтобы случилось что-либо плохое.

Может, у Малкольма Эриксона и было много качеств, но всеильность не была одним из них. Плохое порой случается. Это факт из жизни.

— О чем ты думаешь? — спросил он, снова прижимаясь ко мне, тем самым пустив под откос мою грусть.

— Ни о чем.

О сексе. Стрессе. На самом деле, понемногу о том и о другом.

— Мне правда нравится твое платье.

— Спасибо. Твой костюм хорош; ты выглядишь потрясающе.

— Я тут подумывал насчет той нашей проблемы с поцелуями.

— Нет никакой проблемы с поцелуями. Каждый верит, что мы с тобой вместе, так что... так держать, команда Мала и Энн, — я высоко подняла кулак. — Ура.

Он слегка усмехнулся.

— Видишь? Ты можешь быть забавной.

Я одарила его улыбкой, которой полагалось быть изумленной. Блин, он был красив, особенно находясь так близко. Он склонил голову и уткнулся носом в мою щеку, целуя уголок моих губ. Его пальцы игрались с собачкой молнии на спине платья. Не сдвигая ее, просто небрежно угрожая мне неизбежностью того, что произойдет дальше. Боже милостивый, как же нравилось быть запуганной им вот так. Мои соски затвердели, более чем готовые, чтобы их выставили напоказ. В их реакции вообще не было никакого смысла.

— Я тут подумал, — сказал он. — Может, тебя нужно поцеловать в других местах.

Парень был охрененным гением.

Очень медленно он потянул собачку вниз, на дюйм или два. Из-за его улыбки я набралась храбрости остановить его. Какая жалость, что из рук и ног ушли все силы. Молния растянулась дальше, ослабив лиф моего платья, и широко открывая вид спереди. Мал проскользнул пальцем в декольте, убирая с пути черное кружево.

— Ты не собираешься остановить меня? — спросил он тихо.

— В любую минуту. — Да ни за что.

Потом он посмотрел вниз. К счастью, он ценил грудь всех типов. Если бы он был из парней, предпочитающих размер побольше, то ничем хорошим это бы не закончилось.

— Энн. Черт, — он тяжело сглотнул. Очень хороший знак. Пальцами он нежно провел по ложбинке у основания моей шеи.

— Да?

— Ты так чертовски...

Кто-то постучал в дверь, выводя меня из тумана похоти.

— Мал, пора, — крикнул голос.

Нет. НЕТ!

— Чт... — с хмурым выражением лица Мал обернулся, в то время как я отчаянно пыталась удержать платье на месте.

Дверь открылась, и Бен просунул голову в комнату.

— Во имя всего гребаного святого, чувак, — сказал Мал, его голос был напряженным и взбешенным. — Энн могла бы быть голой.

Бен оскалился.

— Раньше тебя не волновало, кто и что видел. И если это такая проблема, то на двери есть замок, пустоголовый.

— Правила изменились.

— Вот дерьмо, чувак, — сказал Бен, обнажая зубы в широкой улыбке. — Ты, в самом деле, серьезно.

— Конечно, я, мать твою, серьезно. Это же моя долбаная девушка, придурок.

Взгляд Бена медленно прошелся по моему телу.

— Да, ну что ж, твоя долбаная девушка довольно симпатичная. Ты в курсе? Кажется, она мне нравится.

Каждая частичка Мала напряглась. В его глазах пылал огонь.

— Ты...

— Нет, — я ухватилась за лацканы его пиджака. — Никаких драк.

Он посмотрел на меня, его ноздри были раздуты. Что такое в этих свадьбах, раз они привлекают к себе столько драмы?

— Я серьезно, — сказала я. — Это особенный вечер в честь Эв и Дэвида.

Но, по-видимому, Бена слишком понесло, чтобы сейчас остановиться.

— Помнишь те времена, когда мы с тобой зажигали с одной и той же девушкой в Берлине? Это было хорошо... очень хорошо. Всегда думал, что стоит попробовать снова. Что скажешь, Энн? Как смотришь на то, чтобы немного развлечься? Обещаем, мы хорошо о тебе позаботимся.

Мал зарычал, и я бросилась на него, вцепившись мертвой хваткой. По сути, я на нем повисла. Черт, а парень был силен. Может Бен и был крупным, но судя по настроению Мала, я бы не поставила против него в честной схватке. На его шее вздулись мускулы.

— Мал? — произнесла я своим суперспокойным и обозначающим, что все под контролем, голосом. В других обстоятельствах я, наверное, стала бы хорошим терапевтом. — Ты меня слушаешь?

— Да.

Его руки обхватили мою задницу, принимая на себя часть моего веса. Что было хорошо. Висеть на чьей-то шее сложнее, чем кажется со стороны.

— Все хорошо. Игнорируй его, — сказала я. — Бен, выметайся.

Этот подонок, глядя на меня, поиграл бровями.

— Сейчас же.

— Конечно, Энн. Не парься, — он подмигнул мне, закрывая дверь.

— Спокойно, Мал. Плохой дяденька ушел.

— Я спокоен, — прорычал он, прижимая меня к себе.

— Он не имел ничего такого в виду. Он просто тебя разыгрывал.

— Разве ты не видела, как он смотрел на тебя? Идиотина говорил всерьез, — Мал крепче обнял меня. — Иногда он ведет себя так же дерьмово, как Джимми. Нужно было надрать ему задницу.

— Эй, а теперь успокой-ка своего внутреннего пещерного человека. Этим вечером ты очень агрессивен.

— Мне не нравится, что люди говорят в твой адрес всякую чушь. Ты не должна с этим

мириться.

— Ну, это мило с твоей стороны. Но мне вовсе не нужно, чтобы ради меня ты кого-нибудь избил.

— Четверо из нас мутузили друг друга с самого детства. Такое случается, — одной рукой Мал застигнул молнию на спине моего платья. А затем пронзил меня тяжелым взглядом. — Тебе же не хотелось попробовать, да?

— В основном, я предпочитаю по одному пенису за раз. Наверное, с моей стороны это тот еще недостаток...

— Хорошо.

Я поцеловала его в щеку, потому что лицезреть Мала-ревнивца было обалденно.

— Что он имел в виду, говоря «пора»?

— Дэйви хочет сыграть несколько песен для Эв. Нам нужно возвращаться, — вздохнул он и усадил меня обратно на стойку. Его руки прошлись по моим бокам. — С тобой все нормально?

— Да.

Он все еще хмурился.

— Знаешь, Малкольм Эриксон, иногда ты можешь быть весьма напряженным.

Он молча наблюдал за мной.

— Большую часть времени ты ведешь себя как тот чувак «счастливо-везучего-типа», но, на самом деле, ты очень многогранен. Ты довольно сложная личность.

— Удивлена?

— Да. И нет.

— И ты еще называешь меня сложным. Потанцуешь со мной позже? — спросил он, стряхивая плохое настроение.

— С удовольствием.

— Ты хотела раздобыть себе другой напиток, так ведь? Давай, пойдем, достанем тебе его, пока я не начал выступать.

Он опустил меня вниз, придерживая меня руками за бедра с особой осторожностью.

— Ты самый лучший парень из всех. Из мнимых и настоящих.

— А сколько у тебя их было?

— Парней? Двое.

Я подняла два пальца, на случай, если ему нужно было визуальное содействие. Что должно бы помочь.

— Значит, я под номером три.

— Нет, ты под номером два. В отношениях я не ас.

— Нет? — он приподнял подбородок, взглянув вниз на меня. — Ты очень хорошо справляешься, Энн.

— Спасибо, Мал.

К тому моменту, как мы добрались домой, я пребывала в приятной эйфории. Около трех утра, после потрясающей вечеринки мы поехали на одном такси с Нейтом и Лорен.

Я наконец-то услышала, как вживую играют «Стейдж Дайв». Они обалденно исполняли акустические песни. Голоса Джимми и Дэвида прекрасно сочетались вместе. Каждый из них был так чертовски талантлив, что от улыбок у меня заболели зубы. Бен со своей бас-гитарой и даже Мал с неполностью укомплектованной барабанной установкой заставили прочувствовать атмосферу самым чудесным образом. Все они прекрасно гармонировали, неотделимо от музыки.

Может уже и наступило время идти спать, но я не хотела, чтобы ночь заканчивалась. Пока еще нет. Я легла на спину, уставившись на потолок в спальне. Я давно перестала ворочаться. Зазор между шторами был достаточного размера, чтобы в него просачивался уличный свет. Несколько лет назад, ночами, такими как эта, когда сон все не приходил, я частенько разговаривала с Малом — то есть с его версией с постера. Печально и ненормально, но правда. А теперь этот мужчина во плоти спал в соседней комнате.

Порой жизнь может быть странной и прекрасной штукой.

Временами она бывала просто катастрофой. Но иногда прекрасные мгновения брали верх.

Я пробежалась пальцами по бедным, израненным губам. Их чуть ли не зацеловали до смерти. После того, как Малу в голову пришла идея, его было не остановить. И, по-видимому, танцы с ним предполагали собой осуществление мини-сеанса с поцелуями. Каждый раз, когда он пробовал что-то другое, становилось все сложнее и сложнее симулировать недовольство. Так что было много поцелуев, я, правда, понятия не имею сколько именно. В основном фигурировали легкие и не совсем, с использованием зубов и без, с разными уровнями проникновения языка. И руки. Ничего себе, эти руки. Что он только не делал: от нежного поглаживания моей шеи до массирования попы. Мужчина, который знал, что делать со своими руками, обладал силой, с которой нужно считаться. Я остановила его, только когда в полночь он попытался задрать подол платья.

Какая замечательная ночь.

Как только мы добрались домой, он опять разделся до боксеров. Я направилась в ванную, чтобы забрать расческу, и он оказался там — чистил зубы. Парень, чистящий зубы, еще никогда так не заводил, даже с белой пеной, просочившейся из уголка губ. Я еще подумала, вот бы у него не было пижамы. Нет, парень, как он, должен спать обнаженным. Так говорила гениальная научная дедукция, основанная на горячем и мускулистом парне, в текущий момент занявшем мой диван. Безо всяких усилий я могла представить, как из-под одеяла раскрывается его теплая, загорелая кожа. Он спит на спине, животе или боку? Чисто с эстетической точки зрения, приятнее всего, если бы на спине... по разным причинам.

Но если он лежал на животе, то длинная линия его позвоночника была бы выставлена напоказ вместе с бонусным дополнением в виде его задницы. Я бы продала что угодно, лишь бы увидеть его голый зад. Свои книги, электронную книжку, душу, что бы ни потребовалось.

И в любое время я могла подумать о чем-нибудь другом, стоило только захотеть. Но зачем?

Нет, мастурбация была более разумным направлением для действий. Я была на взводе и

не спала, мои соски затвердели, дыхание участилось. Пришло время взять дело в свои руки.

— Мм, Нейт.

Послышалось еще больше стонов.

Немного ахов.

Удар.

— Детка, да.

— Полижи его, Лорен.

Твою. Же. Мать.

Я накрыла лицо подушкой и беззвучно закричала. Если я включу музыку, чтобы заглушить их (обычно так я поступаю, чтобы справиться с ночными утехами Нейта и Лорен), то, скорее всего, разбужу Мала.

Последовало еще два удара. Кровать соседей начала скрипеть. Она скрипела так громко, что я почти не слышала, как открылась дверь в мою спальню.

— Тыковка, я в аду? — в комнату вошел Мал и присел на край кровати.

— Да. Да, ты в аду. Мне жаль. Дело в том, что это первый и самый худший этаж, находясь на котором можно услышать, как трахаются твои соседи, из-за тонких, как лист бумаги, стен.

Лорен визгнула, к такому звуку она особенно часто склонялась во время вот таких встреч. Я поежилась.

— Сделай так, чтобы это прекратилось, — прошептал Мал, его рот широко раскрылся от ужаса. — Ох, черт нет. Это ужасно.

Мы вдвоем начали тихо смеяться. Это было единственной разумной реакцией.

— Пойдем в отель, — сказал он, придвигаясь ближе.

— Сейчас четыре утра.

— Сколько обычно у них это длится?

— Они напились, так что это будет долго.

Я подтянула коленки, крепко прижала их груди. Ему не нужно знать, что творится с моими сосками. Печальная правда заключалась в том, что слышать, как люди занимаются хорошим, громким сексом, делу не помогало. К счастью, на мне были мои лучшие штаны из комплекта хлопковой пижамы и старая футболка. Они были такими мешковатыми, что скрывали абсолютно все. В противном случае, нахождение Мала на моей кровати в такой близости еще немного и смущало бы.

— Не находишь в этой картине ничего неправильного? — сказал Мал, хмурясь на стену, словно она лично оскорбила его. — Я барабанщик из «Стейдж Дайв». Это не я должен не спать из-за того, что другие занимаются сексом. А они. Это из-за меня не могут уснуть гребаные соседи.

— Черт, детка. Ты так в этом хороша, — прорычал Нейт за стенкой.

— Ты это слышала? — спросил Мал.

— Ага.

— Так. С меня хватит, — Мал взобрался с ногами на мою кровать и выпрямился. Между ним и потолком оставалось не больше фута^[11]. — Он насмехается надо мной. Он бросает мне вызов.

— Да неужели?

— Ублюдох.

— А я всегда считала, что Нейт был таким хорошим парнем.

Он протянул мне руку.

— Давай, Энн. Нам нужно защитить нашу мнимую сексуальную жизнь.

— Вот дерьмо, — я взяла его за руку, позволив поднять на ноги и себя. — Не дай мне отскочить в сторону. И не ударься головой.

— Не собираюсь я биться головой. Ты перестанешь вести себя так по-взрослому хотя бы на минуту? Расслабься, повеселись.

— Сильнее, Нейт, — донеслось от соседей.

Мал громко откашлялся.

— Энн!

— Мал.

— Громче, — прошипел он, когда мы начали прыгать по кровати. Ее деревянный каркас издавал поразительный скрип. Такого скрипа от нее не слышалось не то что давно, а вообще никогда. Если бы в наши обязанности входило оказаться голыми в горизонтальном положении. Было бы так здорово.

— Мал!

— Ты такая хорошая девочка, Энн, — выкрикнул Мал, чтобы нашим соседям было хорошо слышно. — Ты, правда, мне очень нравишься.

— Серьезно? Такая твоя версия разговора во время секса?

— Тогда давай послушаем, как развратно говоришь ты. Ну же.

Я закрыла рот. Он остался закрытым.

— Трусишка, — Мал повернулся к стене, разделяющей нас от Нейта и Лорен. — Ты такая охрененно приятная на вкус.

— Как что? — спросила я, затаив дыхание, а мышцы бедер сжались. Парню просто посчастливилось, что я не набросилась на него со своей вагиной. — На что похож мой вкус?

— Ну, он как мед и сливки, и... не знаю, хлеб?

Я поморщилась.

— Хлеб?

— Да. Сексуальный хлеб, который я могу есть постоянно, потому что ты такая аппетитная и богатая цельнозерновыми злаками.

От следующего раунда смеха мышцы на животе свело, но я продолжала прыгать. Насколько странным было смеяться, прыгать и быть заведенной в одно и то же время. У некоторых наших с Лиззи друзей был батут, когда мы были помладше. Вот только он никогда не приносил столько веселья, сколько было сейчас.

А затем Мал подпрыгнул слишком высоко и ударился головой о потолок.

Он упал на свою по-большей-части-прикрытую задницу, потирая макушку.

— Бл***. Ой.

— Ты в порядке?

Неожиданно кровать подкосило, одна сторона деревянного каркаса рухнула на пол. Шум был особенно впечатляющим. Как и внезапная тишина через стену. Я споткнулась, поскользнулась и наполовину приземлилась к нему на колени. К счастью, вокруг меня обернулась рука, удерживая от дальнейшего падения. Мы сидели на месте, по сути, грудь к груди, с одной моей ногой, переброшенной через его ноги.

— Мы сломали мою кровать, — сказала я, заявляя очевидное.

— В битве не обойтись без жертв, тыковка.

— Твоя голова в порядке? Тебе нужен лед? — я откинула спутанные светлые волосы с

его лица. Может, ему нужно было сексуальное лечение. На это я была очень даже настроена. На кончике языка так и крутилось предложить это. Пьяная бравада была лучшей.

— С ней порядок, — на его лице очень медленно растянулась улыбка.

Кто-то постучал по стене со стороны Нейта и Лорен.

— Вы там оба целы?

— С нами все хорошо, — крикнула я в ответ. — Спасибо. Продолжайте.

Я могла расслышать едва приглушенный смех. Мое лицо вспыхнуло. Оно запылало. Вы, скорее всего, смогли бы приготовить стейк на этом засранце. Черт, об этом услышат все. И я действительно имею в виду всех. Нам этого никогда не забудут.

— Они смеются над нами, — сказала я.

— Ерунда. Мы просто так сильно трахались, что сломали кровать. Они желают оказаться на нашем месте. Естественный порядок сексуального статуса был восстановлен.

Мы оба засмеялись. Это было так нелепо.

Но когда смех как-то сошел на нет, то мы так и остались сидеть на месте, глядя друг на друга. Его лицо скрывала тень. Было невозможно прочесть его выражение. Но его твердеющий стояк, упирающийся мне в бедро, заявил о своем присутствии. Я бы все отдала, чтобы узнать, о чем он думал. Все мое внимание было направлено прямиком на то, что творилось между моими ногами, и, вот дерьмо, это было приятно. Хотелось бы мне, чтобы он что-нибудь сделал, потому что я не уверена, что у меня хватило бы смелости. Он среагировал на мое присутствие, но что это значило? Члены творили всякие вещи. Загадочные вещи, типа твердеть без причины. А секс, определенно, не был частью нашего соглашения. Он выразился довольно конкретно. И все же, все те сегодняшние поцелуи и поддразнивания...

За всю свою жизнь я еще ни разу не была так сбита с толку. Сбита с толку и возбуждена.

За стенкой опять раздались крики, как только они последовали моему совету и все-таки продолжили свое занятие.

— Я вполне уверена, что они вообще о нас не думают, — сказала я.

— Просто из любопытства, как сильно ты пьяна?

— Комната вроде как вращается. А что?

— Ничего. Нам лучше встать, — сказал он гортанным голосом. Осторожно он поднял меня с себя и затем сам вылез из руин моей старой кровати. Мы оба оказались на ногах, стояли на месте и игнорировали выпуклость в его трусах. Никакой неловкости. Хотя, стоит все же сказать: влажную промежность куда проще спрятать.

— Давай посмотрим фильм, — предложил он. — В ближайшее время никому не удастся поспать.

— Хорошая идея, — солгала я и позволила ему вытащить меня из обломков. — Бедная кровать. Но это было весело.

— Ага, так и было. Не так весело, как трахаться по-настоящему, но все-таки тоже ничего.

Мое любопытство взяло верх. То ли из-за того, что у меня не было манер, или же потому, что я действительно все еще была пьяна.

— Кстати говоря, а что случилось с твоей подружкой? Я думала, что ты пойдешь навестить подругу, после того как мы вернулись домой с вечеринки.

— Не-е.

— Не-е?

Он был полуготов и говорил мне какое-то «не-е»?

— Между подготовкой к этому туру и нахождением в серьезных фальшивых отношениях у меня не нашлось времени.

— И то верно.

Я совершенно ему не поверила.

Вместо этого, мой напичканный алкоголем мозг совершал гигантские скачки логических рассуждений. Немного не без причинных рассуждений. А что, если потребность его либидо каким-то образом связана с необходимостью обзавестись мнимой девушкой? Может, у него была настоящая девушка, скрывающаяся в Лос-Анджелесе, а мое существование было исключительно для того, чтобы сбить остальных со следа. Вообще-то, нет. Эта теория причиняла боль. Но, быть может, все дело в том пари, что он заключил с Беном. Он придерживался своей нелепой точки зрения со своими безумными шуточками, и теперь, если попытается отступить, то будет задета его гордость. А от этой теории было еще больнее. Только ни один из возможных вариантов не объяснял, почему иногда он бывает печальным. Я позволила ему отвести меня в гостиную, в моей голове и сердце творился не очень-то-и-трезвый беспорядок.

— Что насчет тебя? Seriously, ты же не сидела, скрестив ножки, ожидая, когда придурок образумится, так ведь?

Он сел посередине бархатного дивана, усадил меня рядом с собой, находясь ко мне в непосредственной близости.

— Нет, я ходила на свидания. Просто не в последнее время.

— Как давно?

Он поднял пульт, и огромный телевизор ожил. Его рука лежала на спинке дивана позади меня, ладонь отбивала яростный ритм.

— Что хочешь посмотреть? — спросила я.

— Не собираешься ответить мне?

— Несколько месяцев.

Шел какой-то старый ужастик. Восьмидесятых годов, если посчитать начес и химзавивку, как индикаторы. Пара едва прикрытых грудей промелькнула на экране. Кричала женщина.

— Кажется, фильм ничего, — сказал Мал.

— Ммм-хмм.

— Тебя не так легко напугать, да?

— Нелегко. Хотя мне становится грустно, глядя на то, как Джонни Депп превращается в томатный суп.

— Готов поспорить, что так оно и есть, — улыбнулся он. — Знаешь, я на самом деле имел в виду то, что сказал.

— О чем?

— О тебе, — он смотрел прямо перед собой, ни разу не взглянув в мою сторону. Свет от телевизора освещал черты его идеального лица. — Ты мне нравишься.

— Спасибо, Мал.

Тогда почему мы не занимаемся сексом? Очевидно, я нравлюсь ему в этом отношении. Я просто нравлюсь ему, как он и сказал.

Мои мысли опять разбежались в разные стороны.

— Ты не сказала, что я тоже нравлюсь тебе, — подметил он, говоря это самую малость

неуверенно, если мои уши меня не обманывали.

— О, ну что же, — я повернулась, чтобы посмотреть на него, искоса поглядывающего на меня, игнорируя крики, которые продолжали доноситься с экрана. — Ты...

— Что я?

— Такой...

— Ладно тебе, Тыковка, ты слишком долго тянешь резину. Скажи уже.

— Очень...

— Нахрен. Я просто сам сделаю себе комплимент.

Я протяжно и громко вздохнула, безмерно этим наслаждаясь.

— В этом плане ты безнадежна, — пожаловался он.

— Как насчет изумительный? Изумительный — такое описание тебе сойдет?

— Хм-м, — он улыбнулся мне небольшой, удовлетворенной улыбкой. — Да. Неплохо. Я имею в виду, оно определенно охватывает понятие великолепия, то есть меня.

— И эгоистичный. Жутко эгоистичный.

— Врешь, — его пальцы быстро пробежались по моим бокам, заставляя меня смеяться и извиваться. — Я скромное совершенство.

— Нет. Не щекочи меня.

— Признай, я смысл твоего существования. Признай это! — его рука обвилась вокруг меня, притягивая обратно к нему, когда я попыталась сбежать. — Черт, не смей опять падать. Я не вынесу еще одного удара головой, чтобы спасти тебя.

— Тогда прекрати меня щекотать, — громко выдохнула я.

— Щекотать тебя. Я тебя умоляю. Как будто я бы стал вести себя так незрело, — он поднял руку и нежно положил мою голову к себе на плечо, а другой — прижал к себе покрепче. — Ш-ш-ш, пришло время тишины.

Теплая эйфория наполняла меня в десять раз лучше, чем это когда-либо удавалось алкоголю. Нет, в миллион раз лучше, потому к ней прилагался бонус ароматов и ощущений в виде Мала Эриксона.

— Отдыхай, — сказал он.

— Я отдыхаю.

На большом экране что-то происходило. Но это не имело значения. Мои глаза медленно закрывались, пока я смотрела на него. Независимо от причин, он был здесь, но шанс того, что мне вообще когда-либо удастся получить то, чего хочу, был мизерным. Такова человеческая природа — всегда желать большего. Наряду с вышесказанным, стоит также упомянуть следующее: то, что я имела на данный момент, было и так чертовски здорово.

Когда я проснулась, опять кто-то спорил. Только на этот раз криков не было. Разгоряченный шепот раздавался прямо над моей головой.

— Почему моя сестра спит, лежа на тебе? — спросила Лиззи.

— Потому что я ее парень, — ответил Мал. — Кто ты? Энн не говорила ничего о том, что у нее есть сестра.

— Не говорила?

— Нет. Так или иначе, у скольких людей есть гребаные ключи от этой квартиры? Стоит забыть закрыть засов, как тут становится проходной двор.

— Насколько мне известно, после исчезновения Скай, ключи есть только у меня и Лорен.

— Не произноси это имя. Она расстраивается, когда его упоминают. Ее глаза наполняются грустью, и это полностью выбивает меня из колеи.

— Какое имя, Скай что ли?

— Да, — прорычал он.

— Хорошо-хорошо. — Пауза. — А ты вроде как горяч, да?

Послышалось незаинтересованное ворчание.

— Я не подкатываю к тебе, идиот. Она моя сестра, и это мой подозрительный голос. Я тебя случайно не знаю? У тебя очень знакомое лицо.

Пальцы большой ладони, охватывающей мою ягодицу, сжались. Что она там делала, я понятия не имела. Но нравилось ли мне это? Да. Да, нравилось. Я спала, используя в качестве кровати Мала. Как раз из серии о небесных ощущениях. Я даже не могла вспомнить, как заснула. По-видимому, это случилось во время ужасика с морем крови, потому что мы до сих пор были на бархатном диване в гостиной. Моя сестра была здесь, значит, сейчас должно было быть утро воскресенья, наш день для выполнения обязанностей и звонка матери. Мы всегда выполняли эту неприятную задачу вместе.

Мне не хотелось двигаться. Пока не наступит хотя бы среда. Виной тому мягкое похмелье.

Но большей причиной служило то, что мне не хотелось вставать с Мала.

— Что, черт возьми, ты с ней сделал? У нее губы отекли и все в синяках.

— Правда? — тело подо мной зашевелилось, когда Мал, без сомнений, поднял голову, чтобы оценить ущерб. — Дерьмо. Эх, да. Она немного не в форме, не так ли? Но как бы я узнал, нравится ли ей покусывание или нет, если бы не попробовал?

— Ей не нравится, — сказала Лиззи. — Или, по крайней мере, я так думаю. Как по мне, так Энн никогда не была похожа на тот тип девушек, которым нравится покусывание. Она более... сдержанная.

— Сдержанная? — мягко засмеялся Мал. — Ага. Почему бы тебе не пойти посмотреть на ее кровать, а потом сказать мне насколько она сдержанная.

За вздохом последовали шаги.

— Вот черт. Она уничтожена.

— Моя Тыковка, когда заводится, ставится животным.

— Ты называешь ее Тыковкой? — голос моей сестры был наполнен страхом. — Она вообще на это отзывается?

— Ну, она делает вид, что ненавидит это прозвище. Но тайно, я знаю, она обожает его. Ее лицо становится таким нежным и все такое.

О, боже милостивый, хватит. Я практически вырастила эту девочку; ей не нужно слышать подобную фигню. Любой авторитет, который у меня был, обратится в пыль. Я приоткрыла один глаз.

— Замолкни, Мал.

— Слушаюсь и повинуюсь.

— Который час? — спросила я, из-за зевка чуть не сломав себе челюсть.

— Мал? Она назвала тебя Малом? — спросила Лиззи, подходя к нам ближе. Внешне мы с сестрой не очень были похожи. Ее волосы были красивого карамельного цвета, в отличие от моего морковного. Черты ее лица были более утонченными, хотя у нас обоих волевой подбородок, как у матери. — Не. Может. Быть.

Ха, это будет весело.

— Странное дело, но да, может, — произнесла я, мой голос прозвучал чуть-чуть самодовольно. — Мал, это моя младшая сестренка, Лиззи. Лиззи, это Малкольм Эриксон.

Моя сестра не была такой большой фанаткой «Стейдж Дайв», как я. Только, сомневаюсь, что это остановит ее от поведения фанатки.

Как я и подозревала, Лиззи завизжала, как ненормальная. Мы с Малом вздрогнули.

— О, боже мой, Энн обожает тебя. Да у нее вся стена в спальне была увешана твоими постерами.

— Нет! — Вот дерьмо, как я не додумалась, что этого стоило ожидать? Меня душил страх. Кто-нибудь, утащите мою сестру, сейчас же. Отнесите ее вниз и закройте в шкафу. Это, безусловно, было для ее же собственного блага, но в основном — для моего. Я попыталась броситься на нее, но сильные руки удержали меня в ловушке. — Лиззи. Замолчи. Пожалуйста, замолчи. Ему не нужно об этом знать.

— Лиззи, расскажи мне больше, — потребовал Мал. — Целая стена, говоришь? Очаровательно. Мне определенно нужно знать больше.

— Нет, не нужно.

— Цы-ц, Энн. Я слушаю.

Длинные моих рук не хватало, чтобы закрыть Лиззи рот. Мне нужно было дотянуться до ушей Мала. Я боролась с ним, но он слишком легко стряхнул мои руки, вот же хитрюга.

— Она частенько писала перманентным маркером на своем бедре твое имя, — доложила предательница в лице моей сестры.

Заявляю официально: Лиззи налажала. Существует большая вероятность того, что вскоре у нашей мамы останется только один ребенок, если она продолжит говорить. Учитывая необычное мамино замечание, что у нее полным-полно детей на работе, потеря не должна особо надолго подкосить ее.

— Это ложь! — выкрикнула я, покрываясь холодным потом.

— А она писала его на внутренней стороне бедра? Готов поспорить, что писала, шалунья, — Мал схватил меня за запястья, удерживая их напротив своей груди. В качестве эффективного средства, направленного на то, чтобы остановить меня от попыток избить его до крови. — Что насчет маленьких сердечек, с торчащими из них стрелами — их она тоже рисовала?

— Я не знаю, — моя любимая сестрица присела в кресло, скрестив ноги. — Но она постоянно подписывалась, как Энн Эриксон.

— Я так тронут, что ты возьмешь мою фамилию, Тыковка, — Мал попытался поцеловать мои кулаки. — Нет, черт, это так здорово с твоей стороны. Для меня это означает целый мир. Моя семья будет от тебя в восторге.

— Ла-ла-ла-ла, — пела я во весь голос, заглушая их обоих, как только могла.

— И она снова и снова пересматривала клипы со «Стейдж Дайв». Кроме того, в котором ты целуешь ту девушку, — Лиззи щелкала пальцами, а лицо было напряжено в попытке вспомнить. — 'Last Days of Love' — вот, что за песня то была. Она наотрез отказывалась его смотреть, даже покидала комнату, если его начинали показывать.

Мал затрясся подо мной, надрываясь от смеха. У парня была истерика. Даже глаза его блестели от непролитых слез, ох и недоумок. Большая рука взяла меня за затылок и прижала лицо к его щеке.

— О-оу, Энн. Ты ревновала?

— Нет.

Да. Страшно, страшно ревновала. Тот поцелуй опустошил мою подростковую душу и заставил слушать печальные песни почти год.

— Моя бедняжка.

— Замолчи.

— Я не собирался ее целовать. У меня рот соскользнул, — сказал он, стараясь быть искренним, и потерпел неудачу. — Клянусь, я пытался сберечь себя чистым для тебя. Скажи, что веришь мне, пожалуйста.

Я обозвала его чем-то противным.

Он засмеялся еще сильнее, от чего затрясся весь диван.

Исходя из того, что он не собирался в ближайшее время отпускать меня, я, как по заказу, спрятала свое горячее лицо у него на шее. Я ненавидела всех в этой комнате. Сильно ненавидела. Было заманчиво укусить его, но он, скорее всего, получит от этого наслаждение. Он определенно провел время с пользой, кусая мои губы и подбородок после того, как прошлой ночью на вечеринке в очередной раз загнал меня в угол. Его крестовый поход с поцелуями чуть не добил меня, но это не сравнить с тем уроном, который нанесла моя сестра, собственная плоть и кровь.

Теперь Малу было обо всем известно. Я обречена.

— Лиззи, будь хорошей девочкой и принеси мне ручку, — сказал Мал. — Мне нужно написать имя твоей сестры на своих гениталиях, сейчас же.

Ей богу, я пыталась не засмеяться. Я так сильно пыталась.

— Как насчет того, что вместо этого я сделаю кофе? — Лиззи вскочила на ноги. — Знаешь, каждое воскресенье у нее к этому времени уже обычно был приготовлен для меня завтрак. Ты оказываешь на нее плохое влияние, Мал.

— Дайте мне одеться, чтобы я вытащил вас прогуляться, — он погладил меня по спине. — Не могу позволить, чтобы моя будущая свояченица уже держала на меня зло.

— Тебя разве не узнают? — крикнула Лиззи с кухни.

— Здесь при виде меня люди обычно ведут себя довольно спокойно. Но я надена кепку и солнцезащитные очки. И я могу вызвать кое-кого из охраны, если потребуется.

— Почему бы мне что-нибудь для нас не приготовить? Сейчас как раз должен быть мой черед, — сказала Лиззи. Звон кастрюль и сковородок, и шум воды сопроводили ее заявление. Может, в конце концов, моя сестра была не так уж и плоха.

— Спасибо, — ответила я.

— Та-а-а-ак, — Мал чмокнул меня в макушку. — Я тебе не просто немного нравлюсь.

Ты моя самая большая фанатка. Ты любишь меня.

— Я не люблю тебя.

— Совершенно точно любишь, — он сжал меня. — Для тебя я — все. Без меня ты бы не видела смысла жизни.

Слава богу, что на этот раз, когда я слезала с него, он не стал меня удерживать. Я поправила свою старую футболку и зачесала волосы назад, беря себя в руки.

— Это была простая подростковая влюбленность. Не бери этого в свою и так раздутую эгоизмом голову.

— Сильная влюбленность или слабая?

Я застонала.

Мал просто лежал на месте, держа сцепленные пальцы на обнаженной груди. Он молча наблюдал за мной. Его глаза видели слишком много. Спустя некоторое время он сел, его ноги коснулись пола. Он зевнул, а затем потянулся, разминая шею.

— Знаешь, за многие годы это первый приличный сон, который у меня был.

— Со мной, лежавшей поверх тебя? Вряд ли это было удобно.

Тени под глазами посветлели, и выглядел он более отдохнувшим, лежа на диване и вытянув свои длинные ноги. И все-таки, он потирал сзади свою шею.

— Нет, не особо. Попробуй разберись. Наверное, с этого самого момента нам стоит спать на диване каждую ночь.

— У меня кровать сломана.

Он откинул назад волосы и улыбнулся мне.

— У тебя были проблемы со сном? — спросила я.

— Полагаю, немного.

— Тебя что-то беспокоит?

— Не знаю. Пустяки.

Он избегал моего взгляда.

— Не пустяки. — Это была первая настоящая вещь, которой он делился со мной. Или первая расплывчатая вещь. В любом случае, мне нужно было ее принять. — Что с тобой происходит? Что случилось? Иногда я смотрю на тебя, и ты кажешься таким...

— Каким? Каким я кажусь?

— Печальным.

Его лицо стало каменным, руки лежали на бедрах. От его тела исходило напряжение, как от силового поля.

— Ничего не происходит. Я говорил тебе, что это дерьмо не обсуждается.

— Извини. Я просто подумала, что, может, ты хотел бы об этом поговорить.

— «Не обсуждается» вроде как означает, что я не хочу об этом говорить. Ясно? — его голос был резок, и он использовал его, как оружие. Следовательно, он ранил.

— Хорошо, — тихо произнесла я.

От злости он сжал губы в линию.

— Знаешь, Энн, ты самый последний гребаный человек, который должен давить на меня в чем бы то ни было. У нас была сделка, взаимопонимание.

О, нет, он не мог так сказать. У меня вздернулся подбородок.

— И ты так здорово к нему прицепился.

— А это, мать твою, что еще должно значить?

— Я пошла на вечеринку. Я сыграла свою часть.

— Да? И?

— И ты провел всю ночь, пытаюсь доказать, что ты самый лучший любовник в мире. Рядом никого не было, чтобы увидеть некоторые из тех поцелуев, Мал. Все они были направлены на то, чтобы доказать, какое ты дерьмо из-за того, что решил так поступить.

— Они были больше, чем это.

На его челюсти дернулась мышца. Что было вроде как впечатляюще и немного страшновато. Но пошел он.

— Неужели?

— Конечно, черт подери, были.

Я уставилась на него, немного опешив.

— Ладно. Я не понимала. Но не отрывай мне голову за пересечение нескольких границ, ведь я волнуюсь за тебя. И мне не нравится видеть, как ты грустишь.

— Бл***, — ругнулся он, и выражение его лица стало спокойнее. Он сцепил руки за головой, бормоча еще несколько ругательств. Затем он протяжно выдохнул, ни разу не отводя от меня взгляда. Его настроение переменялось, злость улетучилась. Очень нежно он очертил пальцем мою набухшую нижнюю губу. — Выглядит не очень.

— С ней все нормально, — мой голос дрогнул.

— Я перестарался. Прости.

Я поникла, вся злость испарилась. Его глаза опять были печальными, и на этот раз тому причиной послужила я. На это у меня не было никакого оправдания.

— Если бы самой худшей вещью, что случалась со мной, было то, что ты посчитал забавным поцеловать меня и соврать людям о том, что я от тебя беременна, то моя жизнь, наверное, была бы сладкой.

Его улыбка не отражала эмоций на лице, она появилась и исчезла в мгновение ока.

— Мал, если тебе когда-нибудь захочется поговорить, то я рядом, — наверное, мне стоило замолчать, но я не смогла. — Все нормально.

Он отвернулся.

— Если честно, то я сама не особо хороша в том, чтобы делиться чувствами.

Мои ладони сжались в кулак, сжались и разжались, как бы демонстрируя суть сказанного. Пусть и было дико неловко, но я терпеть не могла чувствовать себя беспомощной. Почему он просто не мог излить душу, чтобы я попыталась исправить то, что там было неправильным?

— Мы можем перестать говорить об этом сейчас? — спросил он у стены.

— Конечно.

— Спасибо.

Он дернул меня за прядку волос. Затем его рука скользнула за мою шею, и он притянул меня к себе. Черт, пах он хорошо. У меня закружилась голова. Возможно, на это еще повлияло некоторое облегчение от того, что спор закончен, но тяжело сказать наверняка. Со щекой, прижатой к груди Мала, мозг не работал. Я обвила руками его талию и крепко обняла его, просто на случай, если он передумает и попытается оторвать от себя.

— Это была наша первая ссора, — пробормотал он.

— Да. Я победила.

— Нет, не победила.

— Еще как победила.

— Пф-ф. Ладно, — его руки сжали меня крепче. — Эту победу оставлю за тобой. Не только потому, что ты ведешь себя насчет этого так по-детски.

— Спасибо.

Он тяжело выдохнул.

— Я больше не хочу ссориться.

— Нет ссорам, — всей душой согласилась я с ним.

— Заходить уже безопасно? — спросила Лиззи, выглядывая из-за кухонной двери. Она еще раз бросила на Мала оценивающий взгляд, а потом поняла, что делает и отвернулась. Я ее не винила, но мне это не понравилось. Блин, теперь я ревновала к собственной сестре. Как глупо, особенно учитывая, что парень оставил после себя целую армию девушек. Если я планировала проводить время в компании рок-звезды, то мне нужно к этому привыкнуть.

— Сейчас нам с твоей сестрой нужно будет заняться примирительным сексом. Это очень важно для того, чтобы наши отношения были долгосрочными, — Мал начал принудительно подталкивать нас в сторону спальни для гостей. — Но желаем тебе хорошо позавтракать и отлично провести день. Просто оставь посуду; я помою ее позже. Было очень приятно с тобой познакомиться, Лиззи.

— Мал, ты меня душишь, — или это то, что я пыталась сказать. Из-за того, что я щекой была прижата к его твердой груди, слова получились искаженными. Скорее они походили на совершенно невразумительные слова.

— Что-что? — он ослабил хватку своих осьминожьих щупалец, чтобы позволить мне сделать хороший глубокий вдох. Фух, кислород, мой старый добрый друг.

— Почему бы тебе не одеть что-нибудь? Я собираюсь помочь Лиззи с приготовлением завтрака, — сказала я.

Лиззи смотрела на нас с выпученными глазами. Правда, не беспричинно. Очевидно, мы попали в альтернативную вселенную, где Мал Эриксон заигрывал со мной, как безумный. Какая галлюциногенная, поразительно потрясающая вселенная. Мне нужно будет воспользоваться этим по максимуму, прежде чем он отправится в тур. Впитать столько воспоминаний, сколько смогу.

— Ты самая худшая девушка, которая у меня только была, — надулся он. Это не должно было выглядеть очаровательно. Но, конечно же, так и было.

— Правда?

— Да. Самая худшая из всех.

— Я единственная девушка, которая у тебя была.

Мнимая девушка или нет, но это была правда.

— Да, единственная.

Он удерживал мое лицо руками и покрывал его поцелуями. Каждую его частичку, кроме бедных, измученных губ. Не знаю, чем именно заслужила подобное излияние любви, но была этому глубоко благодарна. Сердце екнуло; эту войну оно проиграло. К счастью, мои трусики сделаны из сурового материала. Хотя, исходя из прошлой ночи, я очень сильно в этом сомневалась.

— У нас все хорошо? — спросил он, губами щекоча мою щеку.

— Все отлично.

— Хорошо.

— Одежда, Мал.

Он засмеялся и направился в комнату для гостей, и, закрывая за собой дверь, сделал

какое-то наигранное танцевальное движение из репертуара Фреда Астера^[12]. Парень показывал высший класс в своих облегающих боксерах.

— Никогда не видела, чтобы ты так улыбалась, — Лиззи прислонилась плечом к кухонной двери, наблюдая. — Ты выглядишь так, будто под кайфом.

— Ха. Да, он вызывает такой эффект.

Ее лицо выражало обеспокоенность. Мне редко нравилось что-либо из сказанного ею, когда ее рот принимал такие очертания. Поскольку я приходилась ей старшей сестрой, то нечасто видела это выражение лица. Но когда видела, оно не сулило ничего хорошего.

— Я, эм, я не хотела услышать, о чем вы, ребята, говорили. Но у тебя очень маленькая квартира.

— Мне нужно, чтобы ты не расспрашивала меня об этом, пожалуйста.

— Только один вопрос.

Мне не оставалось ничего, кроме как согласиться.

— Чтобы там между вами не происходило, та сделка, что вы заключили — обернется ли это все тем, что тебе будет больно, Энн?

Я уныло склонила голову, пошаркала ступней по полу. Мы с сестрой не врали друг другу. Это было правилом, которого мы придерживались в обязательном порядке. Не важно, какую чушь несла наша мать, но мы с Лиззи всегда были честны друг с другом.

— Я не знаю.

— Думаешь, оно будет того стоить?

— Это уже два вопроса, — произнесла я, слегка улыбнувшись.

— Называй это ранним подарком на Рождество.

— Он замечательный, Лиззи. Такой замечательный. Никогда прежде я не встречала никого, похожего на него.

Она медленно кивнула, отряхнула руки и затем крепко их сжала. Еще несколько нервных черт, которые мы унаследовали от нашей ненормальной матери.

— Он будто снова включил тебя. То, что мы выбрались из дома, помогло, но... он снова нашел тебя.

— Нашел меня? Я все время была прямо здесь, Лиззи.

— Нет, тебя уже давным-давно не было.

Я уставилась в пол, не находя слов.

— Так, я думала, ты пригласишь Риса присоединиться к нам этим утром.

Мой рот открылся от удивления. Как раз из серии о том, что происходит впервые.

— Дерьмо. Я сказала, что позвоню ему. Совершенно вылетело из головы.

— Бедный Рис. Ты знаешь, думаю, для него это будет полезно, — Лиззи усмехнулась, потом замерла и принялась. — Бекон горит!

Мы подоспели на кухню как раз вовремя, чтобы увидеть дым, поднимающийся со сковороды и почерневшие кусочки бекона. Какая трата продуктов. Я выключила конфорку, выбросила остатки завтрака в раковину. Обычно холодильник был забит продуктами для нашего воскресного бранча, но на этой неделе я была слишком занята.

— Не переживай, вместо этого мы перекусим тостами.

— Извини.

— Вы же обе пойдете на репетицию, да? Парни не будут против, — на кухню вошел Мал, занятый застегиванием молнии на сером худи. Парень был с джинсами одним целым, и они на нем так хорошо смотрелись. А я все еще была в своей элегантной одежде для сна,

неумытая, и с, должно быть, жирными волосами. Он посмотрел на сгоревший бардак в раковине. — Дайте угадаю, все-таки я поведу вас куда-нибудь позавтракать?

— Нет, мы съедим тосты. После той вечерники у вас сегодня будет репетиция? — спросила я. Веселое времяпровождение продолжалось до раннего утра. — Вот это самоотверженность.

— До начала тура осталось всего четыре дня. Время идет, — Мал сделал паузу. — И мы идем на улицу. Не ожидай, что я проживу на хлебе и воде. Своего мужчину ты должна кормить чем-то большим, нежели этим, женщина.

Я изо всех сил постаралась не разомлеть на словах «своего мужчину» и тем самым отбросить феминистические движения на пятьдесят лет назад. Близость с Малом была опасна.

— Звучит здорово. Позволь мне принять быстрый душ.

— Хорошая идея. Я потру тебе спинку, — сказал он, следуя за мной в гостиную.

— Почему бы тебе не составить компанию Лиззи?

— Почему бы мне не составить компанию тебе? — он понизил голос. — Я могу очистить то особое место для тебя с помощью языка. Обещаю, что проделаю хорошую работу.

— Вау. Очень мило с твоей стороны. — О, блин. В качестве поддержки я схватилась за ручку двери в ванную. — Вот тебе два слова, Мал. Роковое. Влечение.

Его улыбка было огромной, когда он отмахивался от того, что меня беспокоило.

— Прием, у меня даже нет кролика^[13]. И давай посмотрим фактам в лицо: ты не до такой степени сильна, Тыковка. Я могу с легкостью обезоружить тебя, если понадобится. Нам было так хорошо. Давай же, будет весело.

— Аргх! Прекрати, — крикнула я на него шепотом. — Я не могу понять, серьезен ты или нет. У меня от тебя голова болит.

Он наклонился ближе.

— Посмотри на меня; я совершенно серьезен. Сегодня, Энн, ты не пьяна, ты понимаешь, что делаешь, и я настроен на секс. Давай пересмотрим условия. Это соглашение больше мне не подходит. Я хочу поговорить со своим адвокатом!

— О, так ты настроен на секс?

— Ну, да. Я не привык обходиться без него больше одного-двух дней. От этого я становлюсь дерганым, — в качестве наглядного примера он, стоя на месте, станцевал движение из джиги. — Мне это не нравится. Давай же, Энн. Помогите другу. Это будет хорошо.

— Несомненно, это самая романтическая вещь, которую я когда-либо слышала. Я почти могу почувствовать, как сейчас мои ноги прямо-таки раздвигаются перед тобой.

— А что ты хотела услышать, какую-то хрень о любви?

— Нет.

Но, возможно, что-то ужасное нашептывало об обратном глубоко внутри. Этому «чему-то» следовало замолчать.

— Ты хочешь песню? Не вопрос. Позже я попрошу Дэйви написать тебе ее, — он загородил дверной проем, упершись в него руками. — Я знаю, что тебе хотелось сделать это прошлой ночью. Но я хотел, чтобы ты была трезвой. Теперь ты трезвая. Я тебя хочу. Ты хочешь меня. Давай трахнемся.

Мое сердце пустилось вскачь, но я заставила себя успокоиться.

— Ты прав, я действительно хотела этого прошлой ночью. Я до сих пор хочу. Но, Мал, сейчас неподходящее время. Здесь моя сестра.

— Я быстренько, — его брови сошлись на переносице. — Погоди, я не то имел в виду. Будет быстро, но здорово. Энн, может тебе и не понравилось, как я целуюсь, но, говорю тебе, мои навыки орального секса выше всяких похвал. Я знаю все о грязных вещичках, которые можно там проделать. Позволь показать тебе, милая, ну пожалуйста?

— Мал... — я даже не могла придумать, что сказать, когда он смотрел на меня умоляющими глазами. Из-за него мои эмоции перескакивали с одной на другую так же быстро, как у него менялось настроение. Злость, возбуждение и потрясение — все они смешались во мне. — Лиззи находится на кухне. Она может услышать каждое наше слово.

— Мы закроем дверь в ванную и включим душ. За шумом текущей воды она ничего не услышит.

— Боже, ты смущаешь меня. Мне кажется, что моя голова не переставала кружиться с того самого момента, как ты вошел через дверь.

— Можешь еще смущаться позже. А сейчас, пожалуйста, кончи у меня на языке?

После чего как раз пришло время, чтобы начать тяжело дышать. Возбуждение в этой гонке определенно лидировало. К счастью, моя мешковатая футболка скрывала худшую часть свидетельства — затвердевшие соски. Я оттолкнула его рукой, пока у меня еще были силы.

— Мы поговорим об этом, когда будем одни. Иди, укрепляй отношения со своей предполагаемой будущей свояченицей. Пожалуйста.

— Ладно, — он упал духом. — Но ты много чего упускаешь.

— Не сомневаюсь.

— Может, позже я буду не в настроении, Энн. Ты можешь упустить шанс, и все — жизнь разрушена.

— Буду считать это должным предупреждением.

— Последний шанс, — он высунул свой большой розовый язык, как собака. Хотя, наверное, это должно было выглядеть похожим на собачий жест. Но, по всей вероятности, клыки предполагали собой более осмотрительное поведение. — Идишь? Он павда длинный.

— Ты не мог бы, пожалуйста, убрать его? — засмеялась я.

Вместо этого он схватил меня за затылок и провел своим теплым, влажным языком по щеке. Я замерла от натиска.

— Ты просто не мог этого сделать.

— Это признак любви. Думаешь, я слюнявлю кого попало?

— Ты... У меня нет слов.

— Есть женщины, которые готовы умереть за то, чтобы я лизнул их лицо. А ты даже не удосужилась оценить, как тебе посчастливилось стать обладательницей моей слюны. Теперь лизни меня в ответ, — он требовательно указал на свою челюсть. — Сделай это, Энн. Сделай это, женщина, пока я не обиделся.

Я хихикнула, и на это отозвалось все тело. Что становилось опасным.

— Мне нужно в туалет. Уходи. Прекрати меня смешить.

— Мне нравится тебя смешить.

— Да, ну что ж, если я обмочусь в трусы, то это будет куда менее прикольное. Продолжай.

— Потерпи, — он схватил меня за запястье, его голос стал спокойным. То, как он вмиг

мог переключаться с клоунского поведения на спокойное, нельзя было описать иначе, кроме как потрясающим. — Во-первых, эта информация была излишня. Во-вторых, вы с Лиззи пойдете со мной на репетицию?

— Уверен, что с этим не будет проблем?

— Да.

— Тогда мы с удовольствием, — кивнула я. Должно быть, это был самый безумно идеальный момент из всех. Вместе с моим полным мочевым пузырем и столь же наполненным эмоциями сердцем. — Только сперва нам нужно будет сделать телефонный звонок, а потом можем идти.

— Хорошо. В-третьих, признай, что соврала насчет того, что прошлой ночью тебе не понравились мои поцелуи, — его взгляд быстро поймал меня в ловушку.

Больше не было смысла отрицать; он мне нравился, и я до боли его хотела. Это началось в ту минуту, как он оказался в моем полном распоряжении. Его пальцы все еще обвивали мое запястье, когда как я прислонила ладонь к его челюсти. Ощущение его щетины, царапающей мою ладонь, и тепла, исходящего от его кожи, было божественным. Но этого было недостаточно. Мне нужно было дать что-нибудь взамен. Какой-нибудь маленький кусочек безумного, странного, похотливого веселья, которое он дал мне. Он оставался идеально спокойным, когда я потянулась и оставила осторожный поцелуй на его щеке.

— Ты прав, я соврала.

Напряженные морщинки у его рта разгладились.

— Соврала.

— Да. Прости. Просто ты вроде как ошеломил меня и... в любом случае, ты лучший.

Он вытянул кулак вверх.

— Я так и знал! Я лучший.

— Ты такой.

Простая констатация факта, но от этого у него загорелись глаза.

— Спасибо, Тыковка.

Его улыбка... у меня не было слов.

Мы позвонили матери из моей спальни, расположившись на краешке опущенного матраса. Мал был занят тем, что смотрел телевизор в гостиной с кружкой кофе в руке.

Я кивнула, и Лиззи достала свой мобильный, выбрала контакт и включила в телефоне громкую связь. Затем положила его между нами. Мою кожу покалывало. Воздух казался одновременно холодным и горячим. Блин, я это ненавидела. Ненавидела всей душой. У меня в голове образ мамы был так тесно переплетен со злостью и разочарованием, что я не могла воспринимать ее без этих эмоций. Однажды все будет по-другому.

— Привет, мам, — сказала Лиззи, ее голос лился как мед. Она уже простила маму. А я все еще не была к этому готова.

— Привет, девочки. Как вы?

Лишь от звука ее голоса в памяти всплыли те воспоминания. То, как сидя с ней во мраке, я умоляла и просила ее съесть еще одну ложечку, встать с кровати и, возможно, принять душ, вести себя как человек. Начать вести себя как взрослая и присматривать за своими дочерьми, чтобы я могла снова почувствовать себя ребенком.

— С нами все отлично, мам, — сказала я, стараясь изо всех сил, чтобы голос звучал нормально. — Как у тебя дела?

— Хорошо. На работе все нормально.

Я кивнула, как будто она могла меня видеть, испытал облегчение от того, что она все еще держится за работу, отвечает за собственные финансы. Это было хорошо. Несколько лет я имела дело с остатками на сберегательном счете, которые по какой-то причине считал нужным отправлять отец.

— Занятия проходят хорошо, — Лиззи переложила телефон в другую руку, рассказывая при этом о колледже. Потом она обняла меня рукой и начала поглаживать по спине. Милый жест, но, если честно, прикосновения в данной ситуации не помогали.

Моя сестра справлялась с такими разговорами на отлично. Она могла болтать добрых десять минут. И действительно, десять минут — достаточно долгий период времени, который можно было запечатлеть в рамку еженедельных звонков домой, так ведь?

— Что насчет тебя, Энн? — спросила она, как только Лиззи выдохлась.

— Я в порядке.

— Энн кое с кем встречается, — доложила Лиззи.

Я пристрелила ее взглядом.

— Все не так серьезно.

— Он правда замечательный, мам. Он так сильно в нее влюблен, что это можно запросто увидеть в его глазах.

— О, — сказала мама после момента молчания. — Ты же осторожна, так ведь, Энн?

Эта фраза могла многое под собой подразумевать, но я точно понимала, что имела в виду моя мать. Не забыла ли я, что мужчины — наши заклятые враги? А почему? Стоит только вспомнить, как наш отец просто взял и бросил нас! Забавно, но урок из своих подростковых лет о том, что мужчины это зло, я не так и не усвоила, как бы мама этого не добивалась.

— Да, мам, — я заправила за уши волосы, уложенные в новую прическу, и села ровнее. — Все в порядке.

Мама издала небольшой вздох.

— Хорошо. Я бы не хотела...

— Вообще-то, он хочет повести нас позавтракать, мам. Так что нам лучше идти собираться.

— Хорошо, тогда я хотела спросить: не хотели бы вы, девочки, быть может, приехать домой на День Благодарения? — ее голос звучал полным надежды, умоляющим. — Было бы здорово с вами обеими повидаться.

— День Благодарения? — спросила Лиззи, будто никогда не слышала о таком событии. — Мы подумаем над этим... конечно.

Черта с два.

— Не думаю, что у меня получится отпроситься с работы, мам, — сказала я. — Извини.

Мама издала грустный вздох, и сердце, которое я закалила от эмоций, связанных с ней, остановилось. Это был укол вины, но не достаточный для того, чтобы заставить меня вернуться домой. Даже и близко не способствующий тому, чтобы я это сделала. Теперь у меня была своя жизнь.

— Но, Энн, ты никогда не берешь отгулы, — сказала она. — Это может плохо на тебе сказаться.

— Рис рассчитывает на меня, мам.

— Разумеется, у тебя есть право отдохнуть на некоторые праздники. Ты уверена, что он не использует тебя?

Я просто уставилась на телефон.

— Вот, блин, мам, — сказала Лиззи. — У меня телефон скоро отключится. Мне жаль.

— Ты постоянно забываешь его зарядить.

— Знаю. Слушай, мы любим тебя. Было здорово с тобой пообщаться. Поговорим на следующей неделе.

— Ну, хорошо, девочки. Берегите себя.

— Пока, — выкрикнула Лиззи, продолжая представление.

Я произнесла слово губами. Честное слово, это самое большое, что я была способна сделать. Охрененное спасибо, что мы прошли через это до следующей недели.

Лиззи завершила разговор, ее рука несколько отчаянно водила вверх и вниз по моей спине. Будто я нуждалась в заботе. Я была той, кто усадил ее и объяснил, что представляет собой цикл. И о сексе тоже рассказала я. Я просматривала ее домашнюю работу, проверяла, чтобы она вовремя делала задания. Я могла оставаться сильной, чтобы не развалиться на части. Так что я до сих пор еще не отошла от проблемы, что была у меня с матерью. Но отойду.

— Мы не поедem домой, — сказала она.

— Ни за что.

Я вскочила на ноги, поправила серое вязаное платье и колготки. Открыла дверь спальни. Мал сидел в кресле, смотря телевизор.

— Эй, готовы идти? — спросил он.

— Да. Готовы.

Он вскинул голову:

— Что случилось, Тыковка?

Я выдавила улыбку, подходя к нему. Из-за него мне хотелось улыбаться. Что не было абсолютной ложью. Вот только беспокойство не покинуло его глаз.

Но моей матери не удастся разрушить то, что между нами было.

Я наклонилась к нему, положив руки на спинку кресла, чтобы стать ближе.

— Эй.

— Привет, — сказал он, обхватывая меня за плечи. Несмотря на желание, чтобы меня не касались, что-то во мне расслабилось из-за прикосновения. Из-за его близости.

— Мне нужен поцелуй.

— Что, прямо сейчас? Тогда тебе повезло. Для тебя у меня их бесконечный запас.

Боже, он был таким милым.

Я прижала губы к его губам, для начала легонько целуя его. Его рука скользнула в мои волосы, поддерживая голову. Затем его язык проскользнул ко мне в рот. Тепло, радость и счастье наполнили меня. Этот парень был волшебником. По крайней мере, у него был волшебный язык. И действительно, не в этом ли был весь смысл жизни? Нет, ладно. Не пытайтесь проследить такую логику.

— М-м. — Я нашла свое место под солнцем.

— Попытка ничего так, — сказала он, потирая губы. — Хотя, тебе тоже стоит немного попрактиковаться.

— Ха-ха.

— Услышала плохие новости? — спросил он.

— Нет. Просто моя мать вынесла мне мозг.

Вот, пусть запишут на пленку, я официально поделилась тем, что меня гложет.

— Да?

— Да. Пошли, раздобудем завтрак. Не хочу, чтобы ты опоздал на репетицию.

Его так просто не проведешь.

— Не нужно грустить, Энн. Мне охренеть как тяжело видеть тебя грустной.

— С тобой мне становится легче.

— Дружище, конечно становится. Ты видела, что я только что вытворял? — он ухмыльнулся, и я засмеялась. — Так-то лучше. Давай, нам пора. А иначе, если мы продолжим целоваться, то не пойдём никуда, кроме как в постель.

На репетицию мы опоздали на десять минут, и виной тому были «Яйца Бенедикт»^[14]. Мал сел за столик, повернувшись спиной к остальной части помещения, на голове у него была бейсболка. Его узнала только официантка и попросила автограф, и он оставил ей щедрые чаевые. Я вполне уверена, что видела, как в ее глазах сияла любовь, когда мы уходили. Лиззи тоже недалеко ушла в плане сентиментальности. Чертовски уверена, что он пытался заслужить ее расположение, задавая вопросы о ее учебе и о жизни в целом. Он искренне проявлял интерес, сидя напротив, внимательно слушая ее ответы. Еще ее сильно впечатлил его черный «Джип» со всякими прибабасами, которые были только известны человечеству.

Но отбросив пристрастие к внедорожникам, можно понять, что Мал был человеком многих достоинств. Мое сердце и гормоны воспринимали его очень серьезно. Глубоко внутри все мои опасения сбежали. Он обладал мною, и если посчитать руку, лежащую на моем колене во время завтрака, как индикатор, то он знал об этом. Довольно странно, но меня это не беспокоило.

Хватит переживать насчет матери. С Малом, улыбающимся мне, ничего из этого не имело значения.

«Стейдж Дайв» проводили репетиции в старом здании возле реки. Мал переключился в режим занятого в ту же минуту, как мы вошли в огромную комнату. Разница была обворожительной. Он быстро поцеловал меня в щеку и затем направился туда, где его ждали ребята. Сцена была возведена в самом конце комнаты. На полу в изобилии стояли усилители и оборудование. Во все стороны извивались кабели. Вокруг суетилась пара роуди^[15] или звукорежиссеров, или кем бы они там ни были.

Мал вытянул пальцы и покрутил запястьями, разогревая мышцы. Потом он снял худи и сел за барабанную установку, крутя палочку в руке. Парень определенно был в своей стихии, полностью сосредоточен на деле. Дэвид и Бен настраивали свои инструменты, перебирая струны и брэнча по ним. Довольно занимательным оказалось то, что Джимми отжимался. Много раз. Затем он поднялся на ноги и жестом указал ребятам собраться вокруг барабанной установки Мала.

Мы с Лиззи присоединились к Эв и Лине, сидящим на каких-то складских ящиках с задней части холла.

— Здравствуйте, товарищи фанаты «Стейдж Дайв», а так же их почитатели. Как ваше воскресное утро? — сказала Эв. Она сидела, подложив руки под бедра, и покачивала ногой.

— Хорошо, — я улыбнулась ей и Лине в знак приветствия. — Как вы себя чувствуете, миссис Феррис?

— Я чувствую себя очень и очень замужней, спасибо, что поинтересовались. Как у вас дела с Малом?

— Ах, хорошо. Все хорошо. — Все было отлично. Я примостила попу на край коробки. — Это моя сестра, Лиззи. Она учится в ПГУ^[16]. Лиззи, это Эв, жена Дэвида, и Лина, она... — я запнулась.

— Ассистент Джимми. Привет, — кивнула Лина.

— Привет, — помахала Лиззи.

— Приятно познакомиться, — сказала Эв. — Энн, быстрее, пока они не начали.

Расскажи мне вашу с Малкольмом историю. Я до сих пор толком не услышала, как вы стали встречаться. Но Лорен упоминала, что он, по большому счету, вломился к тебе в квартиру.

Мысли в голове перемешались. В следующей жизни я, определенно, постараюсь меньше переживать и побольше готовиться к чему-то подобному.

— Э, ну, мы как-то встретились у тебя дома и поладили.

Лиззи очень пристально на меня посмотрела, но я ее проигнорировала.

— И все? — спросила Эв с глазами, полными недоверия.

— Да, по большому счету, все, — ответила я.

Она выглядела неудовлетворенной таким ответом.

— Эв, это что допрос с пристрастием? — рассмеялась я.

— Да, это допрос, — сказала Эв с обнадеживающей улыбкой. — Предоставь мне больше информации, пожалуйста?

— Он очень замечательный и, да, вроде как сам въехал ко мне. Но мне нравится, что он живет со мной. Он удивительный, понимаешь? — Боже, надеюсь, этого хватит. Самое время сменить тему разговора. — Так, почему ты до сих пор работаешь в кафе?

— Туше, — сказала она. — Это сложно. Я задолжала своим родителям деньги, было важно, чтобы они видели, что я их зарабатываю самостоятельно, вместо того, чтобы мой сексуальный, богатый муж просто дал нужную сумму. Сейчас на семейном фронте стало спокойнее, и я переключилась на другие проблемы. Всегда находила реакцию людей на то, что я работаю, забавным. Как будто я должна сидеть дома, тратить деньги Дэвида и вести себя, как трофейная жена. Ну, на хрен. Да мне бы через две минуты стало чертовски скучно.

Эв покачала головой.

— Не скажу, что все было гладко. Нам пришлось обзавестись судебным запретом в отношении одного чокнутого фаната и одного твари-фотографа. Некоторое время Сэму, парню из охраны, пришлось ходить со мной на работу. Я не была от этого в восторге, но они уgomонились. После того как я продолжала не делать ничего интересного, по мнению папарацци, они пошли своей дорогой. Всякому, кто потревожил меня, запрещали посещать магазинчик. Не скажу, что было легко, но я в праве сама распоряжаться своей жизнью.

— Да, — сказала я. — Так и есть.

— Наверное, совсем скоро, ты тоже найдешь свое призвание. Встречаться с одним из этих парней может быть той еще головной болью, но они того стоят. А теперь вернемся к тебе. Внезапно Мал начинает жить вместе с тобой. Никогда прежде не видела его дважды с одной и той же девушкой. Не думала, что такое возможно, — она замолчала, пристально посмотрела на меня, чтобы акцентировать внимание на этой информации. В моей груди было такое ощущение, словно сжалось сердце. Что будет, когда новизна потеряет свою актуальность и Малу надоеет играть со мной в семейное гнездышко?

— Энн? Приём? Пожалуйста, расскажи мне больше.

— Эм, — я боролась с искушением поразмахивать руками в воздухе, но это было бы слишком. — Он очень убедительный. И... он Мал Эриксон. Так что, да. Как я могла отказать?

Она помолчала.

— Это твоя версия сказки об истинной любви? Это самая худшая сказка из всех. А я излила тебе свою душу.

— Их глаза встретились через комнату, полную народу, — вставила Лина, занятая тем, что игралась с телефоном.

— Это была любовь с первого взгляда? — спросила Эв.

— Совершенно точно. Разве ты не почувствовала, как содрогнулась земля?

— Так вот, что это было. Понятно, — Эв поплотнее укуталась в свою серую куртку. —

Ладно, не буду лезть в чужое дело. Я просто рада, что вы оба счастливы.

— Спасибо, — сказала я, игнорируя продолжающееся удручающее состояние своего сердца. Мне просто нужно жить моментом. Наслаждаться тем, что он рядом, пока я могла. Конечно. Без проблем.

А тем временем Лиззи не грустила. Вместо этого она стояла, глядя на сцену и замерев из-за чего-то на месте. Или кого-то. Если начистоту, то это был офигенный знак. Члены группы закончили разговаривать и разделились, каждый ушел к своему месту. Мал постучал палочками друг об друга, давая сигнал группе к старту, и бам! Полилась музыка, заполняя холл. Не удивительно, что Эв хотела поговорить до того, как парни начнут играть. Звуки кричащей гитары и колотящихся басов ударялись о мою грудную клетку. Вступили барабаны, и я почувствовала, как ритм музыки стучит в унисон с моим сердцем.

А затем запел Джимми:

«У меня то чувство, что приходит и уходит

Десять сломанных пальцев и сломанный нос...»

Это была старая песня из альбома «Сан Педро», одна из моих любимых. Все мысли с том, возможно или нет наше с Малом совместное будущее, вылетели у меня из головы. Игра Мала и музыка, плавность его движений и то, как он был полностью сосредоточен на ней, поглотили меня. Его энергия. К тому моменту, когда они добрались до припева, у меня от улыбки болело лицо. В конце песни мы вчетвером вскочили на ноги и разразились аплодисментами. Джимми мягко засмеялся и поклонился. Группка людей, стоящих сбоку от сцены, одарила нас мрачными взглядами. Понятия не имею, в чем их проблема.

— Это их менеджер, Адриан, и кое-кто из звукозаписывающей компании, — сказала Эв, ее голос далеко не дружелюбный. — Мой тебе совет, держись от них подальше.

— Андриан — мудака, — Лина оперлась спиной об один из деревянных ящиков. — Но он чертовски хороший менеджер.

Мужчина, о котором говорили, был средних лет, на нем была деловая рубашка, а на шее — толстая золотая цепь.

— Он был на вчерашней вечеринке?

— Не-а, — Эв сердито перебросила волосы за плечо. — Мы с Адрианом не в ладах. Он предпочитает, чтобы группа была сосредоточена на своей музыке, а не тратила время на отношения.

— Как будто твои сексуальные отношения с Дэвидом не вдохновили его написание последнего альбома, — сказала Лина.

— Именно. Ему стоит поблагодарить меня, — прыснула Эв. — Энн, если он прицепится к тебе, то дай знать Малу. Он с ним разберется.

Четыре часа спустя группа, наконец, перестала играть и передала инструменты роуди. Я охрипла от криков, руки были красными от хлопков. Боже, помоги мне, если мне когда-нибудь удастся попасть на их настоящий концерт. Было несколько прерываний и проигрываний песен заново, когда они работали над совершенствованием различных отрывков. Потом они совещались только вчетвером, и также с кем-то из звукозаписывающей компании. Еще они играли с эффектами с помощью звукорежиссеров и их панелями из кнопок и шкал. А мы, дамы, танцевали, вопили и отлично проводили время. Каждый член

группы был так талантлив.

Но Мал... нам нужно вернуться в мою квартиру и разрушить остатки кровати.

Его волосы стали темными из-за пота и мне безумно его захотелось, когда он подошел ко мне уже без футболки.

— Повеселилась?

— Да, очень, — прохрипела я.

— Ты сорвала голос? Мне показалось, что это ты кричала, — он надел худи.

— О, боже мой, неужели это Дэвид Феррис? — Эв стояла на одном из деревянных ящиков, на которых мы сидели. Ее муж просто покачал головой и распахнул руки. Она прыгнула в его объятия, и он безо всяких усилий поймал ее. Она обхватила его ногами, и их губы слились в поцелуе.

— Снимите комнату, — проронал Бен.

Мал протянул мне свои барабанные палочки.

— На память о твоём первом концерте «Стейдж Дайв».

Кто-то засмеялся, но мне было все равно. Я крепко прижала палочки к груди.

— Я всегда буду ими дорожить.

— Она слышала, как мы играли прошлой ночью, — Джимми стоял поодаль от группы, скрестив руки на груди. По-видимому, его хорошее настроение исчезло.

— То было акустическое выступление, — сказал Мал. — И я же не собираюсь дарить своей любимой набор гребаных эфемерных щеток, так ведь? Для девушки с ее аппетитом подойдут только длинные, твердые штучки фаллической формы.

— Я слышал о вас двоих, — Дэвид осторожно поставил обратно свою жену, продолжая обхватывать ее рукой.

Я вскинула голову.

— Что?

— О-о, что произошло? — спросила Лина, наострив уши в стиле щеночка.

— Они сломали кровать, — судя по выражению лица Эв, черт, нам никогда этого не забудут. — Можете в это поверить?

— Конечно, мы сломали кровать. Им просто посчастливилось, что мы не сломали здание, — с гордостью заявил Мал, принимая удар на себя.

Дэвид покачал головой.

— Мне совершенно неинтересно, чем вы там оба занимаетесь, но тут ни свет ни гребаная заря звонит Лорен, чтобы рассказать об этом моей жене. Съезжайте уже отсюда.

— Энн там нравится, — сказал Мал. — Спешить ни к чему.

— У тебя дерьмовая охрана. Люди узнают, что ты околачиваешься рядом и можешь позабыть о личной жизни. И насколько охрененно маленькая та квартира?

— Успокойся, Дэйви. Мы подумаем об этом. Вы ребята, так одержимы своими особняками и пречудесной жизнью. Зачем это нам? Мы с Энн можем жить в картонной коробке и даже этого не заметим — настолько эпична наша любовь. Не так ли, Тыковка?

— Эм, да?

— Видите? — вскрикнул Мал. — Она сходит по мне с ума. По сравнению с таким почитающим обожанием материальные вещи не значат ничего.

Дэвид просто покачал головой.

— Да пофиг, — Бен провел рукой по своим коротким волосам. — Я умираю с голоду. Мы пойдем куда-нибудь, чтобы поесть и выпить?

— Да, — это сказала Лиззи. Очень громко и довольно решительно.

Глаза басиста медленно осмотрели ее с неожиданным интересом. Не спеша на его губах появилась непристойная улыбка:

— Ну, тогда хорошо.

Знак красной тревоги. Далеко не хорошо. Моя кроха-сестренка не будет зависеть с парнем, который на восемь или больше лет старше нее. Если я хотела поступить глупо со своим сердцем, то это касалось только меня. Лиззи обидят только через мой труп.

— Разве тебе не пора возвращаться на учебу, Лиз? — спросила я.

— Нет, все в порядке.

— Я думала, тебе нужно сделать домашнее задание? — свою мысль я пыталась донести, используя весьма выразительный взгляд.

Она проигнорировала и то и другое.

— Не-а.

— Лиззи, — я выдавила ее имя через стиснутые зубы.

— Дамы, дамы, — произнес Мал, чувствуя нарастающую враждебность. — У нас тут проблема?

Подошла девушка, которая зависала с руководством из звукозаписывающей компании, ее сапожки на высоком каблуке стучали по полу. Ее улыбка была неуверенной. Девушка была великолепно, ее грудь была в миллиард раз больше моей (приблизительно, тоже велико дело) и у нее были коротко стриженные белокурые волосы.

— Мал?

Он обернулся, и все его лицо засияло, как только он увидел девушку. Мои внутренности сжались. Да, ладно. Возможно, я немного ревновала.

— Эйнсли, когда ты приехала? Хорошо выглядишь, — его голос звучал суперсчастливым. Они обнялись. Затем они еще немного постояли обнявшись. Девушка захихикала и вздохнула, прижимаясь к нему. Срань господня, неужели эта сучка на самом деле осмелилась подцепить моего фальшивого парня прямо на моих глазах? Она же практически терлась о его ногу. Судя по динамике между ними без сомнений можно было сказать, какими были их отношения. Я наконец-то повстречалась с одним из тел, которое поимел Мал. Это должно было произойти. Глупо было удивляться, и у меня не было реального права чувствовать себя задетой. Жаль, что от этого понимания боль не исчезала.

Я могла почувствовать, как на меня уставились остальные девушки, взглядами прожигая в черепа дыры. Ни за что я не посмотрю на них в ответ. По-видимому, Мал наконец-то нашел того, кто поможет ему с его зудом. А тем временем, мое лицо становилось краснее. Вся эта сцена была охрененно ужасной и постыдной.

— Эй, Мал, — сказала Лиззи, прерывая воссоединение любовников. — Нам стоит пригласить друга Энн, Риса, пообедать с нами? Он частенько гуляет с нами по воскресеньям.

О, замечательный, преданный, мелкий манипулятор. Я ценю ее заботу, но ее намерения были неуместны. Мне не нужна защита.

— Кажется, Рис говорил, что будет занят, — сказала я.

У моей сестры так хорошо получалось играть самую невинность с широко-раскрытыми глазами.

— Нет, что серьезно? Почему бы тебе не позвонить ему и не проверить, Энн?

Я покачала головой.

— Может, в другой...

— Ни хрена, Лиззи. То есть, не думаю, что для него найдется место, — руки Мала оставались вокруг девушки. Затем он заметил выражение на лицах своих друзей — неодобрительное и любопытное в одно и то же время. Он смутился на мгновение и, моргнув, нахмурил лоб. После чего отступил от нее, спрятав руки в карманы джинсов. Чуть не скомпрометировал нас. Наши ненастоящие отношения совсем выскользнули у него из головы. Он беспокойно ерзал чаксами по полу.

А еще, очевидно, мысль о том, чтобы заставить Рису ревновать, больше ему в голову не приходила. Но мне и не хотелось ему звонить. Меня идеально устраивал нынешний порядок вещей. Но в любом случае прямо сейчас это не было важно. Эта девушка изменила все.

Эйнсли прикоснулась к его руке.

— Что-то не так?

— Все отлично, — сказала я, не находясь при этом на грани того, чтобы разрыдаться. Просто воздух в старом здании был действительно очень пыльным. — Почему бы тебе не пойти выпить со своим другом и не наверстать упущенное?

— Я думал, что мы собираемся кое-чем заняться, — сказал он.

— Да, но...

Глазами, полными осторожности, Мал посмотрел на меня. А затем он посмотрел прямо через меня. Меня там даже не было. О чем бы он ни думал, это не отразилось на его лице. Для кого-то, кто привык получать то, что хотел, когда только пожелается, было нелегко получить отказ на очевидное предложение заняться сексом. Давайте на чистоту, его контроль над импульсивным поведением был в лучшем случае ограниченным.

— Прошу прощения, а вы кто? — спросила Эйнсли. Идеально вежливая, я не могла винить ее манеры.

— Эйнсли, это новая девушка Мала, Энн. Энн, это Эйнсли.

Охрененно круто, даже Эв ее знала. Эта девица была из постоянных. А как же насчет того, что его никогда прежде не видели дважды с одной и той же девушкой?

— Девушка? — Эйнсли неуверенно засмеялась, ее глаза метались по группе. Никто не присоединился к ее смеху. Боже, как неловко.

Мал шагнул ближе.

— Я просто поздоровался с другом. Что тут такого?

— Ничего. Все в порядке.

— Ага, по ходу, если бы так и было, то ты бы не смотрела на меня таким взглядом, — сказал он жестоким и разозленным тоном. Как будто это я доставила ему неудобства или еще что.

— Не разговаривай со мной таким тоном, — сказала я. — Особенно перед другими людьми. Иди, погуляй со своим другом, приятно проводи время. Можем обсудить это позже.

— Можем, ха-х?

— Да.

Эйнсли сделала большой шаг назад. Бедняжка.

Но Мал обвел каждого разозленным и недоуменным взглядом. Казалось, что вена на его шее готова вот-вот взорваться.

— Ну, нахер.

Он развернулся и направился обратно к сцене, гаркнув одному из роуди приказ подать ему палочки. Вскоре склад опять наполнился звуками стука по барабанам. Каждый смотрел куда-нибудь в сторону. Что за херня.

Дэвид посмотрел на Джимми. Его брат кивнул, тоже двинувшись в сторону сцены. За ним последовал Бен, в то время как Эйнсли вроде как слиняла по-тихому обратно к людям из звукозаписывающей компании.

— Черт, я забыла, — Эв драматично схватилась за голову, словно ее неожиданно озарила мысль. — Всем девушкам нужно будет встретиться у Лорен. Устраиваем девичник.

— Что, правда? — спросил Дэвид.

— Ага, — она одарила его пронзительным взглядом. — Мы рано начнем гулять.

Он понял, к чему она клонит.

— Точно. Да.

Я не особо помню, как мы уходили. Меня, зажатую между Эв и Лиззи, поспешно увели оттуда к большому черному «Эскалейду», ждущему снаружи. Накачанный лысый мужчина, стоящий рядом с машиной, казался странно знакомым.

— Привет, — сказала я. — А это не вы как-то ставили засов на мою дверь?

— Да, мэм.

— Это Сэм. Сэм, это Энн. Она одна из нас, — Эв проскользнула на заднее сиденье и пристегнулась, когда как Лиззи села спереди. Она поудобнее уложила попу на роскошной коже. Было приятно знать, что хотя бы кто-нибудь наслаждался роскошью. Окажись мы в каком-то вонючем старом такси, мне бы на это было абсолютно наплевать.

— Приятно с вами познакомиться, мэм, — сказал Сэм. — Как всегда, приятно вас видеть, миссис Феррис.

Я залезла внутрь и пристегнулась.

— Я не понимаю, — сказала Лиззи.

— Чего? — спросила я.

Лиззи развернулась на своем месте, чтобы иметь возможность посмотреть на меня.

— Этого. Он делает тебя счастливее, чем я когда-либо видела. Ты словно совершенно другой человек. Он смотрит на тебя так, будто ты изобрела взбитые сливки. А теперь — это. Я не понимаю.

Я пожала плечами, стараясь изо всех сил сохранить выражение лица спокойным, беспристрастным.

— Бурный роман. Как пришел, так и ушел.

— Мне понадобится ржавая лопата, Сэм, — сказала Эв.

— Я займусь этим, миссис Феррис, — он выехал со стоянки.

— Замечательно. Нам лучше будет заехать за Лорен. Она захочет в этом поучаствовать.

— И в чем же? — спросила я. — Мы на самом деле не устраиваем девичник, так ведь?

Выражение ее лица дало мне знать, что мы, черт возьми, еще как его устраиваем.

— Знаешь, прямо сейчас я не в подходящем настроении. Но это очень мило с твоей стороны.

— Сэм? — Эв почти весело пропела его имя.

— Да, миссис Феррис?

— Если мне потребуется твоя помощь в похищении нашей Энн и в том, чтобы заставить ее вышить вместе со мной, это будет проблемой?

— Конечно, нет, миссис Феррис. Для вас что угодно.

— Ты милый добрый человек, — проворковала она. — Знаешь, раньше он был «морским котиком». Я бы не стала с ним шутить, но ты делай то, что считаешь нужным, Энн.

— Ты само зло, когда разойдешься, — я устала в окно, позволяя одному пейзажу сменяться другим.

Эв хранила молчание. Какое-то время.

— Не знаю, о чем, черт подери, тогда думал Мал, позволяя той страшилке повиснуть на себе.

Лиззи фыркнула.

— Не уверена, что он думал.

Как и я. Но я этого не сказала.

Правда была таковой, что, возможно, мы с Малом расстались. Наши фальшивые отношения могли закончиться. Кто знал? Как правдиво, охренено ужасно подмечено, будь оно проклято. Я часто заморгала. Должно быть, что-то в глаз попало. Если честно, я не была из плачущих особей. Так что моему увлечению пришел конец. Жизнь продолжается. Что бы там ни знала Лиззи или думала, что знает, она не сказала ни слова. Как и я — у меня не было комментария, касающегося темы обсуждения.

Ничего.

Хотя, именно поэтому сильно привязываться к людям было глупо. Если существует вероятность того, что из-за их отсутствия ваше сердце будет разрываться на части — уходите. Никто не должен обладать властью, чтобы заставить вас впасть в маниакально-депрессивное состояние и глотать грузовик джина (любимый метод мой матери справляться с подобными расстройствами). Думаю, иногда стоит извлекать из этого уроки. Ну, теперь и я извлекла такой. Все в порядке.

* * *

Тем воскресеньем Мал не пришел домой на ночь. Не то чтобы моя квартира была домом, но вы понимаете, о чем я.

Несмотря на влитый в меня алкоголь, поспать мне особо не удалось.

К тому времени, как я настрочила пятое по счету сообщение за день, успел прийти и закончиться обеденный перерыв.

Энн: Если хочешь, я могу занести твои вещи к Дэвиду и Эв. Просто дай мне знать.

Как и после предыдущих, ответа после этого сообщения не последовало. Ни буквы. Ни строчки. Ничего. Я ничего не могла с собой поделаться. Мне нужно было попытаться еще раз.

Энн: Я надеюсь, что мы все еще можем быть друзьями.

В ту же минуту, как я его отправила, меня захлестнуло сожаление. Это была такая идиотская стандартная фраза. Почему не выпускают смартфоны с кнопкой «не делай этого»? Сейчас такое приложение пришлось бы кстати. Мне нужно было постараться быть оригинальнее. Может, если бы я отнеслась к этому с весельем, бросила что-нибудь остроумное по поводу его барабанной установки или вроде того, то он бы ответил. Но опять же, я была ни с чем.

— Все еще пишешь ему? — спросил Рис со своего места, занятый перестановкой книжек в отделе «Экшен/Приключения».

— Мм-хмм.

— Ответа все еще нет?

— Нет.

Самый худший понедельник из всех. Мне удалось уговорить Риса позволить все утро провозиться с документацией магазина, таким образом, исключая любую необходимость в разговоре. После сна длительностью в два, а может, и три часа я не чувствовала себя человеком. Не особо. Я была злобным, стервозным комком из душевной боли. Утешила ли Эйнсли мужскую боль, что испытывал Мал? Образы их переплетенных тел заполнили мои мысли. Я видела почти все его тело, так что детали были яркими.

Да, мои нежные чувства были хорошенько и по-настоящему задеты. Спасибо, господи, что Мал бросил меня. Еще бы немного совместно проведенного времени и, когда бы он уехал в тур, я бы стала полностью опустошенной.

На телефон до сих пор ничего не пришло. Я проверила его дважды, просто чтобы удостовериться.

Он был прав насчет «Рокового влечения». Хотя совсем недавно я преследовала его только через сообщения. Повезло, что он держал свой член в штанах. Одного его присутствия было достаточно, чтобы вдохновить меня. От мысли о том, что я могла полностью его потерять, мне хотелось залиться слезами и выплеснуть все то дерьмо, что накопилось внутри (предпочтительно на его голову). Мной овладели злость и грусть.

Сколько дней прошло с нашего знакомства? Не много.

— Как же, бл***, нелепо.

— Что ты сказала? — спросил Рис, бросая нервный взгляд в сторону парочки хипстеров, рассматривающих книги из отдела о домашнем ремонте.

Вот дерьмо.

— Ничего. Ничего. Прости.

Рис подошел к прилавку. Я продолжала равнодушно вбивать на клавиатуре информацию, притворяясь, что разбираюсь с накладной. Может, если я его проигнорирую, он уйдет. Через пару дней я снова буду в порядке. Но вот сегодня мне вроде как необходимо немного уединения. Мне не хочется слушать о деталях того, как мой босс зажигал в выходные. Прошу поймите, впервые за все это время я не ревновала. Или теперь можно считать, что уже во второй раз? Моя увлеченность Рисом чудеснейшим образом (или не таким уж чудесным) испарилась. Лихорадка от Мала Эриксона была сильнодействующим лекарством.

— Ты действительно расстроена из-за того парня, так ведь? — спросил он, что прозвучало как нечто не поддающееся логике.

— Я, правда, не хочу об этом говорить, Рис.

— Слушай, — он вздохнул, опершись руками о прилавок. — А как насчет того, чтобы я вытащил тебя сегодня вечером выпить? В Китайском квартале открылся новый бар. Можем оценить его.

— Очень здорово с твоей стороны предложить такое. Но как насчет другого вечера?

— У тебя есть планы?

— Типа того.

Потому что сидеть в одиночестве, погружившись в раздумья, и при этом быть одетой в одну из футболок Мала — считалось планом.

Рис потер рукой подбородок и нахмурился.

— Энн, если рассуждать трезво, то ты должна была знать, что так и будет. Он же Малкольм Эриксон. Парень — ходячая легенда.

— Да, я знаю.

Я ссутулилась. В стандартной системе измерений высота моего роста сейчас была около двух футов^[17]. Я не могла почувствовать себя еще меньше.

— Такие парни не славятся стабильными отношениями.

— Я, э... я это понимаю. Правда.

— Эй, ты замечательная. Это его потеря.

— Спасибо.

Тьфу ты. Эта жалость в глазах Риса... убейте меня сейчас же. Бутылка текилы только что добавилась к планам на сегодняшний вечер. Да здравствует веселье. Вот, почему я никогда особо не заморачивалась по поводу свиданий, именно из-за того, что творилось в данный момент. Мысль о членах ушла, и опять вернулся эгоизм. Не то чтобы он вообще когда-либо уходил.

Мне нужно вернуть жизнь в прежнее русло. Это Мал повел себя как придурок. Я не сделала ничего плохого. За исключением того, что, конечно, не имела ни малейшего представления, как справиться со сложной ситуацией.

— Наверное, нам стоит вернуться к работе, — на самом деле я не особо выполняла ее, но все же должна была проявить подобие усилий, ведь он за нее мне платит и все такое.

Рис скрестил и выпрямил руки, глядя на меня.

— Слушай, а почему бы тебе не взять на оставшийся день отгул? Я сам закрою.

— В самом деле?

— Да, — он улыбнулся, на щеках появились ямочки. — Одному богу известно, сколько часов я тебе задолжал. А ты даже ни разу не брала больничный.

— Спасибо, Рис.

Моя большая старая ванная на ножках была лучшим местом во всем мире. Ничто с ней не сравнится. Жизнь казалась гораздо лучше в пределах этих теплых, мыльных водяных границ. Если мне когда-нибудь придется съехать, то по ней я буду скучать больше всего. Я принимала ее, отмокая уже добрую половину часа. Откровенно говоря, в мои планы даже не входило выходить отсюда. Я была вполне довольна тем, что бездельничала, уставившись на плитку на стене.

А в голове были только мысли, полные бушующих, огромных морей ни о чем.

До того момента, пока не запахнулась входная дверь в квартиру. Я вскочила, во мне пульсировал адреналин.

— Какого хрена?

— Энн? — прокричал Мал.

Затем запахнулась и дверь в ванную комнату. Я схватила белое полотенце, висевшее на крючке над головой, и прижала его к груди. Мгновенно ткань начала впитывать воду.

— Энн.

Мал ворвался внутрь, разъяренный до такой степени, что аж искры летели. От них наэлектризовались его волосы и потемнели глаза. Дверь в ванную захлопнулась за ним.

— Мал?

— Это что? — прорычал он, тыча свой мобильный мне в лицо.

— Эм, твой телефон? Что, черт возьми, ты тут делаешь?

— Я имею в виду гребаные сообщения, которые ты мне присылала.

— Что? — я уставилась на него в изумлении. — Выйди.

— Нет.

— Раз тебе хочется обсудить мои сообщения, то ты сможешь подождать, пока я не вылезу из ванной и что-нибудь на себя не наброшу.

— Мы обсудим их сейчас.

Для этого разговора мне требовалась броня. А проклятое полотенце совсем не подходило делу. Я скрестила руки на груди, съеживаясь в комочек.

— Те сообщения — это моя попытка вести себя дружелюбно после вчерашнего. Хотя, после того как ты врываешься сюда так... Больше я не чувствую себя столь дружелюбной. Выметайся нахрен, Мал.

— Ты расстаешься со мной через сообщение.

Не вопрос, а утверждение. Такое, от которого я становлюсь еще немного злее, хотя, наверное, к этому также причастно вламывание в двери и крики.

Он чокнутый? Нет, серьезно, чокнутый?

— Этот никчемный козел Рис подтолкнул тебя на это?

— Нет, — отрезала я. — Рис здесь ни при чем. И я не могу на самом деле порвать с тобой, потому что помнишь ту часть, в которой мы никогда в действительности не были вместе? В которой все это было фальшью?

— Фальшью, да? — он присел на корточки возле ванной, сжимая ее края так сильно, что побелели костяшки.

— Выметайся.

— Никуда я не пойду, пока мы не разберемся в этом до конца.

Остатки жалости к себе исчезли, на их место пришла неприкрытая ярость. Да как он смеет?

— Если хочешь разобраться с этим, то, быть может, тебе захочется перестать вести себя, как мудака. Вламываться сюда и кричать на меня, обвинять меня в фигне... глупо.

— Да неужели? Почему бы тогда тебе не сказать, что же мне делать, раз я не такой умный и прочее, — он навис над ванной со взглядом близким к маниакальному. — Скажи мне, как я должен справиться с этим, Энн. И используй короткие слова, хорошо?

Я попыталась сесть, заплескалась вода. Он не мог для этого выбрать еще более неловкое время? И как так вышло, что в этой ситуации он превратился в жертву?

— Я не собиралась... — начала было я, но аргх, хрен с ним. Если он желает нарваться на оскорбления, то он их получит, с моими-то комплиментами. Я откашлялась, попыталась еще раз. — Вот тебе полная картина. Ты не пришел домой... не вернулся сюда, в квартиру прошлой ночью. Я предположила, что ты был с Эйнсли. Твои друзья, скорее всего, об этом узнают, так? Значит, наше прикрытие раскрыто.

— Я не был с Эйнсли, — выдавил он.

Все замерло.

— Не был?

— Нет. Я стучал по барабанам, пока не успокоился, затем выпил немного с парнями. Дэйви сказал, дать тебе немного времени, чтобы остынуть. Уснул я в гостиничном номере Бена.

— Мудрый совет на будущее: в следующий раз, когда дело дойдет до нас, попытайся поговорить со мной вместо Дэйви.

Он медленно выдохнул.

— Хорошо.

— Ты просто остался в номере Бена?

Такая версия развития событий настолько дико отличалась от ненавистной версии, которую я проигрывала в своей голове. Я даже не подумала о таком варианте.

— Да, остался, — взгляд его темных, зеленых глаз прошелся по моему лицу. — Я не думал, когда Эйнсли подошла ко мне после репетиции, как это будет выглядеть и прочее. Вообще не думал, а потом не смог разобраться с ситуацией, как полагается.

Он замолчал, но мне нечего было сказать. Молчать — это все, что я могла делать, чтобы не залиться слезами от облегчения. Не то чтобы я была плаксой. Вину за это я спишу на ПМС, хотя в этом месяце до него было еще далековато.

— Я налажал и обидел тебя, — произнес он на выдохе. — Мне жаль.

— О, нет, ты не обидел меня, — я держала глаза широко открытыми, пытаюсь не развалиться на части. — Хотя было бы здорово, если бы ты ответил на одно из моих сообщений, но... ага, нет, мои чувства не были задеты.

Его брови поднялись, и некоторое время он ничего не говорил.

— Ты выглядела задетой.

— Ну, я такой не была. Со мной было все в порядке.

Он просто наблюдал за мной.

— Правда.

Под глазами у него опять появились синяки. Похоже, Малу прошлой ночью удалось поспать ненамного больше моего.

— Все хорошо, — сказала я, не веря в это, но надеясь, что верил он. А тем временем, я была до сих пор в ванной с голой задницей и ужасно обнаженной. — А теперь, не мог бы ты, пожалуйста, выйти?

Мал выгнул брови.

— С тобой все хорошо?

— Ага. Вон там дверь.

— Я тебя не обидел?

— Не-е-е-е.

— Хорошо, — наконец, сказал он, большим пальцем постукивая по краю ванны. — Так значит, сделка до сих пор в силе и все отлично?

— Конечно, полагаю, что так. Почему нет?

Я одарила его своей самой лучшей огромной, смелой улыбкой, прижимая мокрое полотенце к груди и поджимая колени, чтобы помочь скрыть ту часть, которая была ниже.

Он протяжно выдохнул через нос, откидываясь назад на пятках. Это был хороший признак. Он принял это, и мы двинулись дальше, слава богу.

— У нас все хорошо. Не переживай.

А потом он медленно покачал головой.

— Господи, Энн. Ты несешь такую лживую чушь, что я даже не знаю, какого хрена тебе сейчас сказать.

— Что?

Мой вскрик разнесся между выложенными плиткой стенами и отдался эхом.

— Ты меня слышала.

— Но...

Его рука легла на мой затылок, и губы обрушились на мои. Мои слова были забыты. Его язык проскользнул мне в рот, дразня меня. Другой рукой он придерживал мою голову, чтобы я не упала в воду. И я полностью отдалась требовательному давлению его губ и царапанью его щетины. Я нагнула голову в сторону, проникая языком глубже, и потянула его к себе. Если я утону, то оно того будет стоить.

Не было никаких осторожных движений. Взяло вверх грубое желание.

Я не понимала, что он начал лезть ко мне в ванную, пока из нее не выплеснулась половина воды. Больше никакой ерунды с брызгами, мы сотворили проклятый водопад. Он залез в джинсах, футболке, чаксах и всем остальном, его ноги переплелись с моими. Одной сильной рукой, обернутой вокруг талии, он прижимал меня к себе, а другой — держался за бортик ванной. Кому-то же нужно было удерживать нас на плаву, потому что я была слишком занята тем, что забиралась под его футболку. Я могла бы днями его целовать, но раздеть его было задачей поважней.

— Прочь, — потребовала я, потянув ткань вверх.

— Погоди.

Он отстранился, чтобы стать на колени. С помощью одной своей руки и моих двух мы избавились от этой засранки.

Ощущение его горячей кожи и твердых мышц было таким замечательным. Моим пальцам не удавалось путешествовать по ним слишком далеко, слишком быстро. Мне хотелось исследовать каждый дюйм его тела. Мой рот опять нашел его, и да, я простонала, и в ответ он сжал меня крепче. Мы были прижаты друг к другу, кожа к коже, ну, по большей части. Мои затвердевшие, как булыжники, соски терлись о его грудь.

Да, черт побери, трение.

Трение было прекрасным, но мокрый хлопок — это отстой. Я просунула руку ему за пояс, хватая его за упругий зад. Его бедра качнулись, прижимаясь ко мне, толкаясь в меня. С очень большой вероятностью можно сказать, что для такого ванная была недостаточно большой. Мы заменим ее. Локтем я ударилась о бортик, от чего он начал неметь. Было чертовски больно. Похоже, он заметил, потому что в следующий момент мы уже переворачивались. Еще больше воды полилось каскадом на пол.

— Наверх, — проворчал он.

— Хорошо.

Его руки скользили по моей коже, пытаясь удержать хватку.

— Блин, ты скользкая.

Парень знал, как пользоваться своим телом. Все, что могла делать я, так это держаться за него руками, запутавшимися в его длинных волосах. Его рот проделывал дорожку поцелуев от ключицы к шее, заканчивая покусыванием челюсти. Каждый дюйм моей кожи покрылся мурашками. Мой живот напрягся. Огромная рука накрыла мою попу, сжимая ее. В конце концов, мокрый хлопок был не так уж и плох. Прижатие моей киски к выпуклости в его штанах ощущалось гораздо приятнее. Не настолько хорошо, как если бы он был голым, но все же.

— Ты это слышала? — спросил он.

— Что? Нет.

Единственное что я могла слышать — как колотилось мое сердце. Да и в любом случае, кому какая разница? Сейчас, для того чтобы прислушиваться, было неподходящее время. Это время, чтобы чувствовать, и я чувствовала себя охрененно фантастически, сидя на нем верхом. К счастью, я знала, как расставлять приоритеты. Я прижалась губами к его губам, целуя его с языком.

Он разорвал поцелуй, поворачивая голову в сторону.

— Подожди, — сказал он, за чем последовало короткое: — Черт.

Издали, за тридевять земель (точнее из соседней комнаты) действительно доносились звуки.

— Малкольм? Дорогой?

Это был женский голос в сопровождении нескольких шагов. У нас были гости.

Что за черт?

— Мам? — спросил он, его лицо перекопилось в неверии.

Вот дерьмо, он оставил входную дверь открытой.

— Мы прилетели более ранним рейсом, — крикнула его мама. И, между прочим, судя по голосу, она была очень милой женщиной. Но блин, я не хотела с ней знакомиться при таких обстоятельствах. Какое же прекрасное первое впечатление я тогда оставляю.

— Да вы что? — спросил Мал.

— Это же не проблема, да?

— Твои родители решили нас навестить? — спросила я разъяренным шепотом. — Прямо сейчас?

Он зажмурился и прошептал в ответ:

— Неужели я забыл об этом упомянуть?

— Мал? Дорогой? — позвала его мама. — Все хорошо?

— Да, да. Никаких проблем, мам. Все отлично.

— Просто мы были так взволнованы, когда ты рассказал нам об Энн.

— Она очень даже волнующая, — он одарил мою грудь пристальным взглядом. — Здесь я должен с вами согласиться.

— Нам просто захотелось взять и приехать сюда, чтобы познакомиться с ней. Кажется, мы предупреждали тебя.

Его усмешка была чистой воды злом. Ей бы позавидовал сам Ад.

— О, так вы хотите познакомиться с Энн? Она ведь прямо...

Я зажала ему рот рукой.

— Даже не смей, мать твою, — прошипела я.

Черт, те вещи, которые он считал забавными, могли попросту стать нашей погибелью. В подобной ситуации можно было почти считать, что на кон поставлена его жизнь. Несмотря на смех в его глазах, он кивнул, целуя мою ладошку. Медленно, сузив глаза, я убрала ее.

— Что-что? — спросила его мама.

— Я просто говорил о том, что скоро она придет с работы домой, мам.

— Прекрасно.

— Извини, — одними губами сказал он мне, тихо посмеиваясь.

— Придурок, — произнесла в ответ губами я.

Он схватил меня за затылок, чтобы прижать мои губы к своим. Если бы только мне так сильно не нравилось целовать его.

— Сын, — произнес глубокий голос из другой комнаты.

— Привет, пап, — Мал прижался лбом к моему плечу. — Не входите.

— Нет-нет. Мы бы не стали этого делать.

— На полу очень много воды, — сказала его мама, констатируя факт. — Ты разве уже не вышел из того возраста, чтобы ею так разбрызгиваться? Что, во имя всего святого, ты делал? Где Энн хранит швабру?

— В кухонном шкафу, — прошептала я.

— Э, в кухонном шкафу, мам. Спасибо. Кажется, я немного увлекся, — Мал положил голову на спинку ванной. Он посмотрел по сторонам, проверяя пол. — Посмотрите, что вы натворили, юная леди.

— Вообще-то, это ты залез в мою ванную, — тихо ответила я. Естественно, в ней поднялся уровень воды. После чего она залила пол, а ее поток последовал за дверь, прямо в гостиную. — Какой бардак. Тебе лучше бы ее вытереть.

— Извини, Тыковка. Я не против прибираться за собой и все такое, но я рок-звезда. А рок-звезды не вытирают пол. Нам не положено.

— Раз ты помог развести бардак, значит, поможешь с его уборкой. Границы, Мал.

— Ты не понимаешь, — он закрыл глаза, черты лица были напряжены в поддельном отчаянии. — Это же руки творца. Неужели ты думаешь, что Бонэм ^[18] стал бы вытирать воду с пола?

— Кто? — спросила я в замешательстве.

— Джон Бонэм.

— Точно. Что ж... если бы Джон Бонэм пролил воду на пол, то да, полагаю, он бы ее вытер.

— Ну, он не смог бы. Он умер.

Я голову на бок.

— Что... о ком мы вообще говорим?

— Ты не знаешь, кто такой Джон Бонэм? — спросил Мал, его голос становился громче.

— Ш-ш. Нас услышат твои родители.

— Прости. Но, да ладно тебе, Тыковка, ты должна знать, кто такой Бонэм. Ты же меня разыгрываешь, да?

— Извини.

— А, блин, — вздохнул он, медленно качая головой, поникнув духом. — Не уверен, что смогу засунуть свой член в женщину, которая даже не знает, кто такой Джон Бонэм.

— «Засунуть свой член»? — переспросила я, мои брови, наверное, не то что сошлись, а соприкоснулись на переносице. — Ты действительно только что так сказал?

— Заняться любовью. Я имел в виду, заняться любовью... конечно же. Я бы никогда не засунул в тебя свой член. Я бы днями, нет, неделями занимался сумасшедшей, страстной любовью с этим милым телом, чьим обладателем ты являешься. Это было бы прекрасно, Тыковка. Пели бы ангелочки и пташки, и знаешь... все бы они слонялись вокруг, наблюдая за нами. Извращенцы.

— Ну да. Ты несешь такую лживую чушь, — улыбнулась я осторожно, поднимаясь на ноги.

— А что насчет Керслейка^[19], ты о нем знаешь? Или Уилка^[20], слышала когда-нибудь о Уилке?

— Я знаю о Гроле^[21]. Он великолепен.

— Ох, нет. Черт, милая. Только не Дэйв Грол. То есть, он хороший парень, и конечно, в нем были задатки гения еще во времена «Нирваны», — его руки скользнули с моей талии вниз к бедрам, удерживая ровно на месте. — Вау, а куда это они делись?

— Хм-м? Мал, прекрати.

Он уставился прямо на мою киску, изучая ее. Между его бровей появилась морщинка. Глубоко внутри я понимала, что смогла бы прожить без того, что он сейчас делал. Его родители находились по ту сторону двери. Женщина, которая дала ему жизнь, была занята тем, что прибирала тот бардак, что мы с ним развели. Так что сейчас было неподходящее время, чтобы знакомиться со мной поближе. Экзаменационные вопросы о том, каких известных барабанщиков я знала, наверное, тоже могли бы подождать.

— Ты бы не мог перестать пялиться, пожалуйста? И кто куда делся? — я вытащила ногу из ванной и осторожно ступила на скользкий пол. Убираясь к чертям подальше от его чересчур назойливых глаз. К счастью, мой халат висел на двери в ванную комнату. Я не додумалась бросить его к одежде, в которой была на работе, и которая теперь лежала мокрой кучей в уголке.

— Лобковые волосы, — сказал он, с нарастающим страхом в голосе. — Где они?

— Я делаю эпиляцию воском.

Он pokrutil носом с очевидным отвращением.

— Ну, тогда перестань ее делать. Я хочу видеть милые лобковые волосы морковного цвета, такие же, как у тебя на голове. Я это заслужил.

Я сдержала улыбку.

— А ты много об этом размышлял, да?

— Уже почти как неделю. Мне пришлось думать о чем-нибудь, чтобы выпустить пар.

— Ты мастурбировал, думая обо мне? — спросила я взволнованно. Наверное, если я сейчас захопаю в ладоши, то это будет не круто, да и к тому же могут услышать его родители.

— Энн, у меня есть член? — Мал вылез из ванной, с его мокрых джинсов и чаксов стекала вода. Какое прекрасное мокрое, растрепанное безобразие.

— Исходя из размера выпуклости в передней части твоих джинсов, на этот вопрос я собираюсь ответить положительно, Малкольм.

— Тогда да, конечно, я много размышлял по этому поводу. Я постоянно думал о твоей киске: как она выглядит, какая она на вкус, каково будет ощутить ее, — он встал напротив меня, такой высокий, полуобнаженный и промокший насквозь. Причем последняя часть определено давала о себе знать, когда с него на пол падали капли воды. — Почему, ты думаешь, прошлую ночь я провел на диване Бена? Я больше никого не хочу трахнуть. Я хочу тебя.

— Вау, — прошептала я.

— Ты собираешься упрекнуть меня в том, что я не проявляю романтики, как в тот прошлый раз?

— Не-а.

— Не-а? — его пальцы играли с воротником моего халата. Не распахивая, а просто водя по нему.

Я схватила его за талию и вытянула голову, чтобы прижаться губами к его губам.

— Все, что я слышала, — было бла-бла-бла я постоянно думал о тебе. Бла-бла-бла я хочу тебя. Это была идеальная романтика в чистейшем виде.

Он усмехнулся.

— Ты сумасшедшая.

— Вполне возможно, что эта черта у нас общая, да.

— Мне действительно нужно, чтобы ты узнала, что у меня есть член.

Он провел губами по линии подбородка, заставляя меня дрожать.

— Покажешь мне его позже?

— Раз ты так любезно об этом попросила, — он слегка отодвинулся от меня. — Вот дерьмо, мы же не станем вести себя так тошнотворно, как Дэйви и Эв, правда ведь?

— А разве не так мы должны были себя вести?

— Да, но это было забавно, когда мы притворялись. Если мы собираемся быть вместе по-настоящему... — он оставил мысль незаконченной.

Мое желание значительно остыло, охлаждая меня. Потому что реальные отношения означают, что людям будет больно. И говоря о людях, которым причинят боль, я подразумеваю себя. Можно также подразумевать под этой категорией и его, да. Но удача никогда не была на моей стороне. Я и так уже знаю, как будет больно, когда закончатся наши мнимые отношения. Но если эти отношения станут реальными? Тогда будет гораздо хуже.

— Я, эм... а почему бы нам пока что ничего не усложнять? Посмотрим, как там дальше будет.

— Ничего не могу поделать, — он прислонился лбом к моему лбу. — Нам действительно охрененно нужно заняться сексом, Энн.

— Да. Но то, что между нами, не должно измениться, если мы начнем спать вместе.

— Не должно?

— Нет. Все будет отлично.

Господи, только не покарай меня. Как знать, это может даже оказаться правдой.

— Круто, — сказал он, улыбаясь во все зубы. Он вытянул мне раскрытую ладонь,

ожидая, что я дам ему «пять». — Черт, как же мы хороши.

Я хлопнула по его ладошке, после чего переплела наши пальцы и крепко их сжала.

— Что есть, то есть.

Когда дело дошло до выхода к его родителям, Мал повел их гулять.

Он набросил сухую одежду и вытер пол в ванной комнате, в то время как я пряталась за занавеской в ванне. В общем-то, ему довольно быстро удалось вывести родителей из квартиры. Я слышала, как его мама спрашивала о подкошенной кровати (поскольку дверь в спальню тоже была открыта нараспашку). Наши «действующие-и-прекращающиеся», «настоящие-и-мнимые» отношения потихоньку уничтожали мою квартиру и ее содержимое. Хотя, к счастью, утечка воды не принесла большого ущерба.

Мал пробормотал какое-то объяснение насчет кровати, и его отец сменил тему разговора. Что он им, черт подери, наговорил? Зная его, теперь они, наверное, считают, что я была кем-то вроде одной из его подружек по переписке. Хотя мне бы и не хотелось, чтобы его родители узнали истинную причину, заключающуюся в том, что мы прыгали на кровати, как парочка идиотов.

Я обсохла и закончила с уборкой на полу. Пятнадцать минут спустя Мал прислал мне сообщение.

Мал: Машина приедет через 15 минут

Энн: Куда мы собираемся?

Мал: Сюрприз

Энн: Я не люблю сюрпризы. Куда мы собираемся?

Энн: Ответь мне или я сделаю тебе больно, пока ты будешь спать. Я должна знать, что надеть и т. п.

Мал: Ничего не одевай

Энн: ...Еще одна попытка

Мал: Ресторанчик в городе. Надень юбку

Мал: Пжалст?

Энн: Твое пожелание для меня закон

Мал: ХА-ХА черт, если бы так и было

Я стояла у обочины, отмораживая коленки под пронизывающим ветром. А еще немного паникуя по поводу того, что подумают обо мне его родители — о девушке на мели с едва полученным образованием. И тут подъехал длинный, отполированный лимузин.

Ух, ты.

Наверное, мои глаза были такими же большими, как его колеса. Такое со мной было впервые. Я пропустила выпускной. Я пропустила много чего. Мой первый парень нашел себе кого-то другого, у кого нашлось время, чтобы посещать игры и афтепати.

Из лимузина вышел молодой человек в шикарном сером костюме.

— Мисс Роллинс? — спросил он.

— Да, — я открыла дверь, чтобы побыстрее заглянуть в салон. — О, черт. Я должна была позволить вам ее открыть, да?

— Ничего страшного, мисс.

Он занял свое место у двери, ожидая, когда я заберусь внутрь. К счастью, юбка у меня доходила до колен. Учитывая размеры транспортного средства, не существовало никакого другого изящного способа забраться в него.

Меня поприветствовали глянцева кожа, блестящий графин и стаканы из хрусталя. К слову о роскоши. Лимузин подвез меня к стейк-хаусу в Перл-Дистрикт. Каждый грезил о том, чтобы обзавестись жильем в этой части города. Прежде мне не доводилось побывать в этом ресторане, но я была о нем наслышана. Как-то раз Рис привел сюда девушку, надеясь впечатлить ее. И это сработало. От этого места так и разило роскошью, с его красными кабинками и слабым освещением. Если честно, то лампы скорее походили на произведения искусства — такие огромные, блестящие штуки шарообразной формы. Пожалуй, мне нужно приобрести такую же себе домой, как только я заработаю свой первый миллион.

Я упомянула имя Мала, и спокойный парень, выполняющий обязанности администратора, несколько раз осмотрел меня с ног до головы. Вот только, кажется, после первого осмотра его взгляд перестал быть просто любопытным и стал неприкрыто оскорбительным.

— Не торопись, пялся сколько нужно, — сказала я, не беспокоясь о том, чтобы вести себя дружелюбно.

Мал сидел отвернувшись спиной к комнате, его волосы были собраны в короткий хвостик. Было таким искушением спросить его, заставила ли это его мама зачесать их, но в любых дразнилках и словесных перепалках я обычно оказывалась в проигрыше. Мои нервы были и так расшатаны из-за встречи с его родителями, так что я оставила рот закрытым и залюбовалась выемками на его скулах.

— А вот и она, — гордость в голосе Мала поочередно то пугала, то согревала меня. Он выскользнул из кабинки и обнял меня рукой за талию. — Мам, пап, это Энн.

Мама Мала была миниатюрной, а ее улыбка освещала все лицо. Нейл, отец Мала, встал, как только я подошла. Судя по высокому росту и золотистым волосам, казалось, в его жилах текла кровь викингов. В этом была доля разумного, стоило только посмотреть на его сына.

— Приятно с вами познакомиться, — произнесла я, стараясь изо всех сил выглядеть яркой, веселой, обнадеживающей... и прочей, в том же чертовом духе. Прежде мне ни разу не доводилось знакомиться с родителями парня. Скрестив пальцы, я надеялась, что не подведу его.

Его мама протянула мне свою изящную руку. На ощупь кости ее пальцев казались хрупкими.

— Здравствуй, Энн. Я Лори. А это Нейл. Мы так рады с тобой познакомиться.

— Здравствуйте, Лори. Мне тоже приятно с вами познакомиться.

Закончив с любезностями, я проскользнула в кабинку, Мал сел рядом со мной. Его бедро, обтянутое джинсами, прижалось по всей длине к моей ноге, а рука легла на мое обнаженное колено. После копания в шкафу я остановила свой выбор на темном трикотажном платье и ботильонах. На нотке консервативности с примесью стиля дрянной девчонки, надирающей задницы ради благих целей. Может, это был убогий выбор. Да и что я знала о семьях рок-звезд? Нейл был одет в белую рубашку и галстук, Лори же — в белую льняную кофту и брюки. Я не совсем ожидала увидеть пирсинг и кожаную одежду, но белый лен? Я бы пролила что-нибудь на себя в течение первых двух минут, учитывая то, как дрожали мои руки.

— Эй, — сказал Мал, придвигаясь ближе.

Мне определенно не хотелось напортачить, но в желудке завязался тяжелый комок страха. Раз дела с собственной матерью обстояли не самым лучшим образом, тогда каковы шансы на то, что я смогу очаровать его родителей? Мои руки были влажными и липкими от

пота. Честное слово, стоит мне оказаться в стрессовой ситуации, как я могу соперничать с носорогом по вопросам потовыделения. Если предположить, что у носорога есть проблемы с потовыделением.

Мал оставил нежный поцелуй за ушком.

— Дыши, Тыковка. Все хорошо.

— Ага, — я показала ему два поднятых больших пальца.

— Ага, хорошо. Но не отлично, — он посмотрел по сторонам и вытянул руку. К нам поспешил официант. — Привет. Можешь принести ей... да все что угодно из тех крепких напитков, что у вас есть, хорошо?

— Как насчет «Ракетного Топлива», сэр?

Мал хлопнул в ладоши.

— А что, звучит восхитительно! Замечательно, пусть будет «Ракетное Топливо». И сделай двойную порцию.

У официанта выпучились глаза.

— Э, да, сэр.

По всему столу были разложены фотографии, настоящее море из светловолосых детишек. В изобилии были круглолицые мордашки и ручки, распахнутые как у морской звезды. Лори одарила меня еще одной теплой улыбкой.

— Это все наши внуки.

— Я не знала, что Мал стал дядей.

— Милая, уже как восемь раз, — его мама начала указывать на лица малышек, озвучивать их имена. Исходя из того, что три его сестры были такими плодовитыми на потомков, я сделала мысленную пометку запастись презервативами. Кем бы мы с ним друг другу не приходились, мы определенно не были готовы к появлению Мала Младшего, несмотря на его шутки. Я даже не знала, хочу ли я вообще детей. Этот вопрос непоколебимо лежал на полочке под названием «может, когда-нибудь».

Рассказы Лори о ее внуках заняли нас на время заказа и ужина. Она говорила, пока все мы ели. Потягивание «Ракетного топлива» помогло мне значительно расслабиться. Из всего того, что мне удалось попробовать в жизни, могу сказать, что он состоял из каждого вида белого ликера с примесью лимонада. Этот напиток следует либо сделать незаконным, либо поджечь, чтобы спалить часть содержащегося в нем алкоголя. Выпив дюйм или два, я отставила его в сторону, оставив Малу. Он утаскивал еду с моей тарелки, пил из моего стакана и мне понравилось эта близость и чувство единения. Быть может, это и было просто старое доброе воровство, но то, как он это делал, якобы отвлекая меня улыбкой или подмигиванием, сделало игру того стоящей.

Рядом со мной он вел себя так легко.

— Значит, у тебя есть три старшие сестры, — сказала я. — Знаешь, я так и вижу тебя в качестве самого младшего ребенка.

Его мама громко засмеялась. Может, она и была миниатюрной, но смеялась она много. Что говорило о хорошем детстве Мала. Обожание, с которым она смотрела на своего сына, было только тому подтверждением. А я даже не могла вспомнить, какой он, мамин смех. Я давненько его не слышала.

— Почему? — спросил Мал, глядя на меня свысока. — Хочешь сказать, что я буйный и незрелый? Знаешь, Тыковка, подмечать подобную хрень таким образом довольно грубо.

Его мама откашлялась с явным предупреждением следить за языком.

Мал сидел, вытянув руку на спинку нашей скамейки. Он надел черную футболку-хенли с длинными рукавами, чтобы скрыть свои татуировки, и сухую пару чаксов. Я пыталась не смотреть на него слишком долго, ужасаясь мысли, что включу свои «безумные глазки» прямо перед его родителями. Воспоминания о том, как мы разместились в ванной, еле сдерживались от того, чтобы всплыть на поверхность.

— Объяснись, — приказал он.

— Я всего лишь хотела сказать, что ты истинный исполнитель. Исходя из чего, вполне разумно предположить, что ты мог быть самым младшим из детей.

— Точно, — он приподнял бровь, обводя взглядом свою семью. Вот только его рука поднялась выше по моей ноге, проскальзывая под юбку. Я крепче ухватилась за его пальцы, сжала их в предупреждении, прежде чем он смог сделать какой-либо весомый шаг в данном направлении. И только дернувшийся уголок губ предал его. — Энн старшая в семье. Мам, ты бы видела, как она ведет себя со своей сестрой. Оберегает ее, и это еще мягко сказано. Я удивлен, что девочка не завернута в упаковочную пленку с пузырьками.

Его мама подавила смешок.

— Я не чересчур оберегаю ее, — сказала я. — Ей двадцать лет. Она уже взрослая. И я это уважаю.

— Да неужели?

Черт, мне нравилось, как он поддразнивал меня. Мне нравились знакомые нотки в его взгляде.

— Бен сказал, что испугался за свою жизнь, когда ты поймала его за оцениванием твоей сестры. Он задумался, нужно ли ему поберечь свои фамильные драгоценности.

Лори издала еще один предостерегающий звук при упоминании яиц, но Мал просто выпалил дальше:

— Он сказал, что ты была готова испепелить его взглядом.

Эта информация понравилась мне гораздо меньше.

— Он говорил о Лиззи? — я сузила глаза, о хорошем настроении давным-давно позабыто. Я даже не хотела, чтобы Бен Николсон знал о ее существовании. — Она слишком юна для него. Ей нужно быть сосредоточенной на учебе.

— Успокойся, мать-медведица. Так бывает, согласен, — широко улыбнулся Мал, потирая мой затылок и мгновенно успокаивая меня. Господи, его руки. Как бы мне не нравились его родители, надеюсь, что это будет не долгий, затянувшийся ужин, а короткий и милый. Нам с Малом есть, чем заняться.

— Мы будем удерживать Бенни-боя подальше от твоей крохи сестрицы, — тихо пообещал он. — Не беспокойся.

— А что насчет твоей мамы, Энн? — спросила Лори. — Где она?

Я вздрогнула, и пальцы Мала замерли на моем затылке. Мне не нужно было видеть, как он посмотрел на меня. Что мне нужно было, так это спокойно продолжить разговор.

— Она, эм... она живет в Южной Калифорнии. С ней все хорошо.

— А твой папа?

— Он ушел от нас. Много лет тому назад.

Так прозвучало гораздо лучше, чем «хрен знает, когда». И зачем приукрашивать, так ведь? Факты останутся фактами. Я подняла оставшуюся половинку кусочка хлеба, откусила от него корку. Было мило, но с меня хватит. Нам нужно было поговорить на какую-нибудь

нейтральную тему, но теперь-уже-пустая тарелка с ужином никак этому не способствовала. Мой мозг не мог выжать из себя ни одной проклятой мысли на этот счет.

— Вы останетесь на несколько первых концертов из тура? — спросил Мал. Я бы ему ноги расцеловала за спасение.

— Посмотрим, — ответил его отец.

— Конечно, мы останемся. По крайней мере, на первый, — поправила его Лори. — Нам нравится смотреть, как вы с ребятами выступаете. Как они поживают? Джимми уже лучше?

— С ним все хорошо, мам. У всех них все хорошо. Дэйви хочет поскорее познакомить вас с Эв.

Его мама счастливо вздохнула.

— Я бы с удовольствием с ней познакомилась. Я всегда знала, что первым осядет Дэвид. У него такая ранимая душа, намного чувствительнее, чем у любого из вас.

— Я чувствителен. Внутри у меня нет ничего, помимо огромного шарика нежных ранимых чувств. Скажи ей, Тыковка.

— Ваш сын очень чувствителен, — покорно повторила я.

— Это прозвучало неправдоподобно, — он нежно потянул за прядь моих волос, придвигаясь ближе. — Мои чувства задеты. Ты сделала мне больно. Лучше излечи меня поцелуем.

— Мои извинения.

Я одарила его быстрым, но приятным поцелуем в губы.

— Это лучшее, на что ты способна? — он потерся своими губами о мои, пытаясь соблазнить меня на более глубокий поцелуй. — Тебе должно быть стыдно. Мне кажется, ты можешь целоваться намного, намного лучше, чем так. А почему? Да потому что ты совсем промахнулась мимо моего рта.

— Позже, — прошептала я, делая все возможное, чтобы перед его родителями продолжить вести себя не выше рейтинга «только для взрослых». Но, черт возьми, это было сложно.

— Обещаешь?

— Да.

— Как жаль, Энн, что тебя не было дома, когда мы к вам приходили, — сказала Лори. — Но у тебя замечательная небольшая квартира.

— Спасибо.

— Только Малкольму нужно будет перестать ломать твою мебель и создавать потопаы.

Мал простонал:

— Мужчина должен иметь право свободно попрыгать на кровати или искупаться, когда ему вздумается, мам.

— Дорогой, тебе двадцать семь лет.

— И?

— Разве это не то время, когда нужно начинать вести себя по-взрослому?

— Я плачу по своим счетам, выполняю свои обязательства. А все, что кроме этого, разве имеет значение? — Мал сел ровнее, глядя на свою маму с улыбкой. Складывалось такое впечатление, что они много раз заводили подобный разговор.

— Как забавно, — сказал Нейл, впервые заговорив за долгое время. — Могу поклясться, что в ванной слышал два голоса.

— Тонкие стены, — сказали мы с Малом одновременно. И да, моя улыбка... очень

сомневаюсь, что такое объяснение было хотя бы немного правдоподобным. Замечательно.

Его отец фыркнул.

Лори попыталась скрыть улыбку, прикрывая губы салфеткой.

Вот дерьмо. Мы попались.

— Поешь еще, дорогая, — Нейл подвинул ближе к Лори ее тарелку. Все мы, словно из голодного края, съели прекрасно приготовленную еду, но Лори едва ли прикоснулась к своей порции.

— Я не особо голодна, — похлопала она его по руке.

Пальцы, потирающие мою шею, замерли.

— Но... — Нейл наклонился, чтобы прошептать ей на ухо.

Спустя некоторое время она прервала его быстрым поцелуем. И натянула яркую улыбку, причем фальшивую. С таким выражением лица я была хорошо знакома. На ее лице оно не смотрелось плохо, но все же оставляло неприятный эффект. Наверное, я не ожидала увидеть его на ее лице. Что здесь происходило? Разумеется, должны быть тысяча и одно объяснение. Пары ругаются.

По ту сторону комнаты раздалось набирающее обороты исполнение «С Днем Рождения, тебя». Большая группа людей, примерно одного возраста с Лиззи, начинали вести себя очень громко. Администратор у стойки регистрации настороженно наблюдал за ними.

— Малкольм, ты должен взять Энн с собой домой на вечеринку, чтобы она смогла познакомиться с твоими сестрами, — сказала она. — На следующей неделе в Кер-д'Ален ^[22] у нас будет большой семейный сбор, и вы просто обязаны там быть. Он будет проходить между концертами в Сиэтле и Чикаго, так что у ребят найдется время, чтобы приехать.

— Так вот оттуда ты родом? — спросила я Мала, не подумав. Настоящая девушка знала бы о подобных вещах. Но у нас с Малом пока что не выдавалось возможности обсудить нормальные повседневные вещи. Хотя прошлое не было темой, которую я, как правило, поощряла. К счастью, Лори не выглядела обеспокоенной по этому поводу.

— Да, — кивнул он, не сводя глаз с отца.

— Что это за место? — спросила я.

Его взгляд остался сосредоточенным на родителях, и он не улыбался.

— Там деревья, озеро, парочка хороших баров. Довольно неплохое место.

— Там прекрасно, особенно осенью, — сказала Лори с энтузиазмом. — Энн, ты должна приехать.

— Посмотрим, получится ли у меня к вам выбраться.

Я беспокойно заерзала на месте. Что-то изменилось. Как Мал, так и его отец выглядели подавленными, поглощенными мыслями. Никто из них не встретился со мной взглядом. Атмосфера в кабинке похолодела, и я не понимала почему.

— Ты же убедишься в том, чтобы она приехала, так ведь, мой хороший? — Лори вытянула руку и сжала ладонь Мала, не обращая внимания ни на какие странности, что творились за столом. Если на то пошло, то ее улыбка была шире, чем прежде, словно она пыталась восполнить ее недостаток. — Мы замечательно проведем время, показывая вам окрестности.

— Конечно, — сказал Мал ничего не выражающим голосом. Кто-то нажал на переключатель и выключил его. Здесь попросту его уже не было. И это тоже мне было знакомо.

— Нам лучше вернуться в отель, — заявил Нейл. — Не хочется сильно выматываться.

Лори мрачно улыбнулась.

— Полагаю, ты прав. Скажи-ка, Энн, как думаешь, там действительно водятся приведения? Я видела что-то на подобии тура по домам с приведениями. Это не может быть опасным?

— Конечно, может.

Мал достал телефон из кармана и в спешке набрал сообщение.

— Они подгонят машину ко входу.

Он убрал руку с моих плеч и выскользнул из кабинки. Внезапно из воздуха появилась пара девушек, лет восемнадцати. Мал сделал шаг назад, словно это его напугало.

— О, боже мой, мы так и думали, что это был ты, — вылила поток слов первая, хихикая.

— Мы твои самые большие фанаты.

— Э, здрасте. Спасибо, — Мал взял протянутую ими ручку и оставил автограф на их салфетках, блокнотах и на прочем барахле. Он писал так быстро, что очертания его руки размывались. По-видимому, он делал это уже миллион раз, а то и больше. Я выбралась из кабинки вслед за ним, пока Нейл помогал встать Лори, придерживая ее за локоть.

В нашу сторону повернулись головы, и вскоре еще больше людей из шумного застолья присоединились к двум девицам, кружащим вокруг Мала. Толпа увеличивалась невероятно быстро. Засверкали вспышки, ослепляя меня, и я подняла руку, чтобы защитить глаза от яркого света. Теперь между нами было двое или трое человек. Руки оттолкнули меня в сторону, и я наткнулась на край стола, сильно ударившись о него бедром. На пол упал стакан, разбился у моих ног, и неожиданно рядом оказался Мал.

— Ты в порядке? — спросил он, помогая мне стать ровно.

— Да. Просто это застало меня врасплох.

А если честно, то я была смущена.

— Пойдем, — он прижал меня к себе, когда вокруг нас еще больше начали возмущаться и надавливать люди. Один парень попытался впихнуть Малу свой номер телефона. Мал его проигнорировал, продвигаясь вместе со мной через толпу, по большей части используя силу. Когда кто-то закричал прямо мне в лицо, у меня чуть было не вырвалось сердце из груди, и я покрылась холодной испариной. Эти люди были совсем чокнутыми, вне зависимости от того, были они состоятельными или нет. А что было бы, узнай его люди в забегаловке с фастфудом?

Мы в спешке ушли из ресторана, преследуемые вспышками. Нейл усадил Лори в лимузин, и мы быстро последовали за ними. По окнам стучали руками, пока водитель пытался закрыть дверь, никого при этом не покалечив. Минутой позже лимузин выехал на дорогу, и я снова могла дышать. Мы ехали домой.

Никто ничего не произносил, и тишина убивала меня. Даже Лори смогла только выдавить слабую улыбку, по-видимому, устав, как и предсказывал Нейл. Спеша забраться внутрь, Мал не занял место рядом со мной. А жаль; я бы могла что-нибудь придумать с держанием за руки.

— Это было увлекательно, — сказала я.

— В большинстве случаев они довольствуются тем, что просто смотрят. Но сейчас и тогда они разошлись, — сказала Лори. — Не позволяй этому запугать тебя, Энн.

Никто больше не заговорил.

Когда мы доехали до отеля, она поцеловала меня в щеку, перед тем как выйти из лимузина. Настроение с ужина не изменилось. Я смотрела на Мала, желая, чтобы он

взглянул на меня в ответ. У него не было времени побриться, и намек на щетину обрамлял его челюсть, его рот. От необходимости поцеловать его, сократить между нами дистанцию, мое сердце пустилось вскачь.

— С тобой все хорошо? — спросила я.

— Да. А с тобой? — спросил он, сидя напротив меня, откинувшись на спинку сиденья. Он был картиной спокойствия, расслабленности и отключенности от мира. — Извини за сцену в ресторане.

— Все нормально. Ничего страшного.

Он потер лицо руками.

— Такое случается.

— Еда была замечательной. Спасибо, что пригласил меня.

— М-м.

— Твои родители были прекрасными. Мне очень понравилась твоя мама.

— Здорово.

— Твой отец тоже был милым.

Он кивнул, уставившись в пустоту.

— Нет, серьезно, Мал. Что случилось? — выпалила я. Нам нужно вернуться домой и залезть обратно в ванную. Там дела обстояли лучше.

— Ничего.

Этот разговор был полным отстоем. Где-то в процессе все полетело к чертям собачьим, и я понятия не имела, как спасти обстановку. Мне не хватало навыков.

Мне так сильно хотелось сесть рядом с ним, но что-то сдерживало меня. По некой причине я не была уверена в том, что мне будут рады. Сегодняшняя ночь должна была стать ночью, когда кожа прижимается к коже при занятии потным сексом, и с полным набором подобного времяпровождения. Теперь же я не была так уверена. И дело не в том, что я не желала его, потому что его я хотела, а потребность в нем сделала из меня отчаянную размазню. Мне просто хотелось, чтобы это было взаимно.

Снаружи начался дождь.

— Я собираюсь немного поиграть на барабанах, — сказал он. — Но сперва подброшу тебя обратно до квартиры.

— У вас сегодня вечером репетиция?

Его улыбка даже и близко не коснулась его глаз.

— Нет. Просто я настроен постучать по барабанам.

— Ты не хочешь поехать домой вместе со мной? — спросила я, и он знал, что я под этим подразумевала; он должен был знать.

Мал пожал плечами.

О, нет. Не может быть. Он только что пожал плечами на то, чтобы мы наконец занялись сексом. Это не та ситуация, при которой раздвоение чувств может расцениваться как нечто классное ни в каком виде, типе или форме. Лимузин выехал на ночную дорогу, вне сомнения ожидая указаний о дальнейшем месте назначения.

Мал достал свой телефон и начал клацать по экрану. Я скрестила руки на груди. Ладно, если он хочет так все это обыграть, то пускай. За окном, во всей своей красе мимо нас мелькали пейзажи делового центра Портленда. В одном из маленьких парков светились деревья. В сырую погоду все блестело. Крохотные капли дождя стекали по стеклу машины, заслоняя вид.

К черту все это; если ему действительно хотелось пойти постучать, то он мог просто идти. Очевидно же, что он не был в настроении для компании. Я открыла рот, чтобы согласовать план, но ничего не вышло. Это делу не поможет. По правде говоря, я могла повести себя как упрямая сучка, но грубость мне не особо шла. Возможно лучше, если бы я осталась немного наедине с собой.

— Можешь попросить его притормозить? — я откинула прядь рыжих волос с лица. — Тебе не нужно съезжать со своего маршрута. Я найду, как добраться до дома. Увидимся позже.

Он сощурил глаза.

— Я не брошу тебя на углу улицы в дождь, Энн. Я довезу тебя домой.

— Ладно. Спасибо.

Он открыл рот и затем опять его закрыл.

— Что?

Он ничего не ответил.

Аргх, избегание. Я так хорошо его знала. Я не могла требовать от него делиться своими переживаниями, когда как у самой не было намерений выкладывать ему всю свою историю. Никому не нужно было об этом слышать.

И все же, мы были лучше этого. Или должны были быть.

— На хрен, — проворчала я.

— Что ты сказала?

— На. Хрен.

Он вскинул голову.

— Соблюдение безопасности в движущихся автомобилях сильно переоценено.

— Что...

Я перебралась через салон, чтобы сесть рядом с ним. А затем поступила еще лучше — залезла к нему на колени, обхватив его с двух сторон ногами. Он моргнул, его руки нависли над моими бедрами, словно он не был уверен, куда их положить. Его телефон упал в сторону, явно позабытый. Спасибо Господи, что на мне была юбка. Она была не длинной и сделанной из легко растягивающейся ткани, удобной для многих случаев, но особенно для этого.

— Энн.

— Мал.

— Что происходит?

— Вечер не закончится вот так, — сказала я ему идеально ровным голосом. — Я не позволю.

Он посмотрел на меня так, будто я говорила на непонятном языке. Что, на самом деле, было отличным предположением, учитывая то, что я совершенно не понимала, в чем была проблема.

Я обвила руками его шею. Теперь мне стало понятно, почему он постоянно так делал: в том месте кожа была такой мягкой и теплой. По правде говоря, я понятия не имела, что сказать; поцеловать его казалось более логичным, чем снова ляпнуть что-то не то. Я провела губами по его пухлым и идеальным губам. То, как он быстро втянул воздух, было музыкой для моих ушей. Будь моя воля, я бы отдавала дань уважения его губам всю ночь. Ох, уж эти порочные губы. Ни один мужчина не был настолько приятен в этом плане.

— Терпеть не могу видеть тебя грустным.

Мы устали друг на друга, наши лица близко. Что бы с ним не происходило, что бы ни делало ему больно, этому придется подождать и отойти в сторону от происходящего здесь и сейчас. Мы с Малом заслужили этот момент. Он просто позабыл об этом где-то на пути, сошел не на ту дорожку. К счастью для него, я не забыла.

— В чем бы ни было дело, позволь мне это исправить. Хотя бы на некоторое время...

Я наклонила голову и поцеловала его, проводя языком по его губам. Их вкус был замечательным. Сразу же мои бедра беспокойно заерзали у него на коленях, в поисках большего. Я вся горела и это была его вина, так что ему просто придется с этим разобраться. Он сдался с рыком и открыл свой рот. Черт, я обожала ощущать его язык, его сладкий вкус. Он пробирался прямо в голову, от чего я испытывала головокружение.

Он не колебался. Его руки скользнули на мои ноги, под юбку, пробираясь напрямик к своей добыче, благослови его боже.

— Тебе что-то нужно? — спросил он, поглаживая пальцами мои бедра.

— Ты.

— Черт. Энн.

Его губы поймали мои, настаивая на большем. И, святое дерьмо, я была рада дать ему это. Подушечки его умелых пальцев погладили по промежности моих трусиков, заставляя в ответ загораться каждую частичку моего тела. Если на этот раз нас вздумает что-нибудь остановить, то я не отвечаю за свои действия.

— Продолжай так делать, — с придыханием сказала я, стягивая резинку с его волос, чтобы распустить их.

— Не хочешь этого взамен? — подушечка его пальца прижалась к моему клитору, выводя маленькие круги.

— О, боже.

Моя голова откинулась назад, меня переполняли ощущения. Я была заведена так, что стало стыдно. Влажная ткань на трусиках очень красноречиво об этом говорила. Но у нас было много-много дней для прелюдии, правда. Я хотела его еще задолго до того, как с ним познакомилась, вот только реальность происходящего превзошла все мои ожидания. Мал Эриксон был моей исполненной мечтой. Марафон с поцелуями на вечеринке у Дэвида и Эв, прошлая ночь без сна, в тоске по нему, — все это уже и так довело меня до крайности. Будь проклята безопасность и здравый смысл. Я буду наслаждаться им столько, сколько смогу, и так долго, как это будет возможно.

— Вот так, — прошептал он.

Я выгнулась навстречу его руке, в поисках большего. Он нежно взялся рукой за мой затылок, поднимая голову, дабы иметь возможность посмотреть на меня.

— Ты охрененно красива. Я говорил тебе об этом?

Понятия не имею. И если он ожидает, что я отвечу, то ему придется немного подождать.

— Мне стоило сказать тебе об этом, — сказал он.

Я просто уставилась на него в изумлении. Он, безусловно, был самым красивым мужчиной из всех, что я встречала. Из-за утонченных черт его лица мне хотелось заняться написанием плохенькой поэзии. А звук его голоса, его слова... они были такими идеальными и прекрасными. Но затем у меня все сжалось внутри, и я больше не могла удержаться ни на одной мысли. Я была так чертовски опустошена, что изнывала от боли.

— Мне нужно... — Забыть о разговорах. Вместо них я начала срывать пряжку ремня, расстегивать пуговицу и молнию на его джинсах. Мои мышцы на бедрах горели от того, что

я крепко обхватила его ногами, и если машина неожиданно остановится, то у меня будут серьезные неприятности.

— Ты можешь получить все, что пожелаешь, Энн. Просто скажи.

— Я хочу тебя.

Его пальцы водили по половым губам, пуская мои мысли вплавь.

— Как ты меня хочешь? — спросил он, его рука довела меня до стога. Я прижалась щекой к его щеке, легкие отчаянно нуждались в воздухе. — Хм-м?

— Внутри меня, — слова надоедали, как и молния на его брюках. — Мал, пожалуйста... перестань играть со мной.

— Но тебе нравится, что я играю с тобой.

Я взяла его лицо в свои ладони, сжав губы в жесткую линию.

— Хватит.

Как же хорошо, что я сидела, иначе провалилась бы под землю от его улыбки. Высокомерный, великолепный ублюдок.

— Хорошо, — Мал вытащил руку из-под моей юбки. Я чуть было не заплакала из-за прекращения восхитительного давления. Однако куда важнее было, чтобы он вошел в меня так быстро, насколько это по-человечески возможно.

— Секунду, — сказал он.

Он поднял меня и усадил в сторону, спустил свои джинсы и нижнее белье, вытащил презерватив из кармана. Я застыла, как вкопанная, при виде его высоко торчавшего и кричащего стояка. Мне нужно больше времени, чтобы получше его рассмотреть. Как сильно он разозлится, если я попытаюсь сделать фото? Оно, разумеется, будет исключительно для моего личного пользования.

— Энн, — сказал он, выводя меня из ступора. — Снимай трусики. Сейчас же.

— Точно.

Моя юбка уже была приподнята и скручена вокруг талии. Я просунула пальцы под резинку трусиков и потянула их вниз, сбрасывая при этом ботильоны. Не важно, были ли мои действия хорошо скоординированными и спокойными; все, что имело значение — лишиться одежды, что была ниже талии.

Он открыл зубами упаковку презерватива и натянул его.

— Давай, — большие руки обхватили мои бедра, усадили меня обратно к нему на колени. Для равновесия я крепче ухватилась за его плечи и смотрела на его лицо, запечатлевая его в памяти. Этот момент должен войти в историю с каждой мельчайшей деталью, оставив отпечаток на все времена. Я не хотела забыть ни одной детали, начиная от изгиба его скул и линии подбородка и заканчивая маленькой ямочкой на верхней губе, которую жаждала поцеловать и облизать.

Он проскользнул в меня пальцем, и из-за шока от вторжения дернулись мышцы.

— Порядок? — спросил он, не двигаясь.

Я кивнула:

— Просто застало врасплох.

Медленно он вошел пальцем глубже, заставляя меня изогнуться. Продолжая столь искусно двигаться, он возводил меня выше и выше к наслаждению. Другой его палец потирал мой клитор, в то время как он поглаживал некое приятное место внутри меня. Кто-то каким-то образом выдал секреты мои киски; парень знал абсолютно все. Я не могла вспомнить ни одного мужчину, который мог бы так легко меня завести.

— Черт, ты хороша, мои пальцы на небесах.

— Мал, пожалуйста... — я даже не была уверена, о чем просила. Я хотела его пальцы, его член, его губы, всего его. Он сделал меня ненасытной.

Он вытащил из меня палец, поддразнивая мои губы, тем самым помогая мне спокойно открыться. Мой таз двигался же под собственную музыку, потираясь о его руку. Мои стоны были такими громкими, что водитель обязан был их слышать, несмотря на разделительную перегородку. Заботило ли это меня? Не-а.

— Мы готовы, — заявил Мал.

Еще как.

Одна рука легла на мое бедро, вторая придвинула его член ко входу. От его прикосновения к половым губам у меня перед глазами заплясали звездочки. Я не знала, как переживу большее. Медленно, не увеличивая темп, я опустилась на него. Он резко выдохнул, когда я опустилась еще ниже. Я не останавливалась, пока не села на его голые бедра, а волоски на его ногах не защекотали меня.

— Вот мы и на месте, — он был полностью на мне сосредоточен, его глаза исследовали мое лицо, всматриваясь в каждую его черту. Мне некуда было спрятаться. Та еще проблема, исходя из того, что у меня был глупейший порыв залиться слезами или еще чего хуже.

С каких это пор секс так много значил?

— Я хочу двигаться, — сказала я. Но руки на моей талии удерживали меня на месте. Ощущение того, как он заполнил меня, невозможно описать. Оно граничило со слишком многими чувствами.

— погоди, — он подался вперед, чтобы нежно и медленно поцеловать меня. — Просто дай мне минутку. Не ощущение, а гребаное совершенство. Я вечность ждал, чтобы тебя почувствовать.

Я поерзала на нем, приходя в отчаяние.

Сверху мы все еще были одеты, но, вот блин, что же творилось внизу.

— Мал, — выдохнула я. — Сейчас.

Пальцы, сжавшие мою попу, подняли меня вверх по всей твердой длине его члена, перед тем как медленно опустить обратно, позволяя привыкнуть к ощущению наполненности. То же самое движение, вновь и вновь, снова и снова, оно было райским. Он скользил в меня, и от этого вскипала кровь. Медленный темп был чертовски хорош. От него плавился рассудок.

Мало-помалу я начала попадать в темп, его руки помогали мне с этим. Я скакала на нем все быстрее и глубже. Ничто не сравнится с тем, как его жар медленно перетекал в мои укромные места, превращая меня в лужицу. Я с хлопком опускалась на его твердый член, доводя нас обоих до безумия. Наша кожа покрылась потом. Мой позвоночник покалывало; все мое тело трясло от потребности. Это была жизнь и смерть, и еще миллиард других вещей, которых я прежде не испытывала. Напряжение внутри меня нарастало в сильных гигантских пропорциях. Его палец заскользил туда-сюда по моему клитору, и весь мир взорвался. Мои бедра заныли, и я уткнулась лицом в его плечо, испытывая сильный оргазм и кусая его через кофту. Кусок хлопка попытался заглушить звук, срывающийся с моих губ.

Он все длился и длился, пока я не повисла на нем, потерянная и в то же время нет.

Мал простонал, опуская меня на свой член. Он что-то прорычал. Если это было мое имя, то в таком случае я оценю подобное проявление чувств. В ту минуту, когда буду уверена, что смогу поблагодарить его.

Мне не хотелось двигаться. Совсем. Вообще никогда. Или, по крайней мере, до

следующего раунда.

Мы обессиленные молча сидели на заднем сидении лимузина. Пот и другие жидкости склеили наши бедра вместе. Каждая моя мышца дрожала. Гребаный пипец. Это было эпично.

— Ты жива? — спросил он спустя некоторое время, заправляя мои волосы за уши.

Я подняла на него глаза, чертовски опьяненная, и вяло пошевелила челюстью.

— Было ничего, я полагаю.

Блин, мои слова звучали невнятно. Мой язык стал толстым и онемевшим.

— Да ну? — он не стал сдерживать улыбку.

— Уверена, ты старался изо всех сил.

— Ценю вотум доверия.

Используя остатки сил, я вроде бы хмыкнула в ответ в совершенно полагающейся леди манере.

— Милая? Тыковка? Ты кричала так громко, что у меня до сих пор звенит в ушах. Я даже не могу слышать ту хрень, что ты сейчас несешь. Скажешь мне позже, после того как мне наложат пару швов на плечо, хорошо? — он фыркнул от смеха. — Она кусается и кричит. А казалась такой милой, тихой девочкой. Я шокирован.

Я отодвинула в сторону его кофту, чтобы осмотреть плечо.

— Ты не истекаешь кровью. Самое страшное из возможного — у тебя там будет синяк.

— Буду носить его с гордостью.

Черт, как же хорошо он пах. Лимузину стоило просто покружить дальше по городу, пока не закончится бензин, чтобы я могла вдыхать его запах. Секса, пота и мужчины.

— Ты все еще хочешь пойти на репетицию? — спросила я, по большей части из вежливости. Из-за желания иметь его в полном своем расположении я продолжала держать руки вокруг его шеи, что в некотором роде было близко к мертвой хватке. Но если он хотел уйти, я отпущу. Оргазмы имели склонность оставлять меня в довольно доброжелательном расположении духа. — Я могу снова составить тебе компанию, послушать, как ты играешь.

— Ни хрена подобного, — сказал он.

— Ни хрена подобного?

Он фыркнул, а губы искривились в гримасе, будто я испытывала недостаток в умственных способностях.

— Домой. В кровать. Сейчас.

— Будет сделано, — усмехнулась я.

Мы вывалились из лимузина, все еще поправляя одежду. Пространство между моими ногами было липким и распухшим. Поразмыслив, я пришла к выводу, что из меня не выйдет хорошей девушки-ковбоя, потому что мышцы на бедрах до сих пор не отошли от скачек. Мне, пожалуй, нужно вернуться на занятия по пилатесу. Однако слабое подергивание мышц не стирало глупую улыбку с моего лица. Требовалось больше практики и, что самое странное, судя по тому, как Мал продолжал тянуться ко мне руками, он не возражал.

— Как много звезд. Посмотри, какое чистое небо, — я откинула голову, всматриваясь в него. После обалденного оргазма с рядом стоящим Малом Эриксоном мир казался довольно офигенным местом.

Мал поцеловал мой подбородок. Он засунул палец в пояс моей юбки и потянул меня в сторону входной двери в здание.

— Пошли, твоя юбка выглядит неудобной. Тебе нужно снять ее.

— А как же природа, она так прекрасна и все такое.

— Твои титьки прекрасны и все такое. И я более чем готов уделить их просмотру серьезное внимание. Так сойдет?

— Да.

Он засмеялся.

В спешке я неуклюже повернула ключ в двери. Замок открылся, за ним распахнулась дверь, ударившись о стену. Черт, сколько шума. Он раздался эхом по коридору, затем вверх по лестничному пролету. Мы в самом деле развалим здание, но гораздо раньше, чем думали. Миссис Люция всыпет нам по первое число, что вели себя так громко. Она жила на первом этаже и считала себя шерифом этого здания. Ни у кого не хватало нервной закалки сказать ей об обратном. Но если дело дойдет до этого, то я надену свои трусики большой девчушки и разберусь с миссис Люцией.

А вот с чем я не знала, как разобраться, так это с Рисом, сидящим на ступенях с букетом цветов в руке. Они были цвета радуги. Я споткнулась на месте, Мал стоял рядом.

Время от времени Рис приносил мне пончики. Бутылку вина, когда мы праздновали мой или его день рождения. Он не приносил мне цветы. И, черт возьми, тем более не сидел на моих ступенях, выглядя несчастным, с прядью волос, свисающей со лба.

— Рис... — я поднялась к нему по ступеням.

Мал остался на месте, его рука выскользнула из моих рук.

С лица Риса сошла вся краска. Он был таким же белым, как лист бумаги. Наше с Малом растрепанное состояние не могло быть истолковано иначе. Рис выглядел, как ребенок, потерявший свою любимую игрушку. Не думаю, что до этого момента я в полной мере понимала, насколько они с Малом отличались. Но, несмотря на все свои шуточки, в голове и в сердце Мал был мужчиной. Рис же был мальчишкой. Я даже не уверена, что смогла бы объяснить, в чем была разница. Они попросту вели себя совершенно по-разному.

— Энн, — Рис растеряно посмотрел на цветы, словно не совсем понимал, как так вышло, что они оказались в его распоряжении. — Не знал, что у тебя будет компания. Извини.

Я молча протянула ключи Малу. Его рот превратился в жесткую линию. Он немного резко покачал головой, и я сунула ему ключи. Что, черт возьми, он ожидал, я сделаю? Я не

могла просто взять и оставить Риса, сидеть на гребаных ступенях. Мал уставился на меня, я уставилась в ответ, молча прося его понять. Боже, это же, по сути, был мой лучший друг.

Спустя несколько секунд он выхватил ключи из моих рук и пошел наверх, обходя Риса. Мал зашел внутрь, закрыл дверь (спасибо господи, что не хлопнул).

Рис предоставил мне жесткую улыбку.

— Как неловко.

Какое преуменьшение. Я присела рядом с ним, положив локти на колени.

— Красивые цветы.

— Они для тебя, — он протянул их, почувствовался сладкий и дурманящий аромат. Он не встретился со мной взглядом.

— Спасибо. Они прекрасны.

— Я переживал за тебя.

Заявление прозвучало, как обвинение. Я не знала, что сказать. Эмоции никогда не были моей сильной стороной. Со всем прискорбием я была не готова к такой смеси грусти, вины и какой бы то ни было прочей хрени, которую он принес сюда на своих двоих. Мама давным-давно научила меня избегать риска и держать рот на замке.

— Вижу, вы помирились, — сказал он.

— Да, — с другой стороны, моя мать была тем еще дерьмовым образцом для подражания. Рис заслуживал лучшего отношения. — Так что здесь происходит?

— Я думал о разном. О нас, — он провел рукой по волосам, отбрасывая свисающую прядь волос. Я всегда обожала, как он это делал, как затем откидывал в сторону голову. Но при этом мое сердце не делало кульбит. А вот с Малом — делало. Рис ждал слишком долго.

— Нас? — повторила я с гневом и недоумением одновременно.

Его улыбка была далеко не счастливой. Он кивнул в сторону этажа выше.

— Думал, он ушел.

— Как и я. Очевидно, я не так поняла.

— Наверное, это хорошо для тебя. Думаешь, эти отношения продлятся долго? — его голос был не совсем злобным. Но вопрос повлек за собой незамедлительную реакцию.

Я втянула воздух, подобный искренний вопрос не приходил мне в голову. Если быть предельно честной, то мое счастливое настроение после секса не совсем рассеялось, не когда наверху меня ждал Мал. Я не знала, что думать. Мама всегда говорила, что любовь делает человека глупым. Наверное, судя по всему, я еще не успела усвоить этот урок.

— Не знаю. Но надеюсь, что да.

Было еще довольно рано, но в здании было тихо. Наши голоса едва оставляли след в этой тишине.

Рис поднялся на ноги, двигался он медленно, будто его ударили.

— Я пойду. Увидимся завтра.

— Рис, — произнесла я натянутым и высоким голосом. Прямо сейчас рядом со мной что-то ломалось, и, как совсем недавно, я не могла придумать, что можно сделать, дабы это исправить. Я не могла дать Рису то, что он наконец-то решил пожелать. — Мне жаль.

Он опустил голову.

— Это моя вина, Энн. Я вел себя, как мудака. Был слишком глуп, чтобы увидеть, что было прямо перед моими глазами, пока не стало слишком поздно.

Мне нечего было сказать. Абсолютно нечего.

Он подождал некоторое время, его губы скривились, быть может, в разочаровании. А

затем он начал уходить.

— Спокойной ночи, — он побежал вниз по лестнице, переступая через две ступени за раз, по-видимому, желая скорее оказаться дома.

— Пока.

Я сидела на месте, держа свои цветы и уставившись в пространство. Мне просто нужно было немного времени, чтобы собраться с мыслями. Мир был таким странным. Ни в чем не было смысла. Минутой позже из квартиры вышел Мал, и сел рядом со мной. Он наклонился, понюхал букет. Его руки, лежа на бедрах, что-то набивали, но он ничего не сказал. Постукивание пальцами могло означать, что он был чем-то обеспокоен или занят своими мыслями. Но подобные свирепые постукивания были из ряда вон выходящими.

— Рис ушел, — сказала я, нарушая тишину.

— М-м.

— Это был странный день, — сказала я, вполне вероятно делая преуменьшение века.

— Странно хороший или странно плохой?

— И то и другое.

— М-м, — он схватился за затылок, сделал глубокий вздох. — Так ты расстанешься со мной или как?

Моя голова резко повернулась в его сторону.

— Ты хочешь расстаться?

Он не ответил. В течение минуты, а может и больше, я ничего не говорила, как и он. Видимо, нам выпал тот еще поворот в запутанной викторине желаний. Когда я вопросительно на него посмотрела, в ответ он вскинул бровь, ожидая, что я скажу.

— Я не могла просто взять и оставить его здесь дальше сидеть. Он мой друг.

Мал дернул подбородком.

— Я что, должна была вам позволить побороться за меня в армрестлинге или что-то вроде того? Потому что такому никогда не бывать.

— Мы перепихнулись, а затем ты послала меня своей дорогой, похлопав по головке, — то, как он грубо и холодно это сказал, совсем не помогало.

— Нет, — ответила я тоном, соответствующим его. — Да ладно тебе, Мал. Ты же знаешь, что все было не так. Это Рису я сказала идти своей дорогой. Тебя же я попросила подождать в моем доме. Дать мне шанс поговорить с ним.

Он уставился на меня, а я смотрела прямо на него.

— Не делай этого, — сказала я.

— Боже! — Он провел руками по лицу, рыча в отчаянии. — Охереть, как терпеть не могу ревновать. Ненавижу это.

— Расскажи мне об этом, — я вскинула руки с идентичным разочарованием. — Ты вообще в курсе, что с тобой хочет сделать здоровая, обладающая вагинами, часть населения? И не заставляй меня упоминать про мужиков с пенисами, потому что найдется парочка таких, которые думают о том же.

— Та хрень, что ты сказала... — он разразился смехом. — Блин.

Кажется, шторм закончился, слава богу. Я положила голову ему на плечо, желая оказаться ближе. К счастью, он позволил мне это сделать.

— Обычно я не вступаю с другими в перепалки, — сказал он, потершись щекой о мою макушку. — В группе обычно именно я удерживаю парней от того, чтобы они друг друга не разорвали из-за глупой хренотени. Бросаю шутку, заставляю их опять улыбаться.

— Миротворец. Но той ночью, на вечеринке, ты был готов разорвать Бена.

— Из-за тебя. Оказывается, Тыковка, ты воздействуешь на меня, как крышесносящее средство.

Я нахмурилась.

— Не то чтобы ты не должна такой быть.

— Ага, от этого мне не становится лучше.

Мы сидели в тишине. В конечном счете, он взял из моих рук букет, встал и двинулся вниз по ступеням. Все это время единственным шумом был тихий стук его кедров по потертым деревянным ступеням. Со всей осторожностью он положил цветы у входной двери в квартиру миссис Люции, затем вернулся, чтобы сесть рядом со мной. За конфискацией этих цветов стояло заявление, но какое именно? Вот, в чем вопрос. Мал Эриксон сам себе неплохо выносил мозг. А еще через пару дней он отправится в турне. Было бы глупо с моей стороны не принимать во внимание столь бросающийся в глаза факт. Вся на взводе я потянула за пряжки своих ботинок. Внутри перемешалось слишком много эмоций.

Он был тому виной.

— Пока я сидел там, ждал тебя, мне в голову пришла парочка мыслей, — сказал он.

— Да?

— Ну, теперь ты взаправду моя девушка.

Ошеломленная, на мгновенье я перестала дышать.

— Думаю, мне нужно было услышать, как ты это скажешь

— И была ею уже некоторое время. Я не хотел, чтобы ты была настоящей девушкой, но ты ей являлась. Мне просто нужно было к этому привыкнуть.

Разумеется, когда он выставил это в таком свете, мне вроде как хотелось причинить ему физическую боль. Но вместо этого я сидела и ждала, чтобы узнать, куда он поведет дальше.

— Не сходи с ума, — сказал он. — Я просто констатирую факт.

— Я не схожу с ума.

— Врунишка. Видишь, вот именно поэтому нам стоило сходить на консультацию к семейному психологу, как я и предлагал еще в самом начале.

— Что? — я повела носом. — Когда это такое было?

— На следующий день, после того как я переехал, когда мы секс-эсэмэсились.

— Мы не секс-эсэмэсились, а просто переписывались. Если я правильно припоминаю, ты также хотел завести собачку. Так что я даже не подумала, что ты всерьез предлагал пойти на консультацию.

То, как медленно изогнулись его губы в улыбке, сотворило что-то жаркое и приятное в нижней части моего живота.

— Тыковка, когда дело касается тебя, я всегда серьезен. Даже валяя дурака, я все равно офигеть как серьезен. Во всем, в чем бы ты ни нуждалась, что бы мне не пришлось для этого сделать. Я вел себя так с момента нашего знакомства. Разве ты еще не заметила? Мы, черт возьми, судьбой предназначены друг для друга. Ничего не могу с собой поделаться. И это безнадежно, правда.

— Ха, — я засунула руки под бедра, давая время впитаться в мозг его словам. — Так вот почему ты догадался подождать наверху?

— Ага, — он придвинулся ближе, прижимаясь своим бедром к моему. — Сама подумай. Дела обстоят дерьмово, а затем я встречаю тебя на вечеринке, и ты меня забавляешь. Мне хочется провести с тобой больше времени, и потом я вижу кусочек груди Эв, Дэйви

вышвыривает меня из квартиры, и мне приходится переехать к тебе. Мне хочется спать с тобой и, прыгая на твоей кровати, мы случайно ломаем ее, так что тебе приходится спать со мной на диване. Мне хочется заняться с тобой сексом, тебе становится скучно по пути домой, и ты скачешь на моих костях. Видишь? Судьба.

Я залилась смехом:

— Какая прелесть. Но я не совсем уверена, что это полностью все объясняет.

— Это судьба, Энн. Написанная звездами. Так что не докапывайся и оставь ее в покое.

— Ты сумасшедший, — я опустила голову и вздохнула. А что еще мне оставалось?

— Так-то лучше. Я тоже терпеть не могу видеть тебя грустной.

Он обвил меня рукой за плечи, прижимая к себе. Я сжала его пальцы, просто чтобы сохранить их тепло.

Так действительно было лучше. Все будет хорошо. Но до сих пор оставался один вопрос, который не давал мне покоя.

— Зачем ты попросил меня стать твоей мнимой девушкой?

Он пожал плечами, отвел глаза в сторону.

— Мне хотелось проводить с тобой больше времени. Ты делаешь меня счастливым.

Я нахмурилась.

— Только и всего?

— Это, черт возьми, еще как важно. Наверное, когда Дэйви нашел себе пару, мне стало немного одиноко. Я подумал, что мы могли бы стать друзьями.

Я просто уставилась на него.

— Мне нужен был шанс узнать тебя немного лучше, побыть с тобой наедине. Переезд показался хорошим способом, чтобы это осуществить. И ты нуждалась в помощи. Такое объяснение подойдет?

— Подойдет.

Некоторое время мы сидели молча.

— Какое дерьмо ты бы ни вбивала себе в голову, перестань, — сказал он.

— Что? О чем ты?

— О Рисе, — он положил свою голову поверх моей. — Ты переживаешь о нем. Перестань.

— Мал...

Как я могла ему это объяснить? Горло налилось свинцом, из него невозможно было выдавить слова. Я не думала о Рисе, но после того, как он упомянул о нем...

— Ты не сделала ничего дурного.

Я вывернулась из-под его руки, испытывая потребность увидеть его лицо. С каких это пор он начал читать меня, как раскрытую книгу, и почему я не могла делать то же самое? Он выглядел спокойным и уверенным, грех, каким красивым. Его губы были немного приоткрыты, а глаза выражали безмятежность. И, внезапно, оказалось так, что слова не так уж и трудно найти.

— Я сделала ему больно.

— Возможно. Но это он оставил тебя саму по себе. Он тоже причинил тебе боль.

— Но я все исправляю, — сказала. — Это то, чем я занимаюсь.

— Ты не можешь исправить этого.

Он игрался с моими волосами, накручивая короткие пряди на палец.

— Почему нет?

— Ты собираешься бросить мою задницу? Отправить меня паковать вещи?

— Нет. Совершенно точно, нет.

Он улыбнулся и пожал плечами.

— Вот тебе и ответ.

— Из твоих уст это звучит так просто.

— Так и есть. Теперь я твой парень, и это означает, что места для твоего хипстерского поклонника не найдется. Ему попросту придется зализывать свои раны, пока мы будем лизать нечто иное, — он дьявольски выгнул бровь.

Моя голова была заполнена столькими нужными вопросами. Сто и одной мыслью о том как умолять его заверить меня в наших отношениях. Но ни одна из них, черт побери, не сорвалась с моих губ. Он был таким невероятно идеальным, и мне нужно, чтобы он оказался внутри. Мое тело загудело от воспоминаний, готовясь к перезагрузке. Я опять его хотела. Может, мне стоило просто приковать себя к его лодыжке и покончить с этим. Это могло бы быть ответом.

— Я не хотела тебя расстраивать, — сказала я. — Просто мне нужно было поговорить с ним наедине.

— Да, я знаю. Я вел себя, как придурок, — простонал он, глядя на потолок. — Этого достаточно для извинения?

— Ты извиняешься?

— Да. Я понимаю, что Рис является частью твоей жизни. И попытаюсь вести себя с ним хорошо.

— Спасибо.

Волосы опять лезли ему в лицо. Я осторожно заправила их за ухо, а затем прижалась ладонью к его щеке.

— Эй, безумные глазки. Операция Мнимая Девушка подошла к концу, — прошептал он. — На случай, если тебе было интересно.

— Подошла, ха-х?

— Я тут вот, что надумал: мы вместе, пока не решим, что больше не будем вместе. Давай, не будем придумывать чего-то лишнего. Пусть все будет, как будет, что скажешь?

Это был весьма значимый план, учитывая то, что менее чем час тому назад мы начали спать вместе.

— Одобряю.

— Добро пожаловать на борт, мисс Ролинс, — он накрыл мою руку своей, прижимая к своему лицу. — Не хочу показаться чрезмерно грубым или прочим убожеством в том же духе, но я кое о чем переживаю.

— О чем же?

— О твоей рубашке.

Я открыла рот, закрыла его.

— Моей рубашке?

— Мне кажется, она тебя раздражает. На подсознательном уровне.

Его взгляд был напряженным, а выражение лица мрачным.

— Моя рубашка раздражает мое подсознание?

— Нет, мне кажется, она раздражает нежную кожу твоих сосков и ту часть, что вокруг них... как она называется?

— Ареола?

— Да, она самая. Потому что, знаешь, она вся такая розовая и чувствительная. Очень нежная, так что я уверен, что мое беспокойство по отношению к грубой и жесткой ткани твоей рубашки очень актуально, даже если ты пока что не признаешь дискомфорт, который она причиняет.

— Знаешь, ты бы мог стать тем еще продавцом. — Он говорил настолько убедительно, что мне чуть ли не стало жалко мягкую ткань рубашки с длинными рукавами. — На мне лифчик. Но мои соски очень ценят твою заботу.

— Да, только твой лифчик тоже в этом замешан. Они оба против тебя.

— Не может быть! — воскликнула я. От его слов было трудно не улыбнуться.

— Офигеть, да? Черт, спасибо, я рядом, чтобы с ними разобраться.

— А что если мы поднимемся наверх, я сниму свою рубашку и лифчик — от этого тебе станет легче?

— Мне определенно станет намного лучше, если ты так сделаешь, да.

— Ну, тогда ладно. Наперегонки, — я вскочила на ноги и, хихикая, побежала вверх по ступеням. Мал обвил мою талию рукой, поднял меня с пола и прижал спиной к своей груди.

— Я выиграл, — сказал он и понес меня внутрь квартиры, где мы оба выиграли, причем по-крупному.

Со мной играли пальчики. Умелые пальчики.

Мой будильник, чтобы вставать на работу, еще не зазвенел. Сейчас только рассветало. Но вот сон — это не вариант, когда он тормозил меня подобным образом. С каких это пор Мал стал ранней пташкой? Ответ: с тех пор, как захотел секса.

Боже, благослови его за эти физиологические желания.

Я лежала на животе, а он — рядом со мной, упругость и жар его тела составляли отличную комбинацию для пробуждения. Очень нежно он погладил меня между ног. Костяшками пальцев он легонько водил туда-сюда по промежности. Все, что находилось ниже, напряглось в одобрении. Я выгнулась, чтобы предоставить ему лучший доступ к моей киске. Мы перетащили матрас с кровати в гостиную, подальше от уничтоженной деревянной рамы, и уснули на нем прошлой ночью.

— Ты проснулась? — спросил он хриловатым ото сна голосом.

— Нет.

Он проложил дорожку из поцелуев вниз по моей спине, посылая по телу дрожь. Что бы он ни делал, прикосновение его щетины к коже дарило восхитительные тактильные ощущения. Да, я все еще была наполовину сонная.

— Ладно, тогда не обращай на меня внимания. Мне просто кое-что нужно. Это не займет много времени... я постараюсь не беспокоить тебя.

— М-м, спасибо.

Он прижался ко мне своим стояком. А затем мои бедра обвила сильная рука, поднимая их.

— Приподнимись, — сказал он, просовывая под меня мягкую взбитую подушку. — Офигенный вид. Эмм, правда, с этого ракурса твоя попа выглядит прекрасно.

Влажные пальцы скользнули по моему клитору, заводя с полуоборота. Он поочередно кружил по нему пальцами, гладил и щекотал его, прикасался ко мне, в точности, как нужно. Мышцы на бедрах напряглись, а колени все сильнее упирались в матрас. Черт, парень знал, что делал. Уже тяжело дыша, я вцепилась в простыни. Бесполезно попытаться описать, как сильно мне нравились его прикосновения. Особенно, когда мозг временно отключился. Я простонала в разочаровании, когда он начал разминать мои ягодицы, вода вверх-вниз по бедрам.

— Шире, — прошептал он, раздвигая мои ноги. Подо мной прогнулся матрас, когда он лег сверху. «Сзади» — не моя любимая поза, но я не сомневалась, что Мал сможет сделать ее приятной. У парня были соответствующие навыки.

Послышался шелест упаковки презерватива, пока он поддразнивал меня одной рукой. Даже одной его руки было чертовски достаточно. Затем головка его члена слегка вошла в мою киску. Я зажмурилась, подалась к нему навстречу и застонала, когда он полностью вошел в меня. Когда он заполнял меня, не оставалось места даже для мысли. Все, что я могла делать, это чувствовать.

И это было обалденное ощущение.

То, как он сжимал мою попу, и как его пальцы впивались в мою плоть, придавая ощущениям немного остроты. Он поистине обладал всеми возможными знаниями о реакциях женского тела, которые, вполне возможно, не исключали познания о внеплотских

удовольствиях. При этом я испытывала все основные пять чувств, и еще одно, более насыщенное, которое не могла описать. Некое чувство, вызывающее привыкание, и которое мог подарить мне только он. Если бы мой мозг работал, то я бы забеспокоилась на этот счет.

Большие ладони ласкали мою спину. А затем меня накрыл жар его тела. Его зубы впивались в мочку моего уха, словно жало. У меня напряглись плечи и сжались мышцы.

— Ах, да. Черт, это заводит, — Мал прижался ко мне сильнее. Словно мог оказаться еще ближе... если бы. — По утрам ты та еще ленивая соня, Энн.

— Хм-м. Всю свою работу я выполнила вчерашним вечером в лимузине.

Он тихонько посмеялся, продолжая тереться грудью о мою спину. Затем он начал толкаться в меня бедрами, заставляя каждую частицу моего тела дрожать от удовольствия. Расположив руки по обе стороны от меня, он продолжал медленно трахать меня, все сильнее прижимая к матрасу. В такт движениям покачивались ягодицы, и это не значило ни капли. Не тогда, когда в меня погружался Мал. Казалось, прошла вечность, пока он нашел нужный ритм. И это он меня называл соней. Я нуждалась в большем. Я побуждала его к этому, отталкиваясь навстречу бедрами. Он уловил суть, начал двигаться быстрее, сильнее. На меня начали падать капли его пота.

Мои уши наполнились серым шумом, а глаза ослепил белый свет. Черт, я была так близка к оргазму. Узел из грандиозных ощущений и напряжения затянулся ту же, но этого было не совсем достаточно.

Да.

ДА.

Но нет. Черт. Вот же блин.

Со стоном Мал обессилено прижался ко мне. Глубоко внутри меня дернулся его член.

Я даже не понимала, что вся напряжена, пока не уткнулась лицом в матрас. Отчего стало довольно тяжело дышать. Я повернула голову в сторону, сосредоточившись на том, чтобы восстановить дыхание и успокоить ноющую боль. У меня почти случился оргазм, впервые в такой позе.

Ничего страшного. Мне просто нужно подумать о чем-нибудь хорошем. О приятном. Невозможно каждый раз выигрывать.

Мал поднялся с меня и лег рядом на матрас. А снаружи пели птички. Откуда-то, не слишком далеко, доносился гул потока машин. В соседней квартире на работу собирался Нейт.

— Энн?

— Да?

Я перевернулась на спину.

Мал был занят тем, что снимал использованный презерватив и завязывал его. После чего перекатился, чтобы встать с матраса и направиться в ванную комнату.

— Что, Мал?

Послышался звук спускаемой воды в туалете. Мал вернулся в комнату с совершенно ничего выражающим лицом. Мы же только минут пять тому назад переспали, и это казалось странным. Как будто все остальные пары определяются со средним количеством занятий сексом. Неужели он задумался над этим вопросом? Я не могла сказать. Может, он собирался попросить приготовить завтрак или поговорить о погоде.

Я потянула простыню, чтобы прикрыться.

— Что случилось?

— А здесь что-то не так? — спросил он, наклоняя голову.

— Со мной что ли? Нет.

— Ты в этом уверена?

— Да.

По большей части.

Он опустил на колени на край матраса, глядя на меня.

— Нам нужно поговорить.

— Хорошо.

— Это тебе не понадобится, — он схватил простыню и отбросил ее в сторону, раскрывая меня.

Ну, ладно. Я начала садиться, чувствуя необходимость оказаться в позиции, излучающей больше власти. Большие ладони схватили меня за лодыжки и потянули на себя. Стукнув зубами, я шлепнулась обратно на спину.

— Эй! — пискнула я.

— Позволь я объясню, что имел в виду под «поговорить».

Его руки медленно двигались вверх по моим ногам, раздвигая их. Со спокойствием, на которое только был способен, он лег на живот, а его лицо оказалось на одном уровне с моей киской.

— Мал.

— Я разговариваю не с тобой, — сказал он, нежно раздвигая пальцами мои половые губы.

— Не со мной?

— Нет. У тебя был шанс поговорить со мной, и ты предпочла этого не делать. Ты подвела эти отношения. Очень плохо, Энн, — его дыхание щекотало мою все еще чувствительную киску. От этого становилось чертовски тяжело, правда. Невыносимо тяжело, когда подушечкой пальца он слегка ударил по клитору. Мои бедра вдавились в матрас, но его руки остались там же, где и были, удерживая меня на месте. — Здравствуй, клитор Энн. Это я, Малкольм, твой хозяин и повелитель.

— О, боже, нет, — я прикрыла лицо руками. — Пожалуйста, не надо.

— Цы-ц. Это личный разговор, — он оставил дорожку жарких, лихорадочных поцелуев на моих половых губах. Мой живот напрягся до такой степени, что стало больно. — Посмотри на себя, весь такой красивый, розовый и взволнованный. Не переживай, я позабочусь о тебе.

— Если ты не перестанешь разговаривать с моей вагиной, то я тебя придушу, — я опустила руку вниз, пытаясь прикрыть себя. Этот ублюдок шлепнул по ней. Довольно сильно. Я отомщу ему за это чуть позже.

— Киска Энн, ты прекрасна. Просто прекрасна. И я не такой злой, как она. Я на твоей стороне и очень сильно люблю тебя, потому что когда ты сжимаешь мой член, это охрененно восхитительное ощущение.

— Малкольм, я серьезно. Ты навсегда испортишь для меня оральный секс. Прекращай.

— Чушь собачья. Ты мокрая. Нам никогда не отстирать эти простыни.

— О, боже, — у меня выгнулась спина, когда он провел по клитору своим языком, завершив резким движением вверх. Я увидела звезды. — Это уже слишком.

— Даже не близко.

Я хныкнула.

Он засмеялся.

Его рот накрыл мой клитор, и язык энергично взялся за дело. Я извивалась, совершенно не контролируя себя, но это не имело никакого значения. Руки взяли в кольцо мои бедра, удерживая меня возле него. Тем самым не оставив возможности для побега от ужасного, всепоглощающего и ошеломительного наслаждения. Он посасывал, хлестал меня языком, и, по сути, раскрывал все мастерство своего орального таланта на моей ничего не подозревающей киске.

Вот ублюдок.

Кто же знал, что зубы могут быть так использованы?

Я кончила через минуту, выкрикивая его имя. В голове пульсировала кровь, и дрожало все тело. Я растянулась на матрасе, давая возможность приходам от оргазма накрыть меня с головой. От эндорфинов затуманился рассудок. По лицу стекали слезы, меня настиг слишком сильный оргазм, причем так быстро. Такого прежде никогда не случалось. Я поспешно стерла их с лица. Внезапно стало казаться, что в груди не хватает места для сердца. Каким-то образом, от оргазма, наполнившего его, сердце стало больше. В этом не могло быть ничего здорового.

Из соседней квартиры застучали по стене.

— Я уже и так знаю, как зовут Мала, Энн. Но спасибо за напоминание.

Я использовала последние запасы энергии, чтобы показать стене средний палец.

— Доброе утро, Лорен.

Издали послышался смех, причем как мужской, так и женский. У нас отстойные соседи.

— Нам нужно либо убить их, либо съехать, — сказала я. — Я согласна на любой из этих вариантов.

— Знаешь, может, ты и говоришь жестковато, — сказал Мал, — но внутри ты вся такая мягкая, мокрая и действительно очень приятная на вкус.

Я подавила смешок.

— Рада, что ты одобряешь.

Мал подполз ближе, остановившись на полпути, чтобы вытереть рот о простыню. Затем положил голову на мое плечо, прижимаясь ко мне. Это было здорово, потому что мне необходимо, чтобы он оказался ближе. С избытком эмоций справиться удавалось легче, когда он был рядом, даже если он сам служил причиной всего хаоса.

— Мне кажется, у меня сломаны ноги; они не двигаются, — не то чтобы я хотя бы попыталась ими пошевелить. Мои мысли блуждали где-то далеко, чтобы мозг мог отослать телу команду на осуществление какого-либо движения.

Он оставил поцелуй на моей щеке.

— В следующий раз просто скажи мне, что тебе нужно большее.

— Ты монстр, — прошептала я.

— Ладно, — в его голосе не было даже намека на возмущение.

— Я серьезно.

— Мм-хм.

— Но самое ужасное в том, что я кое-что к тебе чувствую, — сказала я справедливости ради. Любовь была глупым словом. Я слышала его из уст различных людей, и оно едва ли значило то, что под ним изначально подразумевалось. Где-то по дороге слово превратилось в шутку и стало не таким глубоким и весомым, как должно было быть. Нет, «Любовь»

ощущалась не так. То, что я чувствовала, было иным, более сложным чувством. Я даже не могла подобрать соответствующее слово, чтобы описать его. — Я совсем немного чувствую это... наверное, из-за оргазма, так что это не значит ничего такого особенного или чего-то там еще. Это пройдет.

Вздыхнув, он приподнялся на локте, обернул руку вокруг моей талии, и, прижимая к себе, поднял меня. Затем вместе со мной лег на спину. Я растянулась на нем. Ничего хорошего это не значило. За исключением того, что он только что сделал со мной, разумеется. Одна рука гладила меня по спине, в то время как другую он закинул себе за голову.

— Самую чуточку, правда, — мой палец кружил по его соску туда-сюда и обратно. Наверное, меня накрыло то состояние, при котором льется наружу внутренний монолог, и у меня не осталось сил с этим бороться. — Ты, скорее всего, даже не заметишь этого под микроскопом.

С его стороны последовал еще один вздох.

— Ну, может, и заметишь, только через лабораторный микроскоп, а не игрушечный, как у детишек. Благодаря увеличительным стеклам возможно...

Вдруг неожиданно мы опять перевернулись, и я оказалась снизу, а тело Мала вдавливало меня в матрас.

— Приветик, — сказала я, немножко сумбурно из-за внезапной смены местоположения. Он едва ли дал моей голове время отойти от предыдущего перемещения.

— Я тут подумал, — он смотрел на меня напряженным взглядом. — Хочу, чтобы ты кое-что для меня сделала.

— Хорошо.

— Мне нужно, чтобы ты поехала со мной в турне, хотя бы ненадолго. Сможешь что-нибудь придумать, ладно?

Можно сказать, что мое налитое кровью сердце разорвалось. А внутренности официально превратились в кашу.

— Нужно?

— Да, нужно, — он нахмурился. — Кое-что происходит, и я знаю, у тебя есть вопросы, но мне нужно, чтобы ты не задавала их прямо сейчас. Мне просто... мне нужно, чтобы ты была рядом со мной. Я проще справляюсь со всяким, когда ты рядом.

— Под «всяким» ты подразумеваешь другую причину, почему хочешь видеть меня рядом с собой, и в которой ты не признался прошлым вечером?

Чувство вины проскользнуло по его лицу.

— Да.

— Рано или поздно нам придется поговорить насчет «всякого».

— Да, придется. И тебе, и мне.

Я замерла под ним, ничего не отвечая. Но он просто спокойно ждал моего ответа. Слова застряли в моей груди вместе с остальной суматохой. Их было так тяжело подобрать.

— Ты прав. Я знаю. И постараюсь что-нибудь придумать насчет турне.

Никуда работа не денется. Рис мне задолжал. Ему это не понравится, но одному лешему известно, как он мне задолжал. Мои смены в магазине могут взять на себя Тара и новый сотрудник, Алекс.

— Спасибо, — кивнул он, одаряя меня небольшой улыбкой. — И это нормально что-то чувствовать. Я все понимаю.

— Правда?

Какое облегчение, потому что я до сих пор не была уверена, что что-то чувствую. Я ведь даже близко не говорила ничего схожего с теми словами.

— Да. Тебе не нужно продолжать нести детский лепет по этому поводу.

— Я не лепетала.

— Лепетала, но все нормально, — его пальцы игрались с моими волосами. — Сейчас, Тыковка, для меня это не самое подходящее время. Мне не нужно, чтобы все только усугублялось. Но, как я и сказал прошлой ночью, посмотрим, как пойдет дело. Согласна?

Прозвучало, как надежный план.

— Да.

— Ты хорошо на меня влияешь. Ты принимаешь меня в любом настроении, в любое время. Мне не нужно постоянно быть счастливым или заведенным, когда ты рядом. Ты смиряешься с любой хренью, что я говорю, и в тебе хватает духу противостоять в ответ. Ты не позволяешь помыкать собой, когда это неудобно для тебя, и ты ни разу не попросила меня купить хотя бы одну гребаную вещь.

Я изогнула брови и охнула.

— Боже, я та еще жирафа. До меня так медленно доходит. Можно мне «Порш»?

— Конечно. Какого цвета?

Вот черт, он правда его купит. Может, просто чтобы смутить меня. Я глубоко вздохнула и медленно выдохнула, качая головой.

— Ты никогда не колеблешься, когда я о чем-нибудь прошу.

— Ты не часто это делаешь. И я подумал так: если ты о чем-то просишь, значит это действительно нечто важное.

У меня едва не заслезились опять глаза. Это аллергия на что-то, скорее всего, на чувства. И, стоит признаться, этот парень заставлял меня ощущать каждое из этих чувств, каждое чертово мгновение.

— Мне не особенно нужна спортивная машина. Но спасибо.

— Дай знать, если передумаешь, — ухмыльнулся он, по-видимому, имея полное и прекрасное представление о том, что его согласие напугает меня до чертиков. Хитрец.

— Эв хочет сегодня вечером организовать ужин для родителей и всех остальных, — сказал он. — Ты не против?

— Конечно, нет. Они хорошие люди и квартира у них прекрасная.

Он замер, изучая мое лицо.

— Да, там здорово. Рад, что тебе у них понравилось. Это очень много для меня значит.

— Они замечательные люди, — в моей спальне ожил будильник, наигрывая какой-то давно позабытый хит из семидесятых. — Мне нужно вставать.

— Твои ноги все еще функционируют? — в его глазах заплясали озорные огоньки.

— Думаю, что да, — засмеялась я.

— Позвони мне сегодня. Я хочу знать, что с тобой все в порядке, и как ты справляешься с Рисом и прочим.

— Я давно справляюсь со всем сама, — я сжала челюсть. — И смогу справиться с Рисом.

— Эй, он нравился тебе больше двух лет. Мне позволено чувствовать себя немного уязвимым и неуверенным насчет этого придурка. Энн, перестань подавлять мой рост в эмоциональном плане.

— Мне казалось, ты собирался попытаться вести себя с ним хорошо. И я подавляю твой эмоциональный рост? Как тебе в голову вообще пришло нечто подобное?

— С ним, но не по отношению к нему. А это уже можно считать подарком, — судя по тому, как, упершись в мое бедро, о своем присутствии напомнил его стояк, любовь и понимание были далеко не всем, что он искал. — У меня для тебя еще один подарок.

— У нас нет времени на то, чтобы ты вручал мне свой подарок. К тому же, твоей хорошей подруге, моей вагине, нужно отдохнуть.

Уголки его губ опустились вниз, и он, оперевшись на руки, сел на матрас. Затем встал и протянул мне руку.

— Позвони мне. Я не пытаюсь нарушить твои границы, ничего подобного. Просто хочу знать, что с тобой все хорошо.

Он с легкостью поднял меня на ноги.

— Ну ладно, я позвоню.

— Спасибо.

Я склонила голову.

— А ты позвонишь мне, если тебе станет плохо в плане «всякого»?

Между его бровями возникла небольшая складка. Ну, теперь, возможно, он проникнется тем, как бывает тяжело посвящать людей в определенные темы. Он отвел глаза в сторону, дернул подбородком.

Что за парой мы были. Иногда, казалось, должно произойти чудо, чтобы из этих отношений что-нибудь да вышло. Но мое обычно осторожное сердце уже и так стало тем самым чудом.

— Спасибо, — я положила ладошку на его грудь. — Тебе не нужно переживать насчет Риса.

— Да знаю я, знаю. Он ничто по сравнению с моим очарованием, — его пальцы переплелись с моими, а взгляд стал мягче. — Но, чисто из любопытства, как ты смотришь на то, чтобы вытатуировать мое имя у себя на лбу?

Глава 19

Я была всего в двух кварталах от работы, когда среди утренней толпы людей увидела Риса, идущего ко мне навстречу. Выражение его лица было напряженным. Я опаздывала всего-то на пять минут. Пять. Ладно, семь (максимум), а он уже стал меня разыскивать? Я даже пропустила свой ритуал с утренним кофе, лишь бы успеть на работу. В голове начали проноситься варианты оправданий, и мысли постоянно возвращались к тем разам, когда мне приходилось оставаться допоздна, чтобы закрыть магазинчик, потому что у него было свидание. Нужно было запомнить точное количество подобных случаев. Сейчас это пришлось бы очень кстати.

— Рис, я...

— Как раз вовремя, — он взял меня за руку и развернул в ту сторону, откуда я пришла. — Продолжай идти. Ты не захочешь заходить в магазин.

— Что происходит? — в сумочке завибрировал телефон. На экране высветилось имя Мала. — Мал?

— Э, привет. У меня есть две новости: одна хорошая, вторая плохая. Какую хочешь услышать первой?

— Это как-то связано с тем, что Рис не дает мне попасть на место работы?

— Да, он позвонил сюда несколько минут назад, — он издал страдальческий вопль. — Дело в том, что наши с тобой вчерашние совместные фотографии из ресторана попали в сеть. Кто-то узнал тебя и рассказал репортерам, которые в настоящее время ошиваются вокруг магазина в ожидании, когда же можно будет покопаться в истории нашей любви.

— Понятно, — вот теперь можно было официально считать, что мне стало страшно. Рис быстро перевел меня на другую сторону улицы и потянул дальше, к следующему кварталу. — А какая хорошая новость?

— Теперь о нас все знают. Нам не нужно прятаться.

— Да мы в любом случае не прятались.

— Тоже верно. Извини, Тыковка, но больше хороших новостей нет. Некоторое время придется туго.

— Тебе повезло, что ты мне чертовски нравишься. Что будет дальше?

Мы зашли в кафе. В углу был свободен столик, и мы с Рисом пошли к нему.

— Скорее всего, репортеры просто раздобудут какую-нибудь информацию о тебе или же выдумают дерьмовую историю, которую бы схавал народ. Они захотят побыстрее найти хоть что-то, затем разлетятся новости и станет еще больше людей, копающихся в твоей жизни. Но это будет ничто, по сравнению с тем, что было с Эв, потому что мы не сделали ничего безумно глупого, типа свадьбы в Вегасе, — он вздохнул. — Не делай ничего провокационного, и они потеряют интерес. А пока что, как ты смотришь на то, чтобы мы пожили в отеле?

— А что насчет работы? — спросила я его, затем покачала головой и повернулась к Рису. На самом деле, этот вопрос стоило задавать боссу. Я обратилась к Рису. — Что насчет работы?

Рис вопросительно изогнул брови, в то время как Мал кашлянул.

— Ну, я подумал, что ты захочешь поговорить с ним по этому поводу, — сказал Мал.

— Все верно.

— Но, Энн, хотя бы сейчас не переживай насчет денег, ладно? Это я возьму на себя.

Хм-м. Об этом я не подумала. Хотя, если рассуждать трезво, раз я была с Малом, значит, окажусь вместе с ним в одном номере. Моя арендная плата была оплачена на месяцы вперед. А ничего больше мне и не требовалось, помимо периодического приема пищи.

— Хорошо. Мал, пожалуйста, просто дай мне минутку, — я немного отодвинула телефон от уха. — Извини. Так что скажешь, Рис?

— Мы с ним говорили, — ответил Рис. — Он сказал, что безумие будет продолжаться где-то до следующей недели, но затем все стихнет.

— Извини за репортеров. Но я в любом случае хотела попросить у тебя несколько выходных. Я понимаю, что прошу без заблаговременного предупреждения, но учитывая обстоятельства...

Рис вздрогнул, и паника возросла, как во время прилива. Прошлой ночью он не выглядел злым, но это не значило, что он не испытывает недовольства или решил, что с него хватит, и пришло время меня уволить. Сложившаяся картина могла довольно быстро испортиться.

Но он вздохнул и опять расслабился.

— Ты собираешься ехать с ним в турне?

— Мне бы этого хотелось. Хотя бы ненадолго. Такая возможность дала бы шанс на то, что эти отношения перерастут в нечто большее.

— Наверное, в этом есть доля разумного. Хотя, если ты застрянешь возле него, то эта хрень будет продолжаться. Ты думала об этом в таком свете?

— Ты спрашиваешь, брошу ли я его из-за этого?

— Конечно же, нет.

— Я не откажусь от него, Рис.

Он отвернулся.

— Энн, я могу прикрыть тебя на неделю. Без заблаговременного предупреждения, не думаю, что смогу дать тебе больше дней отпуска.

— Нет, недели было бы достаточно. Спасибо.

— Можешь считать, что ты в отпуске. К тому же, я не могу позволить, чтобы вокруг магазина шатались репортеры, распугивая покупателей. Я поменяю график смен, распределю их между Тарой и Алексом.

— Я, правда, очень ценю это.

Он поморщился.

— Ты обалденный друг.

— Это я обалденный, — сказал мне на ухо Мал. — Я намного обалденнее его, что даже не могу... да нас никак не сравнить. Почему ты вообще в отношении него употребляешь это слово?

— Т-с-с, — сказала я ему.

— Вернись к своему дню рождению, ладно? — спросил Рис с неуверенной улыбкой. — Мы же все еще собираемся вместе пойти на ужин, да?

— Боже, я даже об этом не подумала. Я вернусь к тому времени, — мы всегда ходили ужинать на мой или его день рождения. Это было нашей традицией. Мал все еще будет рядом, так что я могла бы отпраздновать с ним пораньше. Погулять с Рисом просто в качестве друга — было бы отличной возможностью наладить отношения. — А насчет ужина — было бы неплохо.

— Что? — спросил Мал. — Когда у тебя день рождения? Тыковка?

— Береги себя, — сказал Рис. — Если что-нибудь понадобится, позвони мне.

— Спасибо. Правда, я... ты замечательный друг.

— Замечательный друг... ну да, — сухо сказал он. После чего наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку. — Пока.

— Он только что поцеловал тебя? — прокричал Мал мне на ухо, от чего в нем начало звенеть.

Я поморщилась, прикладывая телефон обратно к уху.

— Ого. А ну-ка сбавь громкость, дружище.

Рис продвинулся через толпу и вышел из кафе. Может, в конце концов, наши отношения вернутся в прежнее русло. Хотя еще прошлой ночью я не была так уверена.

— Когда у тебя день рождения? — спросил Мал.

— Двадцать восьмого октября.

— Через полторы недели. Мне нужно будет найти тебе что-нибудь подходящее.

— Не сомневаюсь, что у тебя получится. Вот только нам придется отпраздновать его пораньше. У меня в запасе всего лишь неделя, и то мне, наверное, чертовски повезло, что смогла выпросить ее после своего «своевременного», за пять минут, предупреждения.

— Поверить не могу, что он поцеловал тебя. Хоть и пробивной, но все равно, покойник, — он пробормотал еще несколько фраз, которые, как я думаю, должны были быть пустыми угрозами. — Просто на всякий случай, не возвращайся в квартиру. Я попрошу Лорен собрать для тебя пару сумок с вещами. Лучше направляйся в «Бенсон»^[23], хорошо? К тому времени, как ты туда доберешься, тебя будет ждать номер.

— Спасибо.

— Ты не злишься на меня за то, что я перевернул твою жизнь вверх тормашками?

— Я взрослая девочка, Мал. Я знала, кто ты такой, когда ввязывалась во все это, и видела, что происходило с Эв. Всегда была вероятность, что произойдет нечто подобное.

— А если подобное будет происходить и дальше, и тебе это надоест, тогда ты бросишь меня?

При мысли о таком мое сердце взбунтовалось.

— Нет. Мы что-нибудь придумаем.

— Да, придумаем, — согласился он. — Ты очень смягчаешься после ночи жаркого секса. Возьму себе на заметку.

— Уж возьми, друг мой.

Он усмехнулся.

— Увидимся через час или два. Мы завалимся на отельный матрас, закажем в номер еды и немного развлечемся, хорошо?

— Звучит здорово.

С улыбкой на лице я откинулась на спинку стула. Я официально была в отпуске. Во время своего последнего отпуска мы вместе с мамой, папой и Лиззи поехали во Флориду. Мне было четырнадцать. Это было за год до того, как все рухнуло к чертям. И мне никоим образом не стоило заикливаться на прошлом.

Теперь же моя жизнь с Малом походила на американские горки. Пугающие и вдохновляющие. Не важно, насколько странными были обстоятельства, в этот раз я собиралась насладиться отпуском по полной.

Ужин с группой и родителями Мала прошел просто прекрасно.

После ужина мы направились в бар с дешевой выпивкой, который находился на краю Китайского квартала. Он располагался под землей, и попасть в него можно было спустившись по узкой лестнице. Внутри были автоматы с пинболом, стол для игры в пул и старый музыкальный автомат, крутивший песни «Джой Дивижн»^[24]. В углу находился ларек по продаже вещей в хипстерском стиле. Никто, не считая пары посетителей, не пришел в особый восторг в связи с нашим появлением. Наверное, все остальные слишком круты, чтобы сходить с ума при виде каких-то скучных стареньких рок-звезд.

Хотя Сэм, телохранитель, был неподалеку, просто на всякий случай.

Телефон звонил не переставая, из-за моей новообретенной известности. Мне прислали целую кучу сообщений, но я ответила только Лиззи, с ней было все в порядке. И больше мне ни с кем не нужно было разговаривать. Эв провела со мной ободряющий разговор о том, как справляться с подобным наплывом внимания. Как избегать журналистов и не подкармливать монстров. В конце концов, им станет неинтересно и они двинутся дальше.

Находясь в отеле, мы с Малом смотрели фильмы и просто отдыхали. Было здорово. Лори пригласила меня спуститься вниз, в бар вестибюля, чтобы немного выпить перед ужином. Она выглядела более обеспокоенной насчет внимания СМИ, чем я. Хотя мне и удавалось до этого момента неплохо от них скрываться. Я заверила ее, что у нас с ее сыном все хорошо. Действительно хорошо.

В целом денек выдался замечательным. И этот бар был классным, умиротворяющим, в общем, таким, каким должен быть. Мы сели за столик у дальней стены. Кивнув бармену, Бен заказал нам всем по бокалу пива (а Джимми и Лине — воду).

— Хозяин бара наш друг. Иногда, в течение дня, мы приходим сюда поиграть в пул, — сказал Мал, придвигая мой стул поближе к своему. Выглядел он напряженным, настукивая ладонью по стулу какую-то мелодию. Его настроение было заразительным, удерживая и меня на грани нервного срыва.

До ужина я не понимала, насколько плотная связь между членами группы и их семьями. Весь вечер Дэвид и Джимми души не чаяли в Лори. По большому счету они относились к ней, как чуть ли не к своей матери, решившей заехать в гости. Даже Бен продемонстрировал менее выраженное подобие внимания. И все они, казалось, уважали почти постоянно молчаливого Нейла, отца Мала. Отец с сыном опять в течение вечера не сводили глаз с Лори. Они практически над ней нависали. Лори вновь устала, и Нейл отвез ее обратно в отель.

Да, у меня были подозрения насчет того, что беспокоило Мала, и отчего он весь вечер был так напряжен. Но мы так хорошо ладили. А он просил не задавать ему вопросов. Пока что. Да и я не была готова выдать ему ответы о своих проблемах. Так что я приберегла свои переживания до будущих времен. Но судный день наступит для нас обоих. В этом я была уверена.

До начала турне оставалось несколько дней, и после ухода Лори и Нейла, всем не особо хотелось расходиться по домам. Было слишком рано, всего лишь десятый час.

Дэвид и Джимми обменялись странными взглядами. Они с любопытством посмотрели в сторону Мала, после чего о чем-то между собой переговорили. Что-то мне подсказывало, что Мал прекрасно это понимал, судя по тому, как он отвернулся, оказав им холодный прием.

— Эй, — сказал Мал, нервно улыбаясь. — А давай вернемся обратно в квартиру и еще раз сломаем кровать.

— Мы только пришли.

— Ага, но я передумал. Мне хочется побыть с тобой наедине, — он начал стучать ногой по полу. — Так, что скажешь? Давай разденемся и посмотрим, что случится после этого.

— Подобный эксперимент кажется заманчивым. Но, прежде чем мы уйдем, могу ли я допить свой напиток? Было бы грубо уйти прямо сейчас.

— Пф-ф. А как часто исчезают Дэйви и Эв?

— Я быстро допью, — пообещала я перед тем, как выпить добрую половину стакана пива. Лишь несколько капель просочилось по подбородку и намочило мой зеленый свитер в обтяжку. Спешка в таких делах может показаться не в стиле, подобающем леди, это верно. Но разве можно было меня винить, когда Мал изъявил желание раздеться и заняться грязными вещами?

Черт, нет.

Со всеми этими нашептываниями об испорченных мыслях, взбудоражившими мои гормоны, я не заметила, как накалился разговор между братьями Феррис. На том конце стола они едва ли не кричали друг на друга.

Джимми стукнул по столу, из-за чего дрогнули бокалы с пивом, и тем самым привлек внимание окружающих посетителей.

— Ради всего, б**ть, святого, Дэйв. Просто спроси его.

— А я сказал, что сейчас не время, так что оставь это, — ответил его брат.

Бен откинулся на спинку стула, скрестил руки на груди и, не проронив ни слова, наблюдал за происходящим. Заиграла новая песня, ее первые аккорды были сокрушительно громкими для ушей.

— Да! — выкрикнул один из длинноволосых, татуированных парней за барной стойкой. Рада, что хотя бы кто-то хорошо проводил время. Атмосфера за нашим столиком стала несомненно мрачной.

На шее Мала начала подергиваться мышца. Он посмотрел на братьев Феррис, его лицо темнее тучи.

— Что?

— Ты знаешь что, — крикнул Джимми, да так, что его было слышно через музыку.

Мал развел руками.

— Джимбо, я человек многих-многих талантов, но чтение твоих гребаных мыслей в них не числится.

— Что происходит с Лори?

Взгляд Эв метнулся в мою сторону. Я знала не больше, чем она. До сих пор.

— Ты на чем-то сидишь, Джимбо? — спросил Мал, оставаясь на своем месте и подаваясь вперед. — Сейчас же говори правду.

— Не будь мудаком, — Дэвид облокотился на стол, яростно глядя на Мала. — Мы переживаем за нее. Она потеряла дохера веса. Такое ощущение, что ее может ветром сдуть. И вы с Нейлом глаз с нее не спускали. Так что ты прекрасно понимаешь, о чем говорит Джимми.

Я могла почти услышать, как Мал скрипнул зубами.

— У нас есть право знать, — сказал Джимми.

Дэвид втянул щеки.

— Да ладно тебе, чувак. Просто скажи нам.

Черт. Мал, сидя рядом со мной, окаменел на месте, а затем начал покачиваться. Нам

нужно уйти.

Я положила на его руку ладонь. Он вибрировал от напряжения. Я не знала, как его утешить, но должна была попытаться.

— Мал?

Он убрал мою ладонь, даже не удосужив взглядом.

— У нее грипп или вроде того, — сказал Мал. — И все. Не раздувайте из мухи слона.

Джимми резко подался вперед.

— Это больше, чем грипп. Не смей, б**ть, врать.

— Так вот чем постоянно были заняты твои мысли, да? — спросил Дэвид. — Лори больна. Очень больна.

— Не знаю, о чем вы оба говорите, — смех Мала показался ужасным. — Это бред какой-то. Джимми, скорее всего, вернулся к своей долбаной травке, но, Дэйви, какое у тебя оправдание?

Лина встала со своего места. Она схватила наполовину полный бокал пива и плеснула им в лицо Малу. Холодная пенная жидкость обрызгала и меня, а Мал от неожиданности отпрянул назад.

— Какого хера? — прорычал он, быстро поднимаясь со стула.

Напротив него с той же скоростью на ногах оказался Джимми, заслоняя собой агрессивно настроенную Лину. Все в баре замерли, разговоры смолкли. План спокойно выпить парочку напитков определенно накрылся медным тазом.

— Не смей орать на нее, — сказал Джимми, сжав кулаки.

У Мала напряглись плечи. Они сверлили друг друга глазами через стол, и оба пребывали в очевидной ярости. Бен и Дэвид медленно поднялись на ноги. Ситуация ухудшалась и катилась ко всем чертям.

— Мал, пойдём, — сказала я. — Дай всем возможность успокоиться.

Он снова меня проигнорировал.

— Иди отсюда, бро, — произнес Бен утрашающе спокойным голосом.

С волос Мала капало пиво. Передняя часть его футболки насквозь промокла. Позади нас сверкнула вспышка. Там стоял парень с телефоном, делая фотографии. Придурок.

Без единого слова Мал развернулся и направился в сторону лестницы, чуть ли не сбив по пути девушку, держащую бутылку. А я просто некоторое время ошеломленно стояла на месте, совершенно бесполезная и пропитанная запахом пива. Бен и Сэм сорвались вслед за ним.

— Энн, позволь нам с этим разобраться, — сказал Дэвид.

Дэвид и Джимми тоже ушли. Они побежали вверх по маленькой темной лестнице. Черта с два я буду делать так, как было велено.

Мал оставил куртку на спинке стула. Он же там замерзнет. Я взяла ее, и затем мое запястье схватила чья-то рука. Рука Эв.

— Пожалуйста, дай им возможность поговорить, — сказала она, маяча перед глазами. — Эти парни уже довольно долго дружат.

Я подняла свою сумочку и прижала его куртку к груди.

— Нет.

— Но...

У меня не было времени на подобное дерьмо. Что мне нужно было, так это найти Мала и убедиться, что с ним все в порядке.

Я поспешно поднялась по ступеням, прошла через дверь, ведущую в подвал бара, и вышла на улицу. Холодный ночной воздух любезно остудил меня через влажные пятна на свитере и джинсах. Мое сердце билось в два раза быстрее обычного. Вот дерьмо. Куда ни посмотри, не было ни единого признака хотя бы одного из них. Место через дорогу, где Мал припарковал свой черный «Джип», пустовало. К этому времени они могли быть, мать их, где угодно.

— Черт.

Что делать? Куда идти? Может, он направился обратно в отель. Точно, разумеется. Мимо проезжало такси, и я вытянула руку. Слишком, черт побери, медленно, оно подъезжало к остановке.

Я рывком открыла заднюю дверь и залезла внутрь.

— В «Бенсон», пожалуйста.

Я найду его.

В пятнадцать минут одиннадцатого пришло сообщение от Эв. Я не спала и уставилась на свой телефон, потому что смотреть на стены уже надоело. В отель он не вернулся. Я прождала больше получаса.

Эв: Лорен дала мне твой номер. Парни поговорили с Малом, после чего он опять куда-то сорвался. Они не знают куда.

Энн: Понятно

Эв: Не знаешь, где он может быть?

Энн: Если я найду его, дам тебе знать

Эв: Спасибо

Возможно, он кружил на машине по городу. Но, если он все еще был на взводе, то куда более вероятно, он захотел бы выплеснуть эмоции с помощью своей барабанной установки.

Я поехала на такси. Может, у меня и было туговато с деньгами, но я больше не собиралась ждать, когда он ко мне придет. К счастью, Дэвид и компания поговорили с ним, успокоили его. И теперь пришел черед сыграть мне свою роль, какой бы она ни была. Я сидела на заднем сиденье машины, пытаюсь придумать речь. В общем-то, в моей голове оказалось много мудрых слов.

Когда я подъехала к зданию для репетиций, с неба начал капать мелкий дождь. От холодного воздуха изо рта шел пар. Ах, Портленд. Он никогда не разочаровывал. Погодка просто загляденье. У здания был припаркован «Джип» Мала. Спасибо, господи, он был здесь.

Неистовая барабанная дробь пробивалась сквозь стены здания, сотрясая его до самого основания. Над металлической дверью, вокруг тусклого светильника кружили несколько отважных мошек. Слава богу, он оставил ее не запертой. Я вошла внутрь, подготавливаясь к шуму. На сцене, сидя в бассейне света, находился Мал, создавая всемогущий шторм из шума.

Рядом с ним были разбросаны поломанные барабанные палочки. За такое короткое время Мал сломал достаточно внушительное их количество.

Я поднялась на сцену, направляясь ближе к нему. Он сидел с закрытыми глазами перед барабанной установкой, его руки двигались так быстро, что казались размытым пятном. На коже блестел пот, покрывая чуть ли не всю верхнюю часть туловища. С лица свисали пряди белокурых волос. А на полу рядом с ним стояла на четверть пустая бутылка «Джонни Уокер Блэк Лейбл». Изгибы его мышц и черты скул выглядели резкими из-за столь обильного света.

Казалось, будто он затерялся в своем мире, совершенно не понимая, что творится вокруг. На какой-то момент я задумалась, как поступить, а затем села, скрестив ноги. Я прикрыла уши, но это не сильно помогало от оглушительных стуков по барабанам. Да и не важно. Удары по тарелкам резали мою плоть. Тяжелый стук по большому барабану попадал прямо в сердце. А он все продолжал играть, настукивая то один, то другой ритм, но ни разу не замедлившись. Даже для того, чтобы выпить. Он просто поднял бутылку и, держа ее в одной руке, другой рукой и ногами продолжал играть, не сбиваясь с ритма.

Тем не менее, после второго глотка виски он не до конца поставил бутылку на пол, прежде чем отпустить ее. Она опрокинулась, из нее полилась жидкость. Я потянулась и поставила ее ровно, на место рядом с ним. Впервые за все это время он, кажется, заметил

мое присутствие, кивнул подбородком в знак приветствия или признательности, или не знаю чего там еще. А может, я просто это придумала. Затем он опять вернулся к музыке, стуча с еще большим рвением.

Я достала телефон и вновь призадумалась. Эв вывела меня из себя тем, что не давала уйти, но эти люди были его семьей. Они заслуживали знать, что он был в целости и сохранности.

Энн: Он в зале для репетиций

Эв: Спасибо тебе

Пятнадцать минут спустя в дверь вошел Дэвид Феррис. Он кивнул мне, затем взял гитару и подключил ее к усилителю. С первым раздавшимся писком из колонок Мал открыл один глаз и увидел стоящего напротив него Дэвида. Не было сказано ни слова. Время шло, причем одновременно и медленно и быстро. Эти двое играли часами. Я впала в некое подобие изумления. До меня не сразу дошло, когда они наконец-то перестали играть.

— Эй, — прохрипел он, слова вышли приглушенными, словно мы были под водой. Наверное, я оглохла от шума.

— Привет.

Он прижал к губам почти пустую бутылку виски и запрокинул ее, чтобы сделать глоток. А затем его взгляд остановился на мне. Он осторожно вылил жидкость изо рта обратно в бутылку. На это у него ушло несколько попыток.

— Я тут немного нахреначился, Тыковка.

— Ничего страшного. Я помогу тебе добраться обратно в отель.

Он кивнул, понюхал свои подмышки.

— Еще я воняю.

— С душем я тебе тоже помогу, — я подошла к нему и встала на колени между его ногами. — Не переживай.

Он обхватил ладонями мои щеки, медленно прижал свои губы к моим губам.

— М-м, я кое-что чувствую к тебе Энн. Что охрененно впечатляет, учитывая, насколько я сейчас онемевший.

— Ничего себе, — согласилась я.

— Обычно я не такой... я столько не пью. Хочу, чтоб ты знала об этом. Просто дело в том... — на его челюсти дернулась мышца, и он уставился куда-то вдаль.

— Я знаю, Мал. Все хорошо.

Ответа не последовало.

— Мы пройдем через это.

— Энн... — из-за резкого движения он упал с табуретки.

Я ухватилась за джинсы, пытаюсь удержать его на месте. Не самая лучшая идея. Один из огромных чаксов Мала заехал мне по голове, что было довольно больно. Его другая нога зацепила тарелки, и они с грохотом свалились на пол.

— Вот дерьмо, — раздались спешащие в нашу сторону шаги.

Мал лежал на спине и смеялся.

Я откинулась обратно на пятки, потирая ушибленное место на голове. Ну и ночка.

— Ты как, в порядке? — спросил Дэвид, склоняясь надо мной.

— Зашибись! — выкрикнул Мал, все еще смеясь, как чокнутый.

— Я не к тебе обращаюсь, бесполезный кусок мяса. Ты ударил Энн.

— Чего? — Мал перекатился, схватил табуретку и отбросил ее с пути. Он поспешил ко

мне, оттолкнув Дэвида в сторону. — Тыковка, ты в порядке?

— Да, ты всего немного меня зацепил. Никакого ущерба не нанесено.

— Черт. Вот же блин, Энн, — его руки обернулись вокруг меня, крепко обнимая, чуть ли не душа. — Мне так жаль. Нам нужно отвезти ее в больницу, чтоб сделать мозговое сканирование. Сканирование мозгов. Блин, что-то из этого.

— Мне не нужна ни больница, ни сканирование. Это просто ушиб.

— Уверена? — спросил Дэвид, пристально глядя мне в глаза.

— Да, — сказала я. — Мал, это вышло случайно. Успокойся.

— Я самый худший парень в мире.

— Я бы хрена с два стал с тобой встречаться, — сказал Дэвид.

— От**бись, Дэйви.

— Вечеринка закончилась. Всем пора по домам, — Дэвид оттащил его от меня и поднял на ноги.

Мал выглядел так, словно был удивлен, что тут оказался. Он вроде как просто стоял и покачивался, глядя на меня вниз с хмурым выражением на лице.

— Ты в порядке?

— Угу.

— Мне, правда, охереть, как жаль, Тыковка. Хочешь ударить меня по голове? Тебе от этого станет легче?

— Эм, нет. Но спасибо.

Дэвид закинул руку Мала себе за плечи, чтобы потащить его или помочь идти в сторону узкой лестницы, ведущей со сцены. Тяжело было сказать, на что именно это было похоже.

— Подожди, а где его рубашка? Он же там замерзнет.

— Поделом ему, пьяному засранцу.

— Заткнись, Феррис. Ты мелкая плаксивая сучка.

— Да, ну а ты в стельку пьян.

Я поспешила вперед и открыла для них дверь. Мал споткнулся, и они чуть было не упали. Но Дэвид смог удержать их обоих на ногах, вместо того чтобы шлепнуться лицом в пол. Без особых усилий.

— Я сам справлюсь, чувак, — сказал Мал, отталкиваясь от него, чтобы пойти дальше самостоятельно, при этом сомнительно пошатываясь. Я взяла его за руку для оказания поддержки, и он подмял меня себе под мышку для удержания равновесия. — Видишь, все нормально.

Дэвид просто кивнул, держась рядом.

— Да уж, задал я жару сегодня своей установке «Людвиг». А еще много палочек сломал, — Мал обернул вторую руку вокруг меня, прижимая ближе. Ему действительно не помешал бы душ. — Из американского гикори^[25]. От «Зилдьяна»^[26]. Сделанные специально для стучания, но я поломал восемь штук, может, десять. Такое часто случается на концертах, но ты не придаешь этому большого значения. Просто берешь следующую, продолжаешь играть, не сбиваясь с ритма. Вот так мы и живем. Ломаются дерьмовые инструменты — не важно, продолжаем играть.

Он вздохнул, перенося свой вес на меня. Я расставила ноги шире, крепко держась руками за его талию. Парень был далеко не пушинкой.

— Я сбился с ритма, Энн. Я могу это почувствовать. Все катится к чертям.

Я посмотрела вверх, на его прекрасное лицо. При виде его мое сердце разрывалось на

части.

— Я знаю. Но все в порядке. Мы рядом.

Он просто нахмурился, глядя вниз на меня.

— Я рядом, — сказала я.

— Точно?

— Еще как.

Он медленно кивнул.

— Хорошо. Спасибо, Тыковка.

— Давай, отвезем тебя обратно в номер.

К счастью, дождь прекратился. Дэвид подошел к нам, чтобы помочь Малу добраться до «Джипа» и прислонить его к машине. Неподалеку был припаркован блестящий черный «Эскалейд».

— Чувак, где твои ключи? — спросил Дэвид, шаря у Мала по карманам джинсов.

— Боже, Дэйви. Я приберегал его специально для Энн.

— Меня не интересует твой член. Где ключи от твоей машины?

— Не пойми меня неправильно, чувак. Я тебя обожаю, но не в этом плане.

— Фух, нашел, — Дэвид покрутил ключи на пальце. — Энн, ты сможешь довезти его? Я поеду за вами следом, помогу дотащить его до вашего номера.

— Звучит отлично. Спасибо.

— Охренительно, — пробормотал Мал. Он откинул голову назад и закрыл глаза. А вот его рот наоборот открылся еще шире. — Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЭНН!

Я подпрыгнула, отчасти испугавшись крика.

— Ничего себе!

— ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Дэвид просто смотрел на меня, приподняв одну бровь.

— Ха-х. Он очень пьян, — сказала я, на что у Дэвида изогнулись губы в полуулыбке. Самый лучший вариант — игнорировать мой мини-сердечный приступ, случившийся после того, как Мал произнес те слова.

— Я ОХЕРЕТЬ КАК ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ЭНН.

— Да-да, ладно. Заткнись уже, — Дэвид попытался закрыть Малу рот рукой.

— ЭЭЭЭЭНННННИИ!

Мое имя было долгим, затянувшимся, похожим на вой, криком, немного заглушенным в конце, когда Дэвиду удалось закрыть ему рот. За ним последовали приглушенное мычание и рычание.

— Чтоб его, — проклял его Дэвид. — Он только что, мать его, укусил меня.

— Ничто не заткнет мою любовь!

Я старалась изо всех сил, чтобы не засмеяться.

— Мал? У меня голова болит после того, как ты случайно ударил меня по голове. Ты не мог бы вести себя потише?

— О, черт, блин, хорошо. Извини, Тыковка. Мне очень жаль, — он уставился на небо. — Смотри, Энн, звезды и прочая хрень. Красиво, да?

Я посмотрела вверх, и действительно тучи разошлись, открывая кусочек ночного неба, на котором сияла парочка храбрых звезд.

— Да. А теперь, давай возвращаться в отель.

— М-м. Ага. Давай. У меня в штанах есть кое-что, что я бы хотел тебе показать, — его

неуклюжие пальцы начали опускаться вниз по талии к джинсам. — Посмотри, это очень важно.

Я схватила его пальцы и крепко их сжала.

— Как здорово. Покажешь мне, что там, когда мы вернемся в наш номер, хорошо?

— Хорошо, — счастливо вздохнул Мал. Большая часть воздуха вокруг него состояла из паров виски.

— Спасибо, что написала Эв, — Дэвид открыл дверь с пассажирской стороны, взял Мала за руку и принялся заталкивать того в машину. — Если эта ночь показалась тебе полной веселья, то погоди, увидишь, что будет, когда мы направимся в турне. Тогда все станет еще интереснее. Впервые с нами поедут девушки и жены.

— Судя по тому, как ты сказал об этом... мне стоит бояться?

Мал постучал по окну пассажиркой двери.

— Энн, у меня из-за штанов зуд. Кажется, у меня на них аллергия. Иди, помоги мне снять их.

Мы оба его проигнорировали.

Дэвид почесал голову.

— Думаю, для всех нас это послужит тем еще уроком, да?

— Да.

Будущее было большущим, массивным шариком возможных событий, о которых я, черт возьми, не имела ни единого представления. И впервые в жизни в этом не было ничего плохого.

Раздался громкий, протяжный и определенно болезненный стон. Больше всего он походил на вопль раненного животного. Хотя, если бы это было животное, тогда ругани было бы меньше. Те звуки, что доносились за моей спиной, не говорили о веселом времяпровождении. Нет, они подразумевали под собой прохождение особого круга ада, называемого утром после уничтожения грузовика выпивки.

— Тыковка, — Мал зарылся лицом в волосы на моем затылке, прижимаясь ко мне своей горячей кожей. — Б**ть.

— Хм-м?

— Больно.

— М-м.

Ладонью он пошире обхватил переднюю часть моих трусиков, после чего немного сжал ее. Она прижалась ко всем занятым местам, заставляя меня извиваться.

— Зачем ты положила мою руку себе на трусики, пока я спал? Ты это к чему? — пробормотал он. — Иисусе, женщина. Ты вышла из-под контроля. Чувствую себя изнасилованным.

— Дорогой мой, я этого не делала. Это все ты.

Он опять простонал.

— Ты очень сильно настаивал на том, чтобы оставить там руку. Я подумала, когда ты заснешь, у меня появится возможность убрать ее. Но этого не случилось, — я потерлась щекой о свою подушку, его бицепс.

— Эта киска моя, — он растопырил пальцы, отодвинул в сторону ткань моего нижнего белья и начал поглаживать внутреннюю часть бедер. Сейчас совсем не подходящее время, чтобы заводиться. Нам нужно было поговорить.

— Да, так ты и сказал. Неоднократно.

Он хмыкнул и зевнул, затем потерся своими бедрами о мои. К моим ягодицам прижался утренний стояк.

— Нечего было давать мне так напиваться. С твоей стороны это было очень безответственно.

— Мне жаль, но это тоже твоих рук дело, — я попыталась сесть, но его рука не отпускала меня.

— Не уходи пока.

— Мал, тебе нужны вода и «Адвил».

— Ладно, — он убрал руку с моей промежности и, кряхтя, перекатился на спину. Прошлой ночью мне не удалось затащить его в душ. Следовательно, этим утром от нас обоих разило потом и виски.

Я принесла ему бутылку воды и пару таблеток и присела на краешек кровати.

— Вставай и глотай.

Он приоткрыл один замутненный глаз.

— Я проглочу, если проглотишь и ты.

— Договорились.

— Надеюсь, ты серьезно. Мужчине не понравится быть обманутым насчет подобного рода вещей.

Он очень медленно сел, пряди его прямых светлых волос упали на лицо. Он бросил на язык таблетки, после чего взял протянутую воду. Некоторое время он просто сидел на месте, потягивая воду и глядя на меня. Я понятия не имела, что последует дальше, что я должна сказать. Было гораздо проще просто разбрасываться глупыми шутками, чем на самом деле попытаться быть понимающей и сочувствующей. Чтобы помочь ему.

— Мне жаль, — сказала я, просто чтобы прервать молчание.

— За что? Что ты наделала? — мягко спросил он.

— Я о Лори.

Он подтянул ноги, уперся локтями в колени и свесил голову. Единственным шумом были доносящиеся звуки из соседнего номера: включение кондиционера и звон серебра или чего-то другого. Когда он, наконец, поднял голову, то на меня смотрели покрасневшие глаза полные слез. От сочувствия к нему мои глаза сразу же стали на мокром месте. Не было ни одной частички меня, которая не разрывалась от боли при виде его переживаний.

— Я не знаю, каково это, поэтому не буду притворяться, будто это так, — сказала я.

Его губы не разомкнулись.

— Но мне жаль, Мал. И я знаю, что мое соболезнование не поможет, не совсем. Оно ничего не изменит.

Все еще никакого ответа.

— Я не могу помочь тебе и из-за этого мне ужасно плохо.

На самом деле, часть, связанная с утешением другого человека, заставляла почувствовать себя абсолютно бесполезной. Потому что я не могла сказать ничего такого, что забрало бы его боль. Я могла вывернуть себя наизнанку, дать ему все что угодно, но это все равно не остановит того, что бы там не происходило с Лори.

— У меня ведь даже нет со своей матерью нормальных отношений, так что я понятия не имею, каково это. По правде говоря, я привыкла постоянно желать, чтобы ее не стало. А теперь я просто хочу, чтобы она оставила меня в покое, — выпалила я, затем замолчала, дрогнув от собственной глупости. — Черт. Это самая ужасная вещь, о которой тебе следует сейчас рассказывать.

— Продолжай.

Вот дерьмо, он говорил серьезно.

Я открыла рот, а горло сжалось. Пришлось через силу вытаскивать слова.

— Она, эм... ей стало наплевать на наше с Лиз воспитание. Наш отец ушел, и она слегла в кровать. Таким было, по ее мнению, великое решение проблемы, связанной с тем, что наша семья разваливалась на части. Не постараться найти помощь, не обратиться к медикам, а просто лежать в темноте, ничего не делая. По большому счету, она не выходила из своей спальни в течение трех лет. Не считая тех моментов, когда нас навещала служба защиты детей. Нам удавалось убеждать их, что она не просто занимала пространство. Какой бред.

Он уставился на меня, его губы сжаты в тонкую белую линию.

— Как-то раз я пришла домой, а она сидела на краю своей кровати с кучей разноцветных таблеток, лежащих на прикроватной тумбочке. Она держала большой стакан с водой. Ее рука так сильно тряслась, что повсюду разлетались брызги, ее ночнушка насквозь промокла. А я ничего не делала... не сразу.

Этот момент ужасно запечатлелся в моей голове. Как я, стоя у двери в спальню, разрывалась между тем, что же делать. Стоять и позволить этому случиться было бы непредумышленным убийством. Нечто подобное оставило бы клеймо на всю жизнь.

— Каким же искушением была та мысль, — сказала я срывающимся голосом. — Мысль о том, чтобы больше не иметь с ней ничего общего... но тогда нас с Лиззи отправили бы в детский дом и, скорее всего, разделили. Этим я не могла рисковать. Ей было гораздо лучше дома, со мной.

Его взгляд застыл, а лицо побледнело.

— Так что я осталась дома, чтобы присматривать за ней. Она попыталась покончить с собой еще пару раз, затем ей надоело, будто смерть требовала слишком больших усилий. Иногда мне просто хотелось, чтобы я пришла на пять минут позже. Тогда ей бы удалось закончить начатое. И тогда мне было бы стыдно даже допустить подобные мысли.

Он даже не моргнул.

— Я так ненавижу ее за то, что она заставила нас пройти через это. Я понимаю, что депрессии случаются, и это серьезное, ужасное заболевание, но она даже не попыталась обратиться за помощью. Я записывала ее на прием к докторам, старалась приносить брошюры и информацию, а она просто... Знаешь, ведь у нее были дети, так что у нее не было никакой е**ной роскоши просто избегать своих прямых обязанностей.

По моему лицу стекали несдержанные слезы.

— Отец был не намного лучше, хотя и присылал деньги. Наверное, мне стоило быть благодарной за то, что он не забыл о нас окончательно. Я спросила его «почему?», когда он уезжал, а он ответил, что просто не мог так дальше продолжать. Он действительно очень сильно раскаивался на этот счет. Словно выбрал не ту коробку, которая не соответствовала его критериям поиска или чего-то там еще, и теперь ему было жаль, но у него оставалось право выбора. Семья? Нет. Вот дерьмо, неужели я сказал «да»? У-упс! Гребаный мудака. Как будто остальным от твоего извинения станет легче, когда ты выходишь за дверь.

— Ты даже не представляешь, сколько времени уходит на уборку дома, оплату счетов, готовку и уборку, пока все это не сваливается на твою голову. Мой парень встречался со мной пару месяцев, но после начал обижаться, что я не хожу на субботние вечерние матчи, вечеринки и прочее. Он был молод, ему хотелось гулять и веселиться, а не присматривать за маниакально-депрессивной женщиной и девчонкой тринадцати лет. Кто мог его винить?

Я опустила голову, стараясь собрать воедино важные детали воспоминаний. Что было не просто, учитывая, сколько времени у меня ушло на попытки их забыть.

— Лиззи взбунтовалась, и от этого все стало только хуже. Она ненавидела весь мир, и кто мог ее винить? По крайней мере, когда она вела себя как эгоистичный, незрелый ребенок, за всем этим скрывалась настоящая причина, и у нее она была только одна. Ее поймали на краже в магазине. Мне удалось договориться с его владельцем, чтобы тот не выдвигал обвинений. Видимо испуг заставил ее остепениться. Она успокоилась, вернулась к школьным занятиям. Одной из нас нужно было поступить в колледж, и, несмотря на то, что я старалась, у меня не оставалось иного варианта, кроме как перейти на домашнее обучение.

Какую гребаную сцену я разыграла. Взбешенная, я моргнула и вытерла слезы.

— Знаешь, вообще-то, мне хотелось поддержать тебя. Любым способом.

Его молчание убивало меня.

— Вот такой вот мой рассказ о горе, — я улыбнулась ему. Не сомневаюсь, что выглядело это так же дерьмово, как и ощущалось.

— У мамы рак яичников, — сказал он; его голос звучал грубо. — Они говорят, ей осталось пара месяцев в лучшем случае...

От его слов у меня, казалось, остановилось сердце. Остановилось время. И все

остальное.

— О, Мал.

Он откинул назад свои волосы, скрестил руки за головой.

— Она охрененно счастлива видеть, что ты со мной. Все продолжала говорить о тебе за ужином, о том, какая ты замечательная. Ты стала ее сбывшийся мечтой — она всегда желала для меня такую девушку. Теперь же она хочет, чтобы я осел на время.

Я кивнула, пытаюсь выдавить улыбку получше.

— Она правда замечательная.

— Да.

— Черт, Энн. Это не единственная причина, по которой мы стали встречаться... То есть... сначала, по большей части, именно из-за этого, — он положил руку на свой затылок. — Сейчас это нечто большее, чем просто желание осчастливить ее, прежде чем она... — он замолк, его губы сжимались не в состоянии проронить ни слова. — Ты же понимаешь, что есть нечто большее, да? Мы больше не притворяемся. Ты знаешь об этом, так ведь?

— Да, знаю, — на этот раз я смогла позволить себе искреннюю улыбку. — Все нормально.

Ну и что с того, что начало наших отношений было сомнительным. Это не меняет того, что было между нами сейчас.

— Примешь со мной душ? — он протянул мне руку.

— С удовольствием.

Он галантно попытался мне улыбнуться.

Ванная комната из белого мрамора с золотой отделкой была просторной. У нас даже имелся рояль в гостиной для поднятия настроения. По-видимому, его родители остановились в президентском номере, поэтому нам пришлось поселиться в другом, немного уступающем президентскому. Такой номер тоже был вполне себе прекрасен.

Он снял свои боксеры. Я настроила подходящую температуру воды, позволяя комнате медленно наполняться паром. Сзади ко мне потянулись руки, стягивая с меня трусики и снимая старую футболку со «Стейдж Дайв». Эта футболка была единственной вещью, которую он разрешил надеть мне в постель прошлой ночью в своем пьяном здравомыслии. Мы были в своем маленьком, идеальном мире в теплоте душевой кабинки. Мал встал под струи воды, и она намочила его волосы, стекая вниз по его прекрасному телу. Я обняла его за талию, положила голову ему на грудь. От ощущения, как он обхватил меня руками, все становилось на свои места.

Мы могли бы справляться со всем в одиночку. Конечно, могли. Но куда лучше делать это вместе.

— Хуже всего по утрам, — сказал он, упираясь подбородком мне в макушку. — Первые секунды после сна все отлично. А потом я вспоминаю, что она больна и... просто... даже не знаю, как это описать.

Я обняла его крепче, словно цеплялась за жизнь.

— Она всегда была рядом. Подвозила нас на концерты, помогала с установкой оборудования. И всегда была нашим самым ярким фанатом. Когда наш альбом стал платиновым, она, чтобы отметить данное событие, сделала себе тату со «Стейдж Дайв». Женщине уже седьмой десяток, а она решила покрыть себя чернилами. И теперь она больна. В голове не укладывается, — его грудь коснулась моей, когда он сделал глубокий вдох, после

чего медленно выдохнул.

Я водила руками по его спине, по всей длине позвоночника вверх и вниз, скользила ладонями по изгибам его ягодиц, перемещая пальцы выше, чтобы провести по ребрам. Мы стояли под струями горячей воды, и я утешала его, как только могла.

Давала ему понять, что он был любим.

Я вяла кусочек мыла, вспенила в руках, чтобы искупать его как ребенка. Сперва намылила верхнюю часть туловища, от изгибов лопаток до мышц на руках, а затем каждый дюйм груди и спины. Мыть волосы оказалось сложнее из-за разницы в росте.

— Опустись, — я выдавила немного шампуня на ладонь, и не спеша, массирующими движениями втерла в его волосы. — Давай, я смою.

Он сделал, как просила, без единого комментария, подставив голову под струи воды. Затем последовал кондиционер. Я осторожно распределила его пальцами по всей длине волос.

— Тебе запрещено стричься, — проинформировала я его.

— Ладно.

— Вообще.

Он почти мне улыбнулся. Я была на правильном пути.

Как только с верхней частью тела было закончено, я опустилась на колени на жесткую каменную плитку, намыливая его ноги и лодыжки. Капли воды из лейки душа долетали до меня, тем самым согревая. Была ли я лицом к лицу с твердеющим членом или нет, я его проигнорировала. Сейчас еще не время. Мышцы на его длинных, худых ногах были такими приятными. Мне нужно будет поискать, как они называются. Он вздрогнул, когда я добралась до задней части коленок.

— Щекотно? — спросила я с улыбкой.

— Я слишком мужественен, чтобы бояться щекотки.

— А, — я провела мылом туда и обратно по его упругим бедрам. Будь я проклята, если он не будет самым чистым и сияющим рок-н-рольным барабанщиком во всем мире. По его телу стекала вода, подчеркивая все его выступы и впадины, изгибы грудных мышц и гладкость кожи. Мне стоит просто назвать его пирожным и слопать ложечкой.

— Ты собираешься пойти выше? — желание наполнило его голос.

— Со временем, — я намылила руки и отложила кусочек мыла в сторону. — А что?

— Да так, ничего.

Это его «ничего» стояло прямо перед моим лицом, такое огромное и требовательное. Одной рукой я отодвинула его в сторону, а другой скользнула между его ног. Его твердый член согревал мою ладонь. Женщина с большей терпимостью не стала бы обхватывать его рукой и крепко сжимать. Я же была просто отстойной по части терпения.

У Мала перехватило дыхание, его шестикубиковый пресс резко напрягся.

— Мне нравится твоя задница, — сказала я, вода по ней мыльными пальцами, прежде чем перейти к его мошонке. Каждая его частичка была грандиозной, будь то тело или душа. Хорошей, плохой и сложной. Порой мне хотелось, чтобы он был серьезнее, и временами у меня не было ни единой догадки, к чему он клонил. Он всегда заставлял меня желать большего, но и в тоже время быть глубоко благодарной за то, что у меня уже было.

Потому что он был моим, это было написано прямо там, в его глазах.

— Без понятия, почему мне так посчастливилось, — я уткнулась носом в его бедренную кость, скользя пальцами по гладкой коже его члена.

— Так сильно любишь мою задницу?

— Нет, это скорее из-за всего тебя.

Я еще раз сжала член, и его взгляд изменился, стал затуманенным, именно так, как мне больше всего нравилось. Между моих ног определенно было влажно, но сейчас все внимание уделялось ему. Подушечки его пальцев ласкали мое лицо; он касался меня нежно, с благоговением.

Хватит валять дурака.

Я обхватила головку его члена губами и взяла его в рот. Его руки зарылись в мои влажные волосы, крепко удерживая на месте. Языком я легонько ударила по его головке, поддразнивая чувствительный ободок, прежде чем пойти ниже, чтобы потереться о сладкое место. Я взяла его глубже, посасывая сильнее, снова и снова. Его бедра двинулись, прижимаясь ближе к моему рту. Я никогда особо не ценила искусство заглатывания, уж извините. Но из-за Мала я хотела этому научиться. Что-то подсказывало мне, что он не будет против нескольких практических занятий. Одной рукой я массировала его яички. Второй продолжала обхватывать основание его пениса, удерживая его от того, чтобы самой не подавиться. Но я брала его глубоко, как только могла, скользила вверх по его стволу, чтобы наградить вниманием своего языка. Провести им по налившимся венам и поиграть с головкой.

Пальцы в волосах сжались сильнее, боль немного обжигала кожу головы. Но ничего страшного. Все было отлично. Мне охренеть как нравилось, что я способна довести его до такого состояния.

Я втянула его глубже и посасывала, доводя до иступления. Он кончил с криком, прямо в мой рот, как только я убрала руку с его члена. Я сглотнула.

И кто сказал, что романтика вымерла.

Он стоял, тяжело дыша, свесив руки по бокам и с закрытыми глазами. Черт, он был прекрасен. Я медленно встала, мои онемевшие коленки трясло. После орального секса, кажется, всегда наступал некий момент застенчивости. Может, я должна была вести себя самодовольнее, сказать что-нибудь развязное. Вот только душ для этого был не совсем подходящим местом.

Мал открыл глаза и уставился на меня, его руки легли на мои плечи. Он притянул меня к себе, оставляя нежные поцелуи на моем лице.

— Спасибо, — сказал он, слово вышло приглушенным из-за того, что он уткнулся в мою кожу.

— Пожалуйста.

— Мне жаль насчет твоих родителей, Тыковка. Охренеть, как жаль.

Мои пальцы непреднамеренно вжались в его бедра. Однажды я перестану так реагировать и оставлю это позади.

— Мне жаль насчет твоей мамы.

— Да, — он, подбадривая, провел по моим рукам, чмокнул меня в макушку. — Нам нужно думать о позитивном. И заказать дохренища бекона и яиц. И вафель. Ты любишь вафли?

— Кто же не любит вафли?

— Вот именно. Каждого, кто не любит вафли, нужно отправить в карательно-исправительные учреждения. Закрывать их там и выбросить ключ.

— Совершенно точно.

— На сегодня хватит о грустном, — сказал он хрипловатым голосом.

Он взял мыло и стал намыливать меня, уделяя особое внимание груди.

— Есть еще кое-что, о чем, думаю, нам стоит поговорить, — сказала я, пока он с усердием оттирал воображаемое грязное место на левом соске. По правде говоря, это было приятно.

— О чем? — спросил он.

— Ну, о том, что ты сказал прошлой ночью, когда мы вернулись в отель. О том, чтобы создать семью.

Его рука замерла на правой груди.

— Создать семью?

— Да. Ты сказал, что в этом плане ты серьезно настроен. Даже выбросил в окно все презервативы и смыл в туалете мои противозачаточные таблетки.

— Это действительно чертовски серьезно. Мы перепихнулись?

Я захлопала ресницами и посмотрела на него невинным, в некоторой степени даже злым взглядом.

— Нет. Конечно же, нет.

У него загорелись глаза.

— Боже... ты чуть не довела меня до сердечного приступа.

— Прости, — я оставила поцелуй на его груди. — Ты выбросил в окно презервативы, да. Но не смог найти, где я держала свои таблетки. Затем ты лег и начал придумывать имена нашим детям.

— Всем?

— Полагаю, мы могли остановиться на выводке детишек со счастливым числом тринадцать?

Он изогнул брови.

— Блин. Эм, наверное, нет, ха-х?

— И это, наверное, к лучшему. Трех из них ты собирался назвать Дэвидом. Что вызвало бы путаницу.

— Чисто из любопытства, как много дерьма я вчера наговорил?

— Не так много. Ты пару раз падал с кровати, когда пытался лизнуть мои пальцы на ногах, и потом уснул.

Он смыл с рук пену и взял шампунь, чтобы втереть его в мои волосы.

— Ауч, — ахнула я. — Нежнее.

— Что не так?

— А ты не помнишь?

Он слегка повернул голову и искоса посмотрел на меня.

— Что еще?

— Ну, возможно, ты случайно немного заехал мне по голове, когда упал с табуретки у барабанной установки.

— Ох, нет. Блин, Энн...

— Ты не причинил вреда. Просто небольшой ушиб.

С напряженным лицом он осторожно смыл шампунь с волос, и начал наносить кондиционер. Он продолжает качать головой, при этом сильно хмурясь.

— Эй, — сказала я, касаясь его подбородка. — Все хорошо. Правда.

— Я заглажу свою вину.

— Ты уже это сделал, — я прижала руку к его сердцу, ладошкой чувствуя, как оно бьется. — Ты выслушал мою историю, не осуждая меня. Рассказал, что тебя гложет. А это и так много, Мал. Правда. У нас все хорошо.

— Я заглажу вину еще лучше. Этого больше никогда, черт возьми, не повторится.

— Хорошо.

— Я серьезно.

— Я знаю.

Он бросил на меня недовольный взгляд и затем неожиданно улыбнулся.

— Я знаю, что подарю тебе. Уже довольно долго раздумываю над этим.

— Не нужно мне ничего дарить. Хотя вафли были бы очень даже кстати, я умираю с голоду.

Я закончила ополаскивать волосы и была готова выходить их душа.

— Ты получишь больше, чем вафли, — стоя сзади, он обхватил меня руками; его ладонь скользнула вниз, между моих ног. Легонько он начал водить пальцами туда-обратно по моим половым губам. — Для начала тебе тоже нужно кончить.

— Ладно.

Он усмехнулся, говоря мне на ухо:

— Так снисходительна, когда дело касается твоих оргазмов. Мне это нравится.

Я обернула руки вокруг его шеи и крепко ухватилась. Он поднес руку ко рту, смочил несколько пальцев. Затем один палец скользнул в мою промежность, дразня меня. По мне с головы до ног пробежались мурашки. Он медленно проник немного глубже, после чего вышел из меня и обвел контур входа, увлажняя половые губы. Он завел меня, как нечего делать, мое дыхание стало быстрым и поверхностным. Я выгнулась навстречу его руке.

— Энн, тебе нужно стоять ровно, — проворчал он на меня, положив руку мне на живот. Два пальца проскользнули внутрь, потирая какое-то место, вызывая восхитительные ощущения. — Ну, давай, ты ведь даже не пытаешься.

— Не могу.

— Придется. Я не смогу этого сделать, если ты будешь дергаться.

— Ох, — вздохнула я, когда его палец скользнул по клитору, посылая молниеносные ощущения по моему позвоночнику.

— Видишь? Из-за тебя я промахнулся.

То, как он любил дразнить меня, было как благословеньем, так и проклятьем. Он вытащил пальцы, оставляя меня незаполненной, и все его внимание сосредоточилось на клиторе. Он потирал его сразу с двух сторон, заставляя меня стонать.

— Стой спокойно.

— Я пытаюсь.

— Пытайся лучше, — он легонько шлепнул по моему лобку. Реакция последовала незамедлительно, мои бедра дернулись вперед. Никто прежде не делал такого. Казалось, будто каждое нервное окончание в моем теле было готово взорваться.

— Нравятся такие удары? — спросил он.

— Черт, — это было единственное слово, что у меня было.

Он промурлыкал что-то мне на ухо, и продолжил массировать мой клитор еще быстрее. Напряжение нарастало. Так близко.

— Мал. Пожалуйста.

Снова легкий шлепок, и я кончила. Я кричала, мое тело извивалось. Ели бы он не

поддерживал меня, то я бы упала на пол. Такого мужчину, как он, наверное, стоило закрыть где-нибудь подальше ради безопасности всех женщин.

Вода перестала течь. Он завернул меня в полотенце и усадил как тряпичную куклу на тумбу в ванной.

— Эй, посмотри на меня, — сказал он, склоняясь надо мной.

— Привет.

Он аккуратно заправил мои влажные волосы за уши.

— Мне кажется, нам стоит поговорить по поводу этой штуки с отношениями. И мне, наверное, стоит сказать что-нибудь мудрое. Но я не особо на это настроен. Особенно этим утром, — он тяжело выдохнул. — Ты обалденна в постели, замечательная девушка, и я охренеть как тереть не могу видеть тебя грустной, и еще мне не нравится, когда тебя нет рядом. Я даже начинаю привыкать к ссорам и драмам, потому что примирительный секс рулит. И к тому же ты того стоишь.

Кончик его языка коснулся верхней губы.

— По сути это все. Хотя и не обязательно в таком порядке. Хорошо?

— Хорошо, — засмеялась я, но совсем немного. В конце концов, он был искренним.

— Ты моя девочка. Ты должна об этом знать, — он усмехнулся и положил руки на мои колени. — Еще что-нибудь хочешь у меня спросить?

Я помолчала некоторое время, задумавшись.

— У нас моногамные отношения?

— Ага.

— Посмотрим, как дальше дело пойдет?

— Мм-хм.

— Тогда да, вопросов больше нет.

Он кивнул, сжав мои колени.

— Если тебе что-нибудь от меня понадобится, надеюсь, ты дашь мне знать.

— То же самое касается и тебя. Что угодно.

— Спасибо, Тыковка, — он улыбнулся, наклонился и поцеловал меня. — Готовы отправиться в турне, мисс Роллинс?

— Совершенно точно.

Первый день наших официальных совместных каникул/турне мы провели в основном в кровати. Нами были заказаны и поглощены вафли. А вечером мы покинули святыню нашего номера, чтобы поужинать с родителями Мала в их люксе. Нейл снова вел себя стойко и молчаливо, постоянно находясь рядом с Лори. Лори была душой вечеринки. Истории, которые она рассказывала о детстве Мала, раздражали его, в то же время вынуждали меня выть от смеха.

Моей самой любимой была история о том, как Мал в возрасте одиннадцати лет вместе с отцом построил на заднем дворе маленький скат для катания на скейте, и как он сломал руку, два пальца и ногу в течение первых двух с половиной месяцев. Лори заставила Нейла сжечь тот скат. На что Мал объявил голодовку, которая продлилась приблизительно два с половиной часа.

Чтобы восполнить потерю ската, его мама пообещала ему барабанную установку.

И так началась легенда.

Это был замечательный вечер. Ни мы, ни его мама не упоминали ее болезнь. Если бы Лори не выглядела такой худой и хрупкой, а мужчины не были бы на пределе, то вряд ли можно было даже представить, что что-то не так. Чем больше времени я с ней проводила, тем больше понимала опустошенность Мала. Уничтожила ли Лори Эриксон скат для скейта или нет, она все равно была замечательной. И теперь, когда я знала, в чем дело, тихое отчаяние в глазах Нейла казалось таким заметным. Он умирал изнутри, проходя через это вместе с ней.

В том-то и была проблема любви, она не длится вечно. Так или иначе всему приходит конец. И люди страдают.

Когда мы вернулись в нашу комнату, Мал ушел в себя: был молчалив. Я включила боевик с кучей взрывов. Мы смотрели его вместе, голова Мала покоилась на моих коленях. Когда закончился фильм, тогда действительно началась ночь. Секс был медленным и интенсивным. Мы продолжали им заниматься вновь и вновь до тех пор, пока мне едва удавалось помнить свое имя. Он смотрел в мои глаза, двигаясь надо мной, входя внутрь, словно время не имело значения.

Словно мог заниматься этим вечно.

На следующий день все оборудование и инструменты были перенесены из репетиционного зала на площадку. У Мала был саундчек^[27], после чего у него была бизнес-встреча, где он должен был обязательно присутствовать. У меня же были свои планы. Меня навестила Лиззи, чтобы поддержать и помочь с тем, как держаться в тени. Судя по всему, пара репортеров караулила снаружи книжного магазина и моей квартиры, все еще надеясь быть в курсе происходящего. Мое старое, нечеткое фото со времен старшей школы было самым лучшим, что им удалось накопать. Оно промелькнуло вчера в местной газете и не принесло особых оваций.

К счастью, учитывая то, как Лиззи была очарована Беном, на сегодня у нее уже было назначено свидание, и она не могла попасть на концерт.

Этим вечером началось турне.

У меня осталась почти неделя, прежде чем нужно будет вернуться на работу.

Мы зависали с ребятами за кулисами, пока не пришел Адриан, их менеджер, громко

хлопая в ладоши.

— Парни, пять минут. Готовы к выходу?

Он вошел следом за мужчиной в наушниках, держащим клипборд или планшет с какими-то записями. Здесь я видела немало людей с подобным оборудованием. А вот, сколько именно людей было вовлечено в организацию в городе концерта «Стейдж Дайв», я понятия не имела.

Мы с Эв наблюдали за концертом на краю сцены, возле коллекции массивных усилителей. Святые пирожки, то, как крик толпы и энергия наполняли огромный зал, было обалденным. Я не была особо верующей или духовной, но стоять здесь, смотреть на тысячи людей было впечатляюще. Здесь была особая атмосфера.

Билеты на «Стейдж Дайв» на самой крупной концертной площадке в Портленде распродали в рекордные сроки. Их турне включало в себя девять городов в США, после чего пойдут города Азии. Следующей весной и летом, наряду с другими концертами, они сыграют на нескольких фестивалях в Европе. Каким-то образом в течение всего этого они еще проведут время в звукозаписывающей студии. Видимо Дэвид был занят сочинением новых песен о сиянии, исходящем от его жены.

Эх, истинная любовь и все такое.

Слушать музыку, находясь так близко к группе, было потрясающе. Я безмерно наслаждалась ею, пока не заметила, что у девушки в первом ряду на титьках большими красными буквами было написано имя моего парня. Довольно сложно не заметить, когда она продолжала сверкать ими.

— Забей на нее и улыбайся, — произнесла Эв сквозь зубы.

— Да пошла она.

Я сосредоточила внимание на барабанщике, усердно занятым своим делом. Он махнул головой в сторону, отбрасывая с лица растрепавшиеся пряди светлых волос вместе с потом, что стекал с их кончиков. В груди ухнуло сердце. И это еще не вдаваясь в подробности о том, что произошло с моими сосками.

Где-то спустя полтора часа к нам присоединились Лори с Нейлом. У них обоих были беруши и улыбки на лицах. От взгляда полного гордости, которым они смотрели на своего сына, на глаза немного навернулись слезы. Должно быть, Лори это заметила, потому что обхватила своей рукой мою талию, опираясь на меня. Я приобняла ее рукой за плечи, пока группа исполняла следующую песню, а за ней еще одну. Постепенно она перенесла на меня большую часть своего веса. Весила она немного, но когда она начала раскачиваться на ногах, я бросила на Нейла обеспокоенный взгляд.

Он взял ее под локоть и склонился перед ней с едва уловимой улыбкой. Лори оживилась, отмахнулась от него, становясь ровнее. А затем у нее подогнулись колени и она начала падать. Мы с Нейлом подхватили ее, чтобы она не упала на пол. К несчастью, все это произошло в перерыве между песнями. Джимми красноречиво общался с кричащей публикой, стоящей перед сценой. И, несмотря на яркое освещение, Мал увидел, как пошатнулась Лори. Он встал с табуретки и стоя смотрел на нас. На его лице отражалась тревога.

Без дальнейших церемоний Нейл поднял Лори к себе на руки и унес. Я вытянула руку в сторону Мала и кивнула, надеясь, что до него дойдет смысл жеста: я последую за ними и сделаю все, что будет в моих силах. Он понял, поскольку кивнул в ответ и затем снова занял свое место.

— Пойдем, — сказала Эв, хватая мою руку. Мы побежали за родителями Мала,

уворачиваясь и обходя людей и оборудование. Возле комнаты за кулисами, в которой мы раньше находились, нас встретила Лина. Рядом с ней стоял недовольный Адриан, но опять же не припомню, чтобы вообще хоть раз видела его счастливым.

— Дай знать, если мне нужно будет вызвать доктора, — сказала она.

— Спасибо.

Нейл положил Лори на диван и прижал стакан сока к ее губам. Кажется, птичка выпила бы больше, чем она. Ее кожа была бледной и тонкой, словно лист бумаги, а взгляд затуманен.

— Не нужно волноваться по пустякам, — сказала она Нейлу с упреком. А когда увидела меня, то ее рот открылся от явного испуга. — О, Энн, не стоило приходить. Ты же наслаждалась концертом.

— Они уже почти закончили. И я уверена, Мал хотел бы, чтобы я пришла проверить как вы.

— Ну, вот ты и проверила. Со мной все хорошо. Теперь можешь возвращаться обратно.

Черт. Я знала все об этом «хорошо». Взять хотя бы в пример уход за моей матерью, тогда я была королевой по части этого гребаного «хорошо». Я присела на краешек дивана, в то время как Нейл занял место ближе к концу. С такого близкого расстояния было видно, что у ее лица был серый оттенок.

— Лори, я знаю, что вы больны. Мал рассказал мне.

Она выдохнула со свистом.

— Я говорила ему, что не хочу, чтобы кто-либо знал об этом и переживал за меня. Такова жизнь, дорогая, всем нам когда-нибудь придется уйти.

— Он сказал, что у вас есть месяц или два, — сказала я. Лори и Нейл обменялись взглядом, который мне совсем не понравился. — Есть что-то, что вам нужно рассказать вашему сыну?

— На данный момент этот срок может быть меньше. Мы ходили на прием к доктору в Спокане, перед тем как сюда приехать, — она высоко подняла подбородок. — Но это ничего не меняет. Я не собираюсь проводить свои последние дни в больнице.

У меня что-то застряло в горле.

— Последние дни?

— Недели, — поправила она. — Они думают, что осталась неделя или две в лучшем случае. Завтра после обеда мы отправляемся домой. Мне бы хотелось быть там...

Нейл протяжно вдохнул и отвернулся. Его рука накрыла ладонь жены; их пальцы переплелись.

— Вы должны рассказать ему, — сказала я. В моем горле застряли лезвия, колючая проволока, гвозди, скобы в ассортименте и острые принадлежности. Все они доставляли дикое неудобство.

— Полагаю, ты права.

Проворчав, Нейл напоследок еще раз сжал ее пальцы и встал на ноги.

— Я дам ему знать, когда он уйдет со сцены. Мы не можем просить Энн держать это от него в секрете.

— Не можем, — согласилась Лори. — Только помоги мне сесть. А то все двинется сюда, а я буду лежать, как дурочка.

Этого не могло происходить на самом деле. Черт.

Мы с Нейлом осторожно помогли Лори сесть. Затем он ушел, чтобы подождать своего

сына. Я взяла на себя обязанности по держанию сока. По крайней мере, держа его, я хоть чем-то себя занимала.

— Я рада, что у него есть ты, — сказала Лори, расправляя юбку своего бледно-зеленого платья. — Знаю, я говорила об этом прежде. Но моя кончина ударит по нему очень сильно. Пусть он весь такой громкий и жизнестойкий, но у него есть уязвимое место... Правда, есть. Он будет нуждаться в тебе, Энн.

Она накрыла мою свободную ладошку своей. Моя была потной, ее — нет.

— Мне очень нравится ваш сын, — сказала я. Потому что должна была что-нибудь сказать. Хотя это, конечно, и было совершенно несоразмерным заявлением согласно порядку признания в своих чувствах.

— Дорогая, я знаю, что это так. Я видела, как ты на него смотришь.

— Безумными глазками?

— Да, — тихо рассмеялась она. — Безумными глазками.

Со сцены донесся крик толпы, и от топота ног чуть ли не затряслось здание. Забавно, но здесь музыка казалась эдаким мягким стуком, не более. Чем-то незначительным. Или, может, дело было в мысли о заботе, что пульсировала в моем черепе. Я чувствовала, как начинается головная боль. Вся эта ситуация выходила за рамки описания тяжелой — ее вес калечил. И не было ни единого способа все исправить.

В комнату начали заходить люди. Был накрыт стол полный напитков и еды. По-видимому, здесь планировалось проведение афтепати. У двери стоял Адриан, пожимая руки и громко смеясь над тем дерьмом, что ему говорили люди. Это было так сюрреалистично. А где-то там прямо сейчас Нейл, наверное, сообщает Малу о плохих новостях.

— Все будет хорошо, — похлопала меня по руке Лори. Забавно, как она уцепилась за мое любимое слово. Быть может, это как-то связано с тем, что в поисках спутника жизни мы надеемся найти того, кто был бы похожим на родителей. Что было нереально жутким и неправильным. Мне, правда, совсем не хотелось об этом думать. У Мала не было ничего общего с моим отцом.

И затем он влетел в комнату. Мал, а не мой отец. Его правая рука была обмотана футболкой, с пальцев капала кровь.

— Что, черт возьми, произошло? — я вскочила с места, побежала к нему навстречу.

Нейл вернулся к Лори. Джимми направился напрямиком к столу, забитому выпивкой и деликатесами. Он начал целеустремленно копать в ведре с пивом зарубежных марок.

— Джимми. Что ты делаешь? — Лина схватила его за руку.

С взглядом, наполненным чистым раздражением, Джимми наклонился, чтобы прошептать ей что-то на ухо. Лина бросила взгляд на Мала, после чего отпустила его руку. Ее глаза заметались по столу, разыскивая что-то.

— Мал?

От его запаха дух захватывало, как и прежде. Но в чем, черт подери, было дело?

— Эй, Тыковка. Ничего такого, — он не посмотрел на меня в ответ. Еще он усердно избегал обеспокоенного взгляда своей матери.

Джимми повернулся к нам с полными руками. Вместе с Линой они завернули в льняную скатерть лед.

— Держи.

— Спасибо.

Мал медленно размотал окровавленную футболку. Под ней оказались ободранные

суставы с открытыми ранами. Его челюсть напряглась, когда он прижал лед к руке.

Придурочный менеджер, Адриан, расталкивая себе дорогу локтями, ворвался в наш круг.

— Мал, дружище. Я слышал, вверху случился несчастный случай?

— Э, да, Адриан, ты бы не мог там все уладить? Мал случайно оставил в стене дыру. С кем ни бывает, да? — Дэвид положил руку ему на плечо, уводя его.

Я охренно сомневаюсь, что это вышло случайно, исходя из того, как это совпало по времени.

— Нам нужно позвать кого-нибудь, чтобы осмотреть его руку, — сказал Адриан.

Они продолжали говорить, но я перестала их слушать. Я приложила ладонь к лицу Мала, заставляя его взглянуть на меня.

— Эй.

Из-за страдания, что было в его глазах, мне будут сниться кошмары. Он наклонился ближе, и его рот обрушился на мой в долгом, отчаянном поцелуе. Его язык вторгся в мой рот, требуя все и сразу. И я дала ему это. Конечно же, дала.

Наконец он успокоился, уткнувшись лбом в мой лоб.

— Все катится к чертям.

— Я знаю.

— Ей осталась всего неделя или две, не больше.

Не было ничего такого, что я бы могла на это ответить.

Он зажмурился. От пота с его лица моя кожа стала влажной. Он был обнажен по пояс, а в комнате было прохладно, по какой-то причине кондиционер работал здесь постоянно. Что не совсем необходимо в это время года.

— Давай, мы тебя напоим водой, — сказала я, благодарная за возможность сделать для него хоть что-нибудь. — Найдем для тебя другую футболку. Ладно? Ты здесь быстро замерзнешь.

— Ладно.

— Оставайся с ним, — сказала Эв, ее рука лежала на моем плече. — Я принесу.

— Эйви, — Мал поднял руки над моей головой, чтобы заключить в неловкие объятия, все еще прижимая лед к руке. — Что-нибудь покрепче.

Ее брови взметнулись.

— Скотч или что-нибудь другое, — сказал Мал. — Пожалуйста.

Вздыхнув, она развернулась и направилась в растущую толпу. Самое худшее время для вечеринки.

— Нам лучше поздороваться с остальными, — сказал Мал, обернувшись, чтобы посмотреть на своих родителей.

Одна рука Нейла лежала на подлокотнике дивана, а второй он обнимал свою жену. Губы Лори были сжаты от беспокойства.

— Привет, мам, — сказал Мал, крепко прижимая меня к себе. — Рад, что вам удалось приехать. У меня тут случился небольшой инцидент с рукой.

— С тобой все нормально?

— О, да. Не переживайте.

Парни, стоявшие рядом, удерживали зрителей, сотрудников звукозаписывающей компании и других людей подальше от нашего угла комнаты. Вскоре пришел Сэм вместе с другим парнем в черном костюме и занял свой пост. Бен и Джимми были неподалеку,

разговаривали с людьми, выполняя свою работу, в общем общались. Но они не переставали посматривать в сторону Мала.

Наверное, Эв бежала, потому что вернулась она с футболкой «Турне «Стейдж Дайв», бутылкой водки «Смирнов» и бутылкой «Гэторейда».

— У них не было скотча.

— Это тоже сойдет, — он вручил мне насквозь промокшую тряпку со льдом, пока натягивал футболку. Спереди на ней был большой разрисованный череп. — Спасибо, Эйви.

— Сынок, — позвал Нейл. Много чего было сказано всего лишь в одном слове.

— Пап, все хорошо, — выкрикнул Мал, неожиданно сменив настроение на буйное. Ничего хорошего это не сулило. — Вот так мы зажигаем после концерта. Ты ведь знаешь!

Нейл ничего не ответил. Вместо этого воздух наполнила песня из последнего альбома «Стейдж Дайв» и болтовня сотни или около того людей с вечеринки. Мал выпил половину бутылки зеленого «Гэторейда». Затем протянул ее мне и сделал несколько больших глотков водки.

Вот дерьмо. Это все равно, что смотреть на автокатастрофу.

— Детка, — произнесла я, скользя руками вокруг талии и притягивая его ближе. — Просто остановись и сделай небольшую передышку.

— Ты назвала меня деткой, — он улыбнулся.

— Да.

— Как-то ты назвала меня дорогим.

— Ну, это ты хотел глупых романтических прозвищ.

— Да. Моя Энн.

Он потерся своей щекой о мою, как будто помечая меня. Щетина оцарапала мою кожу, и все тело вспыхнуло, словно от жара углей. Ощущение было настолько сильным, что подавляло все остальные.

— Мал.

— Не хмурься, не нужно беспокоиться. Сделай мне одолжение и поговори с мамой, ладно? — попросил он. — Сделай так, чтобы она оставалась счастливой. Я не могу, э... не могу говорить с ней прямо сейчас. Пока нет.

Он опять прижал бутылку к своим губам, откинул голову назад и выпил из нее, а я с трудом сглотнула. Выпивка служила ему средством самолечения в данной ситуации. Но я бы солгала, если бы не призналась в том, что все это точно так же пугало и меня. Его глаза широко раскрылись и он выдохнул.

— Так лучше. Намного, мать его, лучше.

— Думаю, Адриан отправился за кем-то, кто бы смог проверить твою руку, — сказал Дэвид, становясь рядом с нами.

— В этом нет необходимости.

Я попыталась прочистить свое пересохшее горло.

— Позволь ему осмотреть твою руку, Мал.

— Тыковка...

Хватит этого дерьма.

— Хочешь, чтобы я не переживала? Тогда пусть твою руку осмотрят. И никак иначе.

Его глаза медленно обвели меня с ног до головы, оценивая.

— Обожаю, когда ты вышибаешь из меня все дерьмо. Хорошо. Если это сделает тебя счастливее, то я дам им осмотреть ее.

— Спасибо.

Еще один большой глоток из бутылки.

Эв нырнула под руку Дэвида; они оба обеспокоенно наблюдали. На лице у каждого читались напряжение и стресс, а Мал продолжал пить. Стало видно дно бутылки: вот, куда он уже добрался. По какой-то причине меня это взбесило.

— Достаточно, — я выдернула из его рук бутылку. Видимо, он не ожидал подобного, потому что не сопротивлялся. Большие зеленые глаза моргнули, глядя в мою сторону, а затем сузились в гневе.

— Какого хера? — спросил он приглушенно.

— Найди другой способ как с этим справляться.

— Это не тебе решать.

— Ты действительно хочешь, чтобы одним из последних ее воспоминаний о тебе было то, как ты напиваешься?

— О, я тебя умоляю. Мама была рядом с самого начала. Она знает, на что похожи вечеринки за кулисами, Энн. Она же хочет нормального поведения? Я и веду себя нормально.

— Я серьезно, остановись.

Он бросил на меня еще один гневный взгляд. Не проблема. Если он хотел всю ночь бросаться свирепыми взглядами, то я была не против. Я бы даже сказала, что прикрыла бы его. Что подразумевало под собой защиту от самого себя, если бы потребовалось.

— Оглянись, — сказала я. — Все они совсем недавно видели, как через это проходил Джимми. Они до чертиков напуганы за тебя, Мал.

— Ничего подобного, — прорычал он.

— Пока что.

— Не тебе указывать, что мне делать, Тыковка. Даже близко.

— Мал...

— Мы сколько вместе, неделю? И теперь ты в курсе, что лучше, а что нет, да? — он посмотрел на меня свысока, его челюсть дергалась из стороны в сторону. — Ага, Энн у нас за главную.

— Эх, ради всего, мать его, святого, — сказал Дэвид, делая шаг вперед. — Закройся, ты пустоголовый, пока не наговорил того, о чем действительно пожалеешь. Она права. Я совершенно не заинтересован в том, чтобы наблюдать за тем, как и тебя отправляют на реабилитацию.

— О, да перестаньте вы уже, — сказал Мал. — Реабилитация? Немного перегибаете палку, Дэйви.

— Неужели? — спросил Дэвид, чуть ни вплотную приближаясь к нему. — Ты так напился, что случайно ударил по голове свою девушку. Так разозлился, что вмазал кулаком о стену. Как тебе такое, а? Похоже на то, будто кто-то вышел из-под контроля?

Мал вздрогнул.

— Кое-что происходит.

— Я это понимаю. Все мы понимаем. Но Энн права: напиваться каждую ночь — это не решение.

У Мала опустились плечи, он перестал оказывать отпор.

— Пошел ты, Феррис.

— Пофиг. Извинись перед своей девушкой, причем искренне.

Его печальные глаза посмотрели на меня.

— Извини, Тыковка.

Я кивнула, попытавшись улыбнуться.

— Пошли, тебе нужна передышка, — Дэвид схватил Мала за затылок и оттащил его прочь, в толпу. К счастью, Мал не сопротивлялся. Я с относительным спокойствием наблюдала, как они уходили. Конечно, все наладится. Но как бы то ни было, я не хотела оборачиваться. Я чувствовала тяжелый взгляд Лори, прожигающий дыру в моей спине. Должно быть, они с Нейлом слышали и видели все происходящее. Да и что я вообще могла сказать?

Я была ужасна, когда дело касалось семейных дел и отношений. Жаль, что Лиззи здесь нет. Она бы знала, что делать. Она гораздо лучше вела себя с людьми, чем я.

— Все будет хорошо, — сказала Эв, взяв меня за руку.

Милое утешение, но я сильно в этом сомневалась.

— ВЕЧЕРИНКА! — с маниакальным восторгом прокричал Мал час спустя.

В руке у него была только бутылка воды. Ну, хотя бы до него дошли наши слова. Прямо как в ту ночь, когда я с ним встретила, он стоял на кофейном столике, вытанцовывая свои клевые движения. Было много женщин, готовых прислушаться к его позывам. Причем довольно большое количество хитрых, ярких дамочек смотрели на моего мужчину с алчностью в глазах. И к этому я должна была привыкнуть. Я бы их всех придушила. Но вот загвоздка: где я смогу спрятать столько тел?

Встречаться с рок-звездами было труднее, чем казалось.

Одна из таких молоденьких девиц попыталась забраться к нему на стол и у нее ничего не вышло. Даже на самую малость.

Я схватила ее за руку.

— Этому не бывать.

— Убери от меня свои руки, — выплюнула она.

— ТЫКОВКА! — выкрикнул мой барабанщик-прелесть сверху.

Святые пирожки, мои уши. В них звенело.

Девушка подняла голову и ухмыльнулась Малу как лиса. Выражение ее лица, когда она повернулась обратно ко мне, было не таким теплым.

— Извини, — сказала я (что было наглой ложью). — Он занят.

— А ты еще кто, черт побери?

— Я — Тыковка, — «ха, выкуси сучка» озвучено не было, но бесспорно можно было понять, что оно там присутствовало.

Она как-то странно сощурила глаза, после чего развернулась кругом и исчезла в толпе. Блеснули ее серебряные шпильки, и затем ее не стало. Обалденные туфли. На мне же были мои обычные ботинки и юбка, на этот раз джинсовая, черная майка с длинным рукавом и несколько коротких ювелирных украшений, которые заканчивали образ. Глубоко внутри я понятия не имела, как должна одеваться девушка рок-звезды, но подумала, что комфортная одежда сойдет. Но глядя на эти туфли, мне хотелось узнать, где она их купила. Вероятность того, что она теперь скажет мне об этом, была где-то между нулем и ничем.

Лори и Нейл до сих пор сидели на диване в углу. Дэвид и Эв составляли им компанию, пока я защищала свою мужчину от других женщин. Или типа того. Если честно, то я не особо хорошо проводила время. Из-за недавнего спора я была на грани срыва и не вписывалась в эту толпу. Здесь находились музыкальные обозреватели и люди из звукозаписывающей компании, смешанный набор из богатых и известных личностей. Все они собрались вместе, чтобы отпраздновать начало турне.

— Тыковка? — опять позвал Мал.

Я обернулась, чтобы посмотреть на него.

— О, вот ты где. Привет. Мне нужно кое о чем объявить, — завопил Мал. — Эй, все. Йоу!

Толпа смолкла, все головы повернулись в его сторону. На этот счет у меня было плохое предчувствие.

— Куча всякой хрени произошла в недавнее время. И это заставило меня о многом задуматься, — он посмотрел на своих родителей. — Жизнь коротка и стоит сделать так,

чтобы она была запоминающейся, использовать время, чтобы быть с людьми, которых любишь. Держать их рядом. Так что я, э... я принял решение. Прямо здесь, прямо сейчас.

Он посмотрел вниз, на меня, его брови чуть ли не касались друг друга у основания носа. И затем он опустился на колено, прямо на кофейном столике. Он взял мою ладонь; от удивления мои пальцы онемели.

— Выходи за меня, Энн.

Мое сердце остановилось. Вот черт. Он же не серьезно.

— Что?

— Да, выходи за меня прямо этим вечером, — сказал он, его голос звучал четко для всех и каждого. — Мы полетим в Лас-Вегас ночным рейсом. И вернемся к завтраку.

Вокруг нас засверкали вспышки, ослепляя меня. Но больше ничего не существовало. Только его прекрасное, полное надежды лицо то появлялось, то исчезало из поля зрения.

— ...как романтично, — прошептал кто-то рядом.

— Мы можем взять с собой ребят, — сказал он. — По пути заехать за Лиззи. Даже можем позвать Риса, если хочешь.

Я не могла дышать.

— Я куплю тебе самое огромное гребаное кольцо, какое ты только видела.

Нет, правда, куда в этой комнате подевался кислород?

— Я знаю, что тороплю события. И знаю, что у тебя некоторые проблемы с браком, но это ведь ты и я. У нас прочные отношения.

Нет, не прочные. Мы только недавно поругались. Мы постоянно ругаемся и это при том, что прошло всего... черт, сколько-то дней? Да, нам может быть хорошо вместе. Но мы были только в начале отношений; мы никак не готовы к подобному.

— Ну же, Энн.

— Прошла всего неделя...

— Мне нужно, чтобы ты сделала это ради меня.

— Я выйду за тебя, Мал! — выкрикнула какая-то сучка из конца комнаты. Другие пробормотали свои согласия.

— Почему? — я всматривалась в его лицо, мое сердце билось в разы быстрее обычного.

— По многим причинам.

Я покачала головой, ошеломленная.

— Пожалуйста, — сказал он, глядя мне прямо в глаза.

Нейл поддерживал Лори, они стояли в четырех шагах от нас, наблюдая за происходящим. Мои внутренности выворачивало наизнанку. Лицо Лори выражало столько надежды. Она прижала руки к груди, а глаза блестели от непролитых слез. Прямо за ней стояли Эв с Дэвидом, ее улыбка была натянутой, но вот глаза... Вот же черт, они все действительно думали, что из этой безумной идеи может что-то да получится. Ну, думаю, что Эв точно так считала, поскольку сама вытворяла нечто сумасшедшее в Вегасе.

Но это не было романтично. Это было безумием.

— Мне нужно, чтобы ты сделала это ради меня, — повторил он. — Давай же, Энн, рискни.

Рискни, чтобы остаться с разбитым сердцем или чтобы тебя бросили. Чтобы испытать всю ту боль и страдания, которые мне были так хорошо известны. Я даже не успела привыкнуть к мысли, что с кем-то встречаюсь, а он уже хотел официально закрепить наш союз и связать нас навеки вечные, пока кто-нибудь не сдастся и не решит, что с него хватит.

Я ссутулилась.

— Мал... не нужно.

Его взгляд метнулся к моему лицу.

— Ты и я в Вегасе. Давай, будет весело.

Я подошла к нему ближе, в попытке уединиться.

— Я не могу выйти за тебя только для того, чтобы осчастливить твою маму.

— Дело не только в этом.

— Нет, в этом. Если бы это не было из-за ее болезни, то ты бы ни за что не просил меня

сейчас о подобном.

— Но...

— Мне жаль. Нет.

— Энн...

Я заметила, когда именно до него дошло, что у него не получится меня уговорить. Что он своего не добьется. Его челюсть сжалась, и он отпустил мою руку. В одном плавном движении он спрыгнул с кофейного столика и направился к двери. Любые возможные слова застряли в горле, душа меня.

И он уходил. Все шел, шел, пока не ушел.

Он ушел.

Каждый взгляд в комнате был направлен на меня. Дэвид последовал за Малом, а возле моего локтя появилась Эв. Они и вправду освоились со всем этим дерьмом, справляясь с драмой в «Стейдж Дайв». Джимми и Бен не дали Адриану последовать за Дэвидом и Малом. Менеджер посмотрел на меня взглядом, решительно призывающим свернуться калачиком и умереть. Как же мне это все осточертело.

Внутри что-то сломалось. Боль была мучительной.

Было бы действительно лучше просто взять и согласиться.

Взгляд Лори был нерешительным и печальным.

— О, Энн...

— Мне жаль, — сказала я и затем убралась оттуда к чертовой матери.

Той ночью Мал не вернулся в наш гостиничный номер. На следующий день от него не пришло ни одного сообщения. Я отправилась домой.

Оставшиеся дни своего отпуска я провела за уборкой квартиры. Лиззи и Лорен по очереди сидели на диванчике, наблюдая за тем, что я вытворяла, находясь в состоянии берсерка. И назвать меня так — была их идея, не моя. Я была дееспособна и чувствовала себя нормально, учитывая статус разбитого сердца. Я бы ни за что не залезла в кровать, как мама, и не стала бы отказываться выходить из спальни. Я сильнее этого, а моя квартира была очень, очень чистой.

— Только посмотри на этот унитаз, — сказала я, указывая в сторону ванной комнаты рукой, одетой в розовую резиновую перчатку и держащей щетку для унитаза. — Да из него есть можно.

— Детка, флаг тебе в руки, но я не собираюсь осматривать твой туалет, — Лорен, закинув ногу на ногу, махнула ногой туда и обратно.

— Нет, ну правда, он сияет.

— Я тебе верю.

Открылась входная дверь, и в комнату вошла Лиззи.

— Она все еще не угомонилась?

Да, в особо несчастливое время они постоянно были рядом, вставляя комментарии и маяча перед глазами. Что так помогало. Беспокойство друзей и семьи было худшей частью. Но также и лучшей, ведь они присматривали за мной в состоянии временной невменяемости.

— Да, не угомонилась. Пожалуйста, стучи, прежде чем входить без приглашения, — сказала я.

Мал бы разозлился. Он терпеть не мог, когда люди просто заходили без стука. Не то чтобы он когда-нибудь окажется здесь или ему будет до этого дело, так что пофигу. Может, мне стоит еще разок выдраить кухню? Будет хорошо вернуться завтра на работу. Она бы меня заняла. Вчера Рис привез мне парочку новых пузырьков с чистящим средством для всех поверхностей и ершики (свои старые я уже использовала). Он понял мою тягу занять себя. Или может и не понял, но, по крайней мере, у него хватило ума не вставать на моем пути и не упоминать некоего известного барабанщика.

— И ты не закрыла как следует дверь, Лиззи.

Моя сестра посмотрела на меня поверх своих солнцезащитных очков.

— Это потому, что к тебе скоро придет еще один гость. Надеюсь, с ним ты будешь вести себя милее.

— Я мила со всеми.

Лорен поморщилась.

— Нет. Не особо. В последнее время ты выглядишь, черт возьми, очень болезненно. Но мы любим тебя и понимаем, что тебе больно, поэтому и рядом.

Правда, складывалось такое впечатление, будто мое лицо постоянно находилось в нахмуренном состоянии. Быть может, они были правы. Возможно, пришло время двигаться дальше. Раз мы были с ним всего неделю, то горевать по нему полнедели было достаточным сроком. Жаль, что мое сердце с этим несогласно.

— Приве-е-ет! — крикнула Эв, появляясь у дверного косяка. — Так, ну ладно. Ничего себе, Лиз. Ей нужна помощь.

— Я же говорила, — сказала Лорен, вставая, чтобы обнять Эв.

— Эм, Энн? — Эв подошла ко мне с особой осторожностью, медленно снимая свой шерстяной пиджак. — Снимай перчатки и иди надеть что-нибудь, в чем нет дырок. Но сначала, быть может, тебе захочется принять душ, помыть волосы? Разве это было бы не здорово?

— Я убиралась, — пояснила я, поднимая щетку в качестве свидетельства. — Кто же носит хорошую одежду при таком занятии.

Лиззи развернула меня в сторону ванной комнаты.

— Когда дело доходит до размахивания щеткой для унитаза, поясняя всю его красоту, наверное, наступает самое время остановиться и переосмыслить свою жизнь.

— Возвращайся туда и на этот раз займись собой, — указала Лорен. — Я принесу тебе что-нибудь из одежды.

— Погодите, — я повернулась обратно к Эв. — А почему ты здесь? Почему ты не в турне?

Она поморщилась.

— Турне отменили. Отложили до следующего года. Говорят, Лори осталась пара дней, так что все парни уехали в Кёр-д'Ален.

О, боже. Бедный Мал. Мои ребра сжались так туго, что свело дыхание.

— Почему ты не с ними? — спросила я.

— У меня рейс во второй половине дня, — она говорила медленно и осторожно. — Но мне захотелось прийти сюда, чтобы вмешаться. И спросить тебя: может ты бы хотела полететь со мной?

Я просто тупо уставилась на нее.

— Мне кажется, он будет очень признателен, если ты там будешь, Энн. Я знаю, что между вами не все так гладко. Но, думаю, сейчас он не отказался бы от твоей поддержки. Да и Лори, наверное, хотела бы попроситься.

— Я отказала ее сыну выйти за него замуж, так что сильно в этом сомневаюсь.

Эв пожала одним плечом.

— Она расстроилась, да, но... Не думаю, что она была зла конкретно на тебя.

— В любом случае это не важно. Я не могу поехать, — я направилась в ванную, отложила ершик для унитаза и сняла резиновые перчатки. Эв, Лорен и Лиззи собрались кучкой у двери, наблюдая за мной. — Послушайте, девочки, я ценю вмешательство, хотя и не верю, что оно мне нужно. Просто мне было нечем заняться, прежде чем вернуться на работу.

— Конечно, было, — сказала Лиззи. — Именно поэтому ты выдраила потолок.

— Он был в пыли.

— Сосредоточьтесь, дамы, — цокнула Лорен. — Энн, ты должна поехать с Эв. Поговорить с ним.

Я вытерла руки полотенцем. Девушка в зеркале была несколько грязной — ее волосы свисали тонкими прядями, а кожа блестела от жира. Они попали в точку: видок у меня бывал и лучше.

— Вам было хорошо вместе, — сказала Эв. — Пусть его немного занесло с идеей о свадьбе, но, думаю, сейчас до него это дошло.

— Ой, ну, я даже не знаю. Не думаю, что существует так уж много хороших способов принять отказ руки и сердца, — фыркнула я. — Не уверена, что хотя бы кто-нибудь после такого оправляется. Спасибо за заботу, Эв. Но он не захочет меня там видеть.

Она покачала головой.

— Ты этого не знаешь...

— Нет, знаю, — я положила руки на бедра. Получилось не совсем правильно, поэтому вместо этого я скрестила их на груди. — Я отправляла ему сообщения, спрашивала, могу ли я что-нибудь сделать. Хочет ли он, чтобы мы остались просто друзьями. Он сказал, что «нет».

И да, ответ Мала в одно слово из трех букв взбесил и задел меня. С этим ответом неким образом связано и то, что на день рождения я купила себе новый телефон. А еще то, что на стене в спальне остался след, который нужно будет закрасить. Оказывается, я могла очень даже хорошо метать рукой.

Эв, Лорен и Лиззи просто уставились на меня. Офигенно. Я могла бы обойтись без того, чтобы еще раз выставлять свое разбитое сердце напоказ для всех и каждого. И это было дерьмовой, глупой идеей.

— Серьезно, в любом случае спасибо, девочки. За все. Я собираюсь воспользоваться вашим советом и принять душ.

— Это же какие крепкие яйца нужно иметь, чтобы попытаться до него достучаться, — сказала Лиззи.

— Я должна была попытаться.

Лорен нахмурилась, глядя на пол.

— Нам нужна выпивка. Еда.

— Да уж, — вздохнула Лиззи.

Краешки моих губ начали подергиваться в улыбке. Я почти смогла ее выдавить.

— Звучит здорово.

Эв хмуро кивнула. А затем замерла.

— Энн, будь умнее его. Если он что-нибудь для тебя значит, если тебе выдастся еще один шанс... не сдавайся так легко.

Мне нечего было ответить. Я просто смотрела на нее, потерянная, и не имела понятия, как реагировать или что с собой делать. Точно так же, как чувствовала себя с того вечера, когда Мал ушел от меня.

— Иди искупайся, — Лиззи обняла меня сзади, обхватив руками и крепко стиснув. — А я организую что-нибудь из еды и напитков.

— О, я смогу это сделать, после того как...

— Энн, пожалуйста. Хотя бы раз, позволь мне позаботиться о тебе.

Я медленно кивнула, опять на грани того, чтобы расплакаться.

— Хорошо. Спасибо.

Лиззи положила подбородок на мое плечо, не отпуская меня.

— Ты моя невероятно сильная старшая сестренка, и я люблю тебя. Но и тебе порой разрешено нуждаться в помощи. Тебе больше не нужно самой все исправлять, ты ведь в курсе?

— В курсе, — я не была уверена в этом наверняка, но начинала это чувствовать. И это ощущение было теплым, чудесным и таким, как должно было быть. Не справляться с этим в одиночку, быть окруженной их поддержкой, было прекрасно. — Спасибо.

В мой день рождения не было ощущения, что это день рождения. Последние два были хорошими, когда мы с Лиззи ходили по магазинам и ужинали с Рисом. Но в этом году? Что-то не очень. Оно больше походило на времена, связанные с времяпровождением с моей

матерью и наклеиванием улыбки на лицо ради блага Лиззи. А также с выпечкой торта и тошнотой после того, как съел его половину, потому что именно так ты и поступаешь.

Уже как три дня я ходила на работу. «Вмешательство» возымело свое действие. Я больше не участвовала в сумасшедших марафонах по уборке. По правде говоря, квартира не могла стать еще более чистой, как бы я не старалась. Больше от Мала я ничего не слышала и не ждала, что услышу. Конец истории.

Мое трикотажное платье в полоску определенно подходило для нашего с Рисом ужина. Оно делало меня счастливой. Разбитое сердце может быть скрыто миллионом и одной вещами, включая торт и счастливое платье в полоску.

А что насчет гребаных рок-звезд с их гребаными идиотскими брачными требованиями и их гребаным невероятным запахом, лицом, телом, голосом, чувством юмора, мышлением, щедростью и всем прочим (не обязательно в таком порядке).

В задницу их всех. Но особенно Мала.

Рис опаздывал на пятнадцать минут. Я постукивала своими коричневыми сапогами по деревянному полу, выбивая беспокойный ритм. Не стоит упоминать, от кого я могла перенять эту привычку. Может, подождать снаружи на холодном ветру было бы лучше. Я поплелась вниз по лестнице и к двери, пока набирала сообщение Рису, дабы убедиться, что он не заболел или еще чего.

Он не заболел.

Я знала это, потому что он катался с кем-то по небольшой передней лужайке. Но не с восторгом, а в агонии. Сильной агонии, если посчитать стоны и ворчание как индикаторы. В стороне лежал потрепанный букет роз. Что за черт?

— Рис?

Ответа не последовало.

Я моргнула, проверяя, в порядке ли у меня со зрением. Неужели это действительно был...

— Мал?

Да, Мал и Рис дрались на передней лужайке. Из уголка брови Мала и губы Риса просачивалась кровь. Темное пятно покрывало щеку Мала, а рубашка Риса была разодрана. Они все продолжали драться, размахивая кулаками и издавая похожие на животных звуки.

— Сукин сын... — Мал заехал кулаком в живот Рису.

Рис проворчал, защищаясь от удара в пах. Вместо этого он задел бедро Мала. Исходя из того, как скривилось лицо Мала, по-видимому, это было довольно больно.

— Ты — козлина, раз бросил ее, — насмеялся над ним Рис.

Они опять вступили в схватку, кулаки и кровь так и летали. В моем горле застряла желчь, и я проглотила ее обратно. Вот же черт, черт, черт. Что делать? Я вытащила свой телефон, набрала номер Лорен.

— Привет, Энн.

— Ребята, вы дома? Мне нужно, чтобы Нейт вышел на улицу сейчас же, пожалуйста. побыстрее.

— Что происходит?

— Мал и Рис пытаются поубивать друг друга.

Послышались ругательства и бормотание.

— Мы разворачиваемся. Будем через пять минут.

Я повесила трубку. Пять минут. Они могут еще больше навредить друг другу и нанести

серьезный вред, если уже этого не сделали. Я не могла ждать пять минут. Мне нужно было что-нибудь предпринять прямо сейчас.

Я сложила возле рта руки рупором, выходя на крыльцо.

— Эй! Какого хрена вы два идиота, думаете, творите?(Какого хрена вы, два идиота, творите?)

Рис посмотрел в мою сторону, и Мал двинул ему в челюсть. В ярости они опять упали друг на друга.

Ну ладно, это не сработало.

А затем Рис сильно размахнулся, попал Малу в лицо, отчего тот отступил на шаг. На мгновение Мал замер, ошеломленный от удара. И, черт, ни за что я не стану больше стоять и наблюдать, как они получают увечья. Просто не такой я человек. Рис отвел руку назад, его окровавленные губы искривились в улыбке, обнажая зубы.

— Рис, нет! — я не стала раздумывать. Вместо этого я поступила как дурочка и, словно одержимая, поспешила к ним, чтобы защитить своего мужчину.

Мал обернулся.

— Энн.

Я бежала прямо на него. Кулак Риса попал мне в глаз, и я упала. Мой мир заполнила боль, затмевая рассудок. Охренеть, как же это больно.

— Ты в порядке? — спросил Мал.

— Ох... — лучшее, что я смогла сказать.

— Энн, о, черт возьми, мне так жаль, — залепетал Рис.

— Спокойно, — сказал Мал. Мою голову осторожно подняли и положили на упругое, обтянутое джинсами бедро.

— Эй. Привет, — сказала я с неким удивлением и замешательством. Я прикрыла свой пораненный глаз двумя руками, дыша через острую боль.

— Тыковка, о чем ты, блин, думала, когда бежала сюда?

— Я спасала тебя. Или вроде того. Ну, знаешь...

Они перестали драться. Это был своего рода успех.

Из коробки, что стояла возле меня, послышался взволнованный хнык. Высунулась маленькая голова, а потом исчезла. Что за черт? Рассматривая всю картину происходящего, я не могла перестать задаваться вопросом о каждой вещи, что происходила на передней лужайке. Подо мной трава была холодной и сырой. Я легла на спину, глядя на ночное небо. Мысли спутались. Мал смотрел на меня сверху, его глаза были напряжены от беспокойства, а лицо превратилось в кровавое месиво.

— Как самочувствие? — спросил он.

— Ауч.

— Энн, мне так чертовски жаль, — сказал Рис, выглядя при этом раскаивающимся и переживающим, насколько это было возможно. — Ты в порядке?

— Жить буду. — По большей части. — «Адвил» и лед, наверное, не помешали бы.

— Ага, давай доставим тебя наверх, — Мал осторожно убрал волосы с моего лица.

На этот раз из коробки послышалось скуление в сопровождении с пронзительным визгом.

— Киллер, все хорошо. Мамочка в порядке, — Мал сунул руку в коробку и достал дергающееся маленькое тельце, покрытое черно-белой шерстью. Причудливый воротничок с пуговкой украшал его шею, а на голове красовался большой красный бант. Он был больше

самой собачки. — Мамочка пыталась спасти папочку от злого дяди Риса, не так ли? Очень милый поступок, но папочка все еще собирается отшлепать мамочку за то, что она так глупо поступила и полезла в драку. Да, так он и сделает, потому что папочка самый лучший.

— Ох, ради всего святого, — пробормотал Рис.

— С Днем рождения; я принес тебе щеночка, — Мал придвинул его к моему лицу, и выскочил мокрый, розовый язык, который лизнул мой подбородок. У щенка были самые темные, милые маленькие глазки. — Я назвал его Киллером.

— Ух ты. — Боже, он был таким милым. Как парень, так и щеночек. — Мал, ты не можешь назвать кого-то столь маленького Киллером.

— Он заслужил это прозвище. Уничтожил один из моих чаксов сразу же после того, как я купил его сегодня днем. Прогрыз дыру прямо в подошве.

Щенок опять меня лизнул, на этот раз очень близко к губам.

— Фу таким быть, маленький дружок, — улыбнулась я. — Я знаю, что ты делаешь этим языком.

Мал улыбнулся, затем протянул щенка Рису.

— Вот, понеси его. Смотри не урони.

— Я не уроню его.

— Уж постарайся.

Последовало еще больше ворчания от Риса и лай от Киллера. Правда, этот вечер был из области сюрреализма.

— Подожди, Мал. Что насчет твоей мамы? — спросила я. — Как она?

С его губ исчезла улыбка, и опустились брови.

— Не очень. Ей недолго осталось.

— Что ты здесь делаешь?

Окровавленное лицо поникло, и он бросил на меня взгляд, полный боли.

— Это как бы тоже длинная история. Я расскажу тебе наверху.

У обочины резко остановилась машина, из нее выскочили Нейт и Лорен. Я неуверенно помахала в их сторону.

— Все нормально. Они перестали драться.

— О-ой, посмотри какой щеночек! — завопила Лорен.

— Вы два гребаных идиота. Что вы с ней сделали? — Нейт присел рядом со мной на корточки, осматривая мой быстро опухающий глаз. Через него мир казался размытым пятном. — Энн, как твоя голова?

Он повернулся к Лорен, которая все еще была занята тем, что ласкала Киллера и ворковала с ним.

— Лорен, оставь собаку и позвони своей подруге, что работает медсестрой. Если мы куда-нибудь повезем Энн в таком состоянии, то люди начнут задавать вопросы, на которые, полагаю, она не захочет отвечать.

— Извини. Да. Хорошая идея, — Лорен достала из сумочки свой телефон.

— Нет, пожалуйста, не нужно, — сказала я. — Все хорошо.

Лорен колебалась, ее глаза метались между мной, Малом и Нейтом.

— Правда, — настояла я, пытаюсь выглядеть самоуверенно. — У меня будет «фонарь» под глазом, но ничего страшного.

— Я понесу ее, — прорычал Мал, когда Нейт попытался поднять меня.

— Я пойду. Просто помогите мне встать, — я вытянула руки, и Нейт осторожно поднял

меня на ноги. Позади меня Мал вскочил на ноги. Он придерживал меня за бедра, помогая стоять ровно, когда земля ушла из-под ног и мир начал ускользать.

— Воу, — голова пошла кругом.

— Тихо, — Мал стоял за моей спиной, позволяя откинуться на него, пока мне не стало лучше. — Черт, Энн. Мне так жаль.

— У меня никогда еще не было «фингала» под глазом.

— И не появился бы, если бы не я, — его губы коснулись моего уха. — Позволь мне понести тебя.

— Ладно, — бороться было глупо. Мал с Рисом подрались, а я сопротивлялась тому, чтобы меня несли на руках.

Мал поднял меня на свои большие, сильные руки, в то время как я замерла, как и полагается героине из романа.

— Сдается мне, что моя карьера боксера закончилась, даже не начавшись, — я положила голову на его плечо, вдыхая его знакомый запах. Блин, как же я по этому соскучилась. Мал просто покачал головой. Наверное, он был еще не совсем готов разглядеть долю юмора в моей способности принимать удар.

Нейт открыл входную дверь в наш подъезд, и все остальные последовали за нами с Малом, Рис нес щенка, а Лорен до сих пор пыталась его погладить.

— Ты вернулся и принес мне щеночка?

Сама идея до сих пор казалась странной. Возможно, она была вызвана недавней травмой головного мозга. Я обхватила его за шею, пользуясь возможностью повольничать с ним, пока могла. Кто знал, как надолго он задержится на этот раз. Или зачем он вообще вернулся.

— У тебя в детстве никогда не было собаки.

— Мал, в этом здании я не могу держать животное.

— Да, я знаю. Поэтому купил тебе и новую квартиру. Какой смысл делать все наполовину, да?

— Да-а-а-а.

Плохое предчувствие подсказывало, что он не шутил.

Мы поднялись вверх по ступеням. Нейт порылся в моей сумочке, достал ключи и открыл дверь.

— Просто посади меня на диван, хорошо? — указала я. — Э, в холодильнике есть пакет со льдом.

Не говоря ни слова, Мал донес меня, куда было сказано, после чего пошел искать лед. По сравнению с болью в моем глазу, отпускать его было не так больно. Я прикрыла глаз рукой, закрывая его от слишком яркого света потолочных ламп.

— Спасибо, ребята, что вернулись, — сказала я Нейту и Лорен. — Простите, что испортила вам вечер.

Они просто смотрели на меня, вроде как еще немного ошеломленные. На ногах у Лорен были каблуки и джинсы, наряд определенно подходящий для вечера в городе.

— Мне жаль, что я прервала ваше свидание. И, Рис, успокойся, — сказала я, поворачиваясь правее. — Это вышло случайно.

Его взгляд был полон вины.

В суматохе вернулся Мал с пакетом льда, завернутым в полотенце, бутылкой воды и пузырьком «Адвила».

— Спасибо, — я проглотила сразу две шгуки и приложила пакет льда к глазу. — Рис и Мал, вам нужно перестать драться. Могу я попросить вас об этом на свой день рождения, пожалуйста?

Немедля Мал протянул руку, готовый к рукопожатию.

— Да, ладно, — Рис взял щеночка в одну руку и пожал ладонь Мала.

— Спасибо.

— Держи, — сказал он, протягивая мне мою недавно появившуюся собачку. Большой красный бант плюхнулся на мордочку Киллера, и он с рыком пытался стянуть его зубами. Ничего милее в жизни не видела. Я даже не понимала, что хочу завести собаку, но, несмотря на жуткую боль, не могла перестать улыбаться. Рис посадил его на мои коленки. Он сразу же начал пытаться взобраться выше, чтобы лизнуть мой подбородок. Из всех троих представителей мужского пола в этой комнате он определенно был моим любимчиком, несмотря на то что так любил прыгать.

— Остынь, малыш, — Мал присел рядом на двухместном диване и положил руку на Киллера, чтобы удержать его на месте.

— Уверена, что с тобой все в порядке? — спросила Лорен, потянувшись рукой к Киллеру, чтобы еще разок почесать ему за ухом.

— Да, со мной все будет хорошо. Спасибо.

— Хочешь, мы уйдем, чтобы ты могла надрать задницу Малу?

— Будьте так любезны.

Она кивнула, схватила озадаченного Нейта и потащила его к двери. Потому что девочки понимают, в чем дело. А у мальчиков с этим проблемы.

— Слушай, Энн, — сказал Рис. — Мне очень жаль, что так получилось. Что ты пострадала и все такое.

— Я знаю, что тебе жаль, Рис. Но прямо сейчас мне нужно накричать на Мала. Мы можем поужинать в другой раз?

— Ты не собираешься кричать на меня?

— Нет. Я собираюсь кричать на Мала, потому влюблена в него.

Мал застыл возле меня, а рука, глядящая Киллера сбилась с траектории.

— Ясно, — сказал Рис. — Что означает, ты совершенно точно не влюблена в меня и мне нужно перестать бороться и отступить.

— Мне жаль, Рис.

— Все нормально, — он грустно мне улыбнулся, затем наклонился и поцеловал в щеку. — Я запомню это на будущее. Только сделаешь мне одолжение? Не приходи на работу еще несколько дней. Останься дома и дай своему глазу и моей вине время, чтобы исцелиться.

— Будет сделано.

— Так чертовски жаль насчет этого.

— Я знаю. Это вышло случайно, Рис. Без обид.

— Да, без обид, — тихо повторил он. После чего нерешительно помахал мне и ушел, закрыв за собой дверь. И вот мы остались втроем: я, Мал и Киллер. Не считая сопящего и скулящего щенка, в квартире стояла жуткая тишина. Мал поднял его и аккуратно поставил на пол.

— Мне хочется наорать на тебя за то, что ты так меня бросил, за то, что исчез, — сказала я, убирая пакет льда с лица. — Но я не могу, потому что ситуация с твоей мамой

ужасна, и я знаю, что тебе больно. И по какой-то глупой причине я до сих пор чувствую себя виноватой, что не согласилась выйти за тебя, хотя твое предложение было тем еще безумным, нелепым номером, который никак со мной не связан.

— Не правда. И держи лед у лица.

Я вернула пакет на свое боевое ранение.

— Я не могу четко тебя видеть, когда ты сидишь на той стороне.

Он вздохнул и опустился передо мной на пол; его руки легли на мои колени.

— Видишь меня теперь?

— Да. Почему ты не с мамой? Ты должен быть рядом с ней.

— Она хотела, чтобы я был здесь, с тобой в твой день рождения. Я хотел быть здесь, с тобой в твой день рождения. Ни она, ни я не горели желанием, чтобы какой-то левый чувак шел с тобой гулять. Одна только мысль об этом сводила меня с ума, — он напрягся, а его руки заскользили вверх и вниз по моим бедрам, обтянутым шерстяной тканью. — Мы с мамой поговорили... о тебе и многом другом. Она помогла понять мне несколько вещей.

— Каких, например?

— Ты только что сказала Рису, что влюблена в меня.

— Да. Но что мама помогла тебе понять?

Снизу возле кед Мала послышался рык. Мы проигнорировали его.

— Даже не знаю, наверное, что представляют собой отношения, что такое любовь. Кучу всего. Видеть ее с отцом вместе эти последние несколько дней... — он раздвинул мои колени, придвигаясь ближе. — Знаешь, а я ведь тоже влюблен в тебя. Просто я слишком увлекся не тем, чем нужно, в не подходящее время и не по той причине. Я сделал массу всего неправильного, Тыковка.

— Да уж.

Он кивнул.

— Девушка-то правильная, а вот все остальное — нет.

Мой целый глаз налился слезами. А пострадавший на самом деле так и не переставал слезиться, но в этот раз уже по другой причине.

— Спасибо. Но когда дела пойдут хреново, ты не исчезнешь снова. Тебе нужно перестать так делать. Это граница, Мал. Подобный поступок я не смогу вынести.

— Я больше никуда не исчезну. Обещаю. Мы разберемся со всем вместе.

— Хорошо, — я шмыгнула носом и улыбнулась. — Тебе лучше вернуться к своей маме.

— Утром. Я нанял самолет, чтобы мы полетели туда вдвоем. Она, э... они думают, что остался день или два, — он крепко зажмурился и прижался лбом к моим коленям. — Самая тяжелая гребаная неделя в моей жизни. Мне вообще почти не удавалось поспать. Ты заснешь со мной рядом, Энн? Мне правда очень нужно, чтобы ты легла рядом со мной.

Я положила руку ему на голову, поглаживая мягкие пряди волос.

— Для тебя все что угодно.

Когда я проснулась, на электронных часах с зеленой подсветкой высвечивалось одиннадцать сорок. Мы выключили везде свет и легли вместе на мою кровать (ею до сих пор служил матрас на полу). От «Адвила» я вырубилась, как и всегда. Где сейчас был Мал, я понятия не имела. Издалека послышались шаги по ступеням, открылась дверь и по полу застучали маленькие коготки. Следующее, что я поняла — как по мне прыгает Киллер, будучи по-сумасшедшему энергичным. Поприветствовав меня как следует, он устроился на

моем трикотажном платье в полоску. Я бросила его на комод, но оно не долетело. Оно упало на пол, и теперь, видимо, стало идеальной кроватью для щеночка.

— Нашему сыну нужно было отлить, — сказал Мал, стягивая свое худи и снимая обувь.

— Ты хороший отец.

— Круто, да? Я лучший, — за худи последовали джинсы и под ними ничего не оказалось. Вот если бы здесь было больше освещения, чем от уличных фонарей, чтобы иметь возможность рассмотреть его. Он залез под одеяло, пристроившись рядом со мной. — Как ты, Тыковка? Твой глаз выглядит немного подпорченным.

— Я знаю. Вообще не могу им видеть. Но ты должен говорить мне, что я прекрасна, несмотря ни на что.

— Ты прекрасна, несмотря ни на что. А еще у тебя офигенный «фонарь». В будущем в драки не вмешиваться, — он поцеловал меня нежно и сладко. Потом поцеловал сильнее, проскальзывая языком в мой рот. От его вкуса я почувствовала себя дома, ощущение его рук, ласкающих мое лицо, было совершенством. Я пробежалась пальцами по его груди и вверх к упругим плечам, вновь знакомясь с его телом. Мои бедра напряглись, между ногами напухало и стало влажно. Его твердеющий член легонько толкнулся о мою тазовую кость. Как же приятно, что не я одна пребывала в таком настроении.

— С днем рождения, — прошептал он.

— Теперь, когда ты здесь, это действительно так.

— Черт, как же я по тебе соскучился.

— Я тоже соскучилась по тебе.

— Ты так быстро заснула. Что это тут у нас? — он играл с каймой моей футболки для сна.

— Ты уже забыл?

Он стянул с меня футболку и отбросил ее в сторону.

— О, титьки. Самый лучший подарок. Спасибо, Тыковка.

— Всегда, пожалуйста. Я так и настроена на раздачу подарков на день рождения, — я резко втянула воздух, когда он облизнул первый сосок, затем второй. Они затвердели, пульсируя от самой лучшей в мире боли. — погоди, пока не увидишь, что еще я для тебя приберегла.

— Здесь? Покажи, — его пальцы зацепили пояс моих трусиков, стягивая их вниз. — Здорово. Нужно рассмотреть поближе.

Он опустил между моими ногами, его пальцы легонько водили по моим бедрам. Мучительно медленно он лизнул дорожку, ведущую от лобка до груди. Каждую частичку, к которой он прикоснулся, покалывало. Его рот накрыл мой, в то время как пальцы массировали мою киску, с легкостью проникая в нее пальцами.

— Мне кажется, я тебе нравлюсь.

— Заткнись и поцелуй меня.

Он засмеялся. Пальцы внутри меня задвигались, и он начал потирать какое-то приятное место, от чего у меня напрочь снесло крышу. Я ахнула. Выгнула шею и широко распахнула глаза, уставившись невидящим взглядом на потолок.

— Господи, Мал.

— Точно, — подушечкой пальца он кружил по клитору, от чего дрожали мышцы на ногах. Оргазм в этот раз придет быстро и будет сильным, не сомневаюсь. Я вроде как

позабыла о них во время его отсутствия. Мое либидо было на отдыхе. А теперь оно вернулось и даже больше того. Горячий рот накрыл сосок, втянул его, поддразнивая языком.

Я застонала и прижала его к себе.

— Еще.

К первому пальцу присоединился второй, слегка разминая меня, от чего прикосновения к моему приятному месту стало приносить большее удовольствие. Мои пятки глубоко погрузились в матрас. На этот раз он мог попросту убить меня, но это бы того стоило.

— Скажи, что любишь меня, — сказал он, все еще играя с моим соском.

— Я люблю тебя.

— Нет, не любишь. Ты так говоришь просто потому, что хочешь кончить, — он приподнялся, чтобы посмотреть мне в глаза с порочной улыбкой. Я пропала. — Я совсем тебе не верю.

Я схватила его лицо, прижала наши губы вместе в крепком поцелуе. Показывая ему, что чувствую. Его рука не перестала потирать между моих ног, сводя меня с ума. Пальцы вновь и вновь доводили меня до изнеможения. Этого было почти достаточно, но не совсем. Боже, какой же узел завязался внутри. Я была так близко.

— Эмм, ты любишь меня? — он сел на корточки, проскальзывая и выходя из меня пальцами, увеличивая напряжение.

— Да.

С края кровати он взял презерватив, открыл его зубами.

— Сильно?

Я кивнула, пытаюсь совладать с дыханием.

— Типа сильно-сильно? Или только немного?

— Что?

С усмешкой он надел презерватив.

— Как ты меня любишь? Как сильно?

— Мал... — я не могла понять суть вопроса. Мои пальцы вцепились в подушку под головой.

— Видишь, именно об этом я и говорю, — он оперся рукой возле моей головы и опустил на меня. Медленно он вытащил пальцы из моей киски и вошел в меня. Я старалась держать глаза открытыми, но это все равно, что вести борьбу, обреченную на неудачу. Мои веки опустились. Я потерялась в ощущении того, как его твердый член толкается в меня, словно оставляет для себя постоянное место внутри. Мы просто идеально подходили друг другу.

— Я люблю тебя сильнее, — сказал он. Затем его пальцы начали кружить по клитору, давая мне то, чего я желала, используя идеальное давление, чтобы довести до кульминации. И я взорвалась. Огонь внутри меня вышел из-под контроля. Но пока я держалась за него, все было хорошо. Мои ноги крепко удерживали его; руки вокруг его шеи тянули к себе. Мышцы моей киски хватались за его член, испытывая жажду и потребность.

И он застонал, прижимаясь своей щекой к моей щеке.

Я вернулась к реальности и постепенно начинала осознавать ситуацию. Мал начал двигаться, поначалу медленно, то выходя, то входя в меня. С каждым толчком меня сокрушали небольшие содрогания.

— Врунишка, — прошептала я, вспоминая, что он сказал. — Я люблю тебя сильнее.

Он улыбнулся, толкаясь в меня.

— Докажи.

Я обернулась вокруг него руками и ногами, притягивая его к своим губам, давая ему абсолютно все. Доверяя ему абсолютно во всем. Потому что наконец-то нашла кого-то, кто мог принимать как хорошее, так и плохое, будь оно грустным или счастливым. Мне хотелось сделать для него то же самое.

Он вел себя осторожно, но внутри него кипело куда больше эмоций. Я могла почувствовать, как они пульсируют под его кожей, бушуют в его глазах.

— Сильнее, — призвала я его.

Он ускорился.

— Перестань сдерживаться.

— Эмм... — он стиснул челюсти, а его зеленые глаза вспыхнули.

— Давай. Сделай это для меня. Я выдержу.

Малу больше не потребовалось побуждений. Он приподнял меня; мы терлись кожей друг о друга, пока он толкался в меня. Наши бедра столкнулись, его член заходил так глубоко, насколько это было возможным. Это было сродни нахождению посреди шторма: страшно и красиво в одно и то же время. Никогда прежде я не доверяла никому такого грубого отношения в постели, не доверяла, чтобы все заходило так далеко. Он вколачивался в меня. Его зубы впились в мою шею, помечая, пока его рука держала меня за попу, прижимая к себе. Он весь содрогнулся, когда глубоко вошел и кончил. Он выкрикнул мое имя, а его губы все еще были прижаты к моей коже.

Я крепко обхватывала его руками и ногами, заставляя его извергаться внутри меня. От его тяжелого веса меня вжало в кровать. Я бы могла держаться за него вечно.

Мы лежали в тишине. В том месте, где он прижимался ко мне своей щекой, мое лицо было мокрым. Не знаю, от пота или слез, но его довольно долго потрясло. Я гладила его по волосам и спине, проводя пальцами вверх и вниз по позвоночнику.

— Я люблю тебя, — сказала я. — Так сильно, что не описать словами.

Он провел губами по моей челюсти.

— Я тебе верю.

Месяц спустя...

— Не уверена насчет этого, — я сидела на краю нашей кровати, обнимая Киллера. Он периодически пытался вырваться и, судя по тому, как извивалась его попа, мое время было почти исчерпано. На собственном опыте могу сказать, что у щенков, как правило, есть только два режима передвижения. Не двигаться и носиться сломя голову. Не было ничего необычного в том, чтобы обнаружить его спящим мордочкой в миске для еды как сейчас, так и потом, после усердного дня, проведенного за забавами.

— Что ты хочешь сделать? — спросил Мал.

— Не знаю.

Он обвел взглядом нашу спальню, опираясь бедром о край огромной новенькой кровати с балдахинном. Мал настоял на том, что нам нужна именно такая, и вдался в подробные описания того, как ее можно использовать. Видимо, мне отводилась роль жертвенного ягненка, постоянно связанного и предложенного богам для орального секса. Так уж вышло, что я не посчитала это даже отдаленно ужасным. А еще ее конструкция была гораздо крепче, чем у той, что в квартире. Если мы решим как-нибудь попрыгать на кровати, то он заверил меня, что эта не сломается.

Мал делал жизнь веселой. Но сегодняшний день был совершенно другим.

— Они скоро придут, — сказал он. — Ты выложились на все сто. Еда готова. Все обустроено, и ты хотела это сделать. Это была твоя идея. Но если ты действительно считаешь, что крутануть хвостом и сбежать, как трусливый маленький львенок, лучший вариант, то я не буду против. Я даже помогу тебе жить со стыдом и сожалением до конца твоих дней.

Я резко упала на кровать.

— О, боже, ну ты и ублюдок.

— Люблю тебя, Тыковка.

— Я тоже тебя люблю. Просто я не очень хороша в подобных вещах.

Я отпустила Киллера на пол, и он тут же начал гоняться за пустой бутылкой из-под диетической колы. Она стала его самой любимой игрушкой с тех пор, как его заставили перестать жевать чаксы Мала. Его неофициальные тетушки — Лиззи, Эв и Лорен — накупили ему все существующие игрушки для собак, но он не стал сворачивать со своих неотесанных путей. Лучшая собака в мире.

Из гостиной донеслось, как кто-то постучал дверь.

Может, Киллер и был моим первым подарком на день рождения. Но настоящим подарком стала квартира, находящаяся прямо напротив квартиры Дэвида и Эв, и в которой мы с Малом жили вместе. Здесь разрешалось иметь животных. А что бы вы сказали парню, который купил вам квартиру, чтобы вы смогли держать там собаку, потому что у вас в детстве никогда не было питомца? На самом деле, я ничего не сказала. Я сделала ему минет, как только перестала плакать. Кажется, он оценил такой жест. К тому же он и так знал, что я люблю его. Я довольно часто говорила ему об этом.

Кто-то постучал в дверь снова.

Я вздернула плечами.

— Готова? — спросил он.

Я кивнула. Он протянул мне руку, и я взяла ее, позволяя ему повести меня через коридор в гостиную.

— Ты не уйдешь? — спросила я, ненавидя то, как тряслись мои коленки.

— Не уйду. Я постоянно буду возле тебя.

— Хорошо, — улыбнулась я. — Не то чтобы я была какой-то жалкой слабой девчонкой, использующей тебя в качестве опоры или защитного покрывала.

— Эй, — сказал он, нежно беря меня за подбородок. — В последние полтора месяца ты была моей опорой. Давала мне все, что потребуется, когда только могла. Мы можем рассчитывать на поддержку друг друга, Тыковка. Все в порядке.

— Спасибо.

Он выдохнул и опустил плечи.

— Тебе спасибо.

Нет, ну правда, это было нелепо — какой ужасной я обрисовала эту ситуацию в своей голове. Но я могла бы убивать драконов, пока он на моей стороне. Без всяких сомнений. Я встала ровнее, сделала глубокий вдох.

— Я в порядке.

— Да, в порядке. Придут все твои друзья. Каждый из них прикроет тебя, Энн, — сказал он. — Это будет самый лучший день перед Днем Благодарения из всех.

Сам День Благодарения мы проведем у его старшей сестры в Айдахо. Лори умерла вскоре после того, как мы прилетели в Кер-д'Ален на следующий день после нашего воссоединения. Ее смерть очень сильно ударила по Малу. Он до сих пор не отошел, но больше не всаживал кулак в стены и не уничтожал каждую ночь по бутылке «Джека Дэниелса». Иногда он замолкал и уходил в себя. Но всегда возвращался ко мне.

— Ты сможешь это сделать, — сказал он. И я ему поверила.

Он открыл дверь, за ней стояли Лиззи с мамой. Мама осторожно мне улыбнулась. В ее волосах морковного цвета было больше седины, чем я помнила, а выражение лица смягчали морщинки. Если на то пошло, то выглядела она куда более нервничающей, чем я, судя по тому, как она крепко перед собой сцепила пальцы.

— Привет, мам, — я шагнула вперед, почти поцеловала ее в щеку, но не совсем. Но дело к тому шло. Может, в следующий раз. — Мам, это Мал. Мал, это моя мама, Джен.

— Здравствуйте, Джен. Приятно с Вами познакомиться, — Мал подался вперед, чтобы поприветствовать ее. Но он так и не выпустил моей руки.

По лицу матери пробежало беспокойство, когда она увидела Мала. Однако когда они обменялись любезностями, ее слова были вполне себе милыми. Все будет хорошо. Мы это переживем. Потому что, по правде говоря, у меня была хорошая жизнь. Да и была такой до того, как в нее вошел Мал. А сейчас она стала даже лучше. Астрономически лучше. Если мы с мамой сможем двинуться дальше и построим в некоем роде нормальные отношения, то это будет здорово. Если нет — ничего страшного, переживу.

— Мам, пошли, посмотрим их квартиру. Она великолепна. Мал купил ее для Энн на ее день рождения, — Лиззи подмигнула мне, ведя маму мимо нас в квартиру. Давая мне тем самым возможность перевести дыхание, благослови ее боже.

Мне безумно повезло, потому что наш дом был вне сомнений великолепным. Пол был покрыт очень классной, немного блестящей черной итальянской плиткой. У нас были чисто белые стены и серая со вставками бирюзы мебель. Несмотря на одинаковую планировку,

здесь витала иная атмосфера, нежели у Дэвида и Эв. Которые, кстати, были замечательными соседями. Они обожали приглядывать за Киллером. Или, по крайней мере, обожала Эв. Дэвид до сих пор испытывал некоторое негодование на мою собачку за то, что она пожевала один, а может и два, кожаных ремня для гитары и помочилась на их ковер. Некоторые слишком заикливаются на осуждении.

Мал с Дэвидом часто зависали вместе, а Бен и Джимми метались между своими домами и нашими квартирами. Семья «Стейдж Дайв» даже не моргнула на мое появление. За что я была безмерно благодарна. Они даже проследили за тем, чтобы Лиззи чувствовала себя желанным гостем. Хотя ее не прекращающаяся влюбленность в Бена до сих пор не давала мне покоя.

— Мам, зацени размер их ванной, — голос Лиззи дрейфовал по коридору вместе со словами восхищения, что произносила мать в ответ. Это была большая ванная. И мы с Малом использовали ее по полной. Я вообще с трудом вспоминала о старой ванной на ножках из прежней квартиры.

— Все хорошо? — тихо спросил он меня, не обращая внимания на то, как Киллер царапал когтями его обтянутую джинсами ногу.

— Да, — я подняла голову, чтобы посмотреть на него, и обхватила его шею рукой. Без единого слова он наклонился, прижал свои губы к моим и дал мне все, что можно, и даже больше. К тому моменту, как закончился поцелуй, у меня сбилось дыхание, и я залилась краской.

— А ну-ка завязывайте, — простонал Бен, размахивая рукой с букетом ярких цветов. — У вас же гости, ради всего, мать его, святого.

— Оу-у, как мило. Бенни, ты принес мне цветы? — спросил Мал, вода вверх и вниз рукой по моей спине.

— Черт, нет. Цветы я принес твоей горячей девушке, — он вручил тяжелую связку цветов в мои протянутые руки.

— Спасибо, Бен, — улыбнулась я, купившись на чары.

— Точнее, твоей горячей девушке и ее столь же горячей маленькой сестренке.

Я испепелила его взглядом.

Большой парень улыбнулся. Вот же возмутитель спокойствия.

— А где все остальные? — спросил Бен. Он взял Киллера на руки и сел на край дивана, затем включил телевизор. Одной рукой он переключал каналы, другой умудрялся дразнить моего щенка. Вскоре воздух наполнил безумный щенячий лай, шелканье пастью и рык. Киллер обожал Мала, но Бен не далеко ушел в списке собачьих привязанностей.

— Они скоро будут, — сказал Мал.

— Слышали, что Лина увольняется?

Я чуть не подпрыгнула.

— Что? Нет. Когда?

— Узнали пару дней назад. Джимми негодует.

Мал присвистнул, но обошелся без дальнейшего комментария. Его взгляд метнулся к коридору, где мама с Лиззи заканчивали свою экскурсию по достопримечательностям дома.

— Быстро, — сказал Мал, приближая свое лицо к моему.

— Что?

— Это.

Он накрыл мой рот поцелуем, проскальзывая в него языком. Вот же глупый, взял и

поцеловал меня взапас. Что бы там не сморозил Бен, я пропустила это мимо ушей. Был важен только поцелуй Мала. Его руки обхватили мою попу, массируя пальцами. Внутри все встрепенулось и чувства обострились. К тому времени, как он отстранился, мои губы были влажными и скорее всего внизу дела обстояли точно также. Ушло много времени, чтобы совладать с дыханием.

— Не мог сделать этого на глазах у твоей матери, — пояснил он. — У-упс. Я походу размазал твой блеск для губ. Даже больше, чем в прошлый раз. Прости.

— Оно того стоило.

— Неужели? — спросил он; тепло, ласка и сотня других вещей сияли в его прекрасных зеленых глазах.

— О, да. Ты ведь лучший, — улыбнулась я в ответ.

— Прием, Тыковка. Конечно я такой!

Больше книг на сайте — Knigolub.net

БЛАГОДАРНОСТИ

Любые рифмы к песням были написаны с любезного разрешения от «Совет Икс-Рэй Рекорд Клуб». Узнать больше об этой группе вы можете на сайте: www.sovietxrayrecordclub.com

Огромное спасибо моему обалденному агенту Эми Танненбаум, моему сверхчудесному редактору Розе Хиллиард из «Прессы Св. Мартина», Кейт, Хэйли, Даниэль и каждому из «Макмиллан Австралия» (вы круты), всем из «Макмиллан Великобритания», и Джоел Марку с Тарой из «Моментума». А также, спасибо Чейсу, каждому из «Рокстар Пиар» и «Литературных Услуг» за всю ту тяжелую работу, которую вам довелось проделать.

Большое спасибо моей бете и королевам в области критики: Джо (ты не такая плохая, какой я тебя обычноставляю, по большей части), Сали Бенбоу-Пауэрс, Кэндал Райан и Хан Ли. Время, которое вы тратите, и та забота, что преподносите мне в своих честных мнениях о книге, всегда высоко мною ценятся.

Спасибо моим друзьям Джоанне Уайлд, Ким Карр, Кэти Эванс, Ким Джонс и Рен Карлино за богатство здравогомыслия и поддержку, которые вы мне оказали.

Спасибо всем блогерам и читателям, особенно Dear Author, Jen и Gitte из Totally Booked, Aestas, Наташе Book Junkie, Maryse, The Rock Stars of Romance, Smut Book Club, Shh Mom Reading, Up All Night Book Blog, Smexy Books, The Book Pushers, Twinsie Talk, Book Chatte Cath, Katrina, Dawn, Under the Covers, Kaetrin, Amber, Angie, Lori и всем моим фанаткам. Не сомневаюсь, что забыла упомянуть несколько действительно важных людей, которые были добрыми и оказывали поддержку. Примите мои извинения и позвольте поблагодарить вас от всей души. Если бы я только могла преподнести всем вам на Рождество подарок в виде вашей персональной рок-звезды.

notes

героиня ссылается на сериал «Сумеречная зона», якобы в которой происходят события, которые не доступны обычному человеческому сознанию.

чаксы (англ. Chucks) — кеды Chuck Taylor All-Star (также «кóнверсы», Converse All-Star) — знаменитые кеды фирмы «Converse», которую основал Маркус Миллс Конверс (англ. Marquis Mills Converse) в 1908 году.

Доксы — Dr.Martens (Docs; Doc Martens) — Высокие ботинки на шнурках из обувной серии фирмы AirWair Ltd.

«Роковое влечение» — американский захватывающий триллер, который вышел на экраны 1987 году.

Halo — многомиллиардная медиафраншиза научно-фантастических видеоигр в жанре FPS, созданная Bungie Studios и издаваемая Microsoft Game Studios.

Тапас (исп. tapas, мн.ч., от слова tapa — крышка) — в Испании любая закуска, подаваемая в баре к пиву или вину. Это могут быть как орешки, чипсы или маслины, так и самостоятельные блюда (например, «пинчо моруно», шашлык из свинины, или «пинчос доносттаррас» в Сан-Себастьяне — множество различных холодных и горячих закусок).

AMEX — премиальная карта American Express (прим. пер.)

Безумцы — сериал, сюжет которого разворачивается в 1960-е годы о работе вымышленного рекламного агентства в Нью-Йорке.

«Чужой» (англ. *Alien*) — научно-фантастический фильм ужасов режиссёра Ридли Скотта.

Халк (Доктор Роберт Брюс Бэннер; англ. Hulk, Dr. Robert Bruce Banner) — супергерой появляющийся в изданиях Marvel Comics. Созданный Стэном Ли и Джеком Кирби, он впервые появился в комиксе The Incredible Hulk («Невероятный Халк») #1 (май 1962 г.).

фут — около 30,5 см (прим. пер).

Фред Астер — американский актёр, танцор, хореограф и певец, звезда Голливуда, один из величайших мастеров музыкального жанра в кино, обладатель Оскара, Золотого глобуса, Премии Эмми.

в «Роковом влечении» героиня, которая преследовала героя, убила его любимого кролика
— прим. пер.

Яйца Бенедикт — блюдо на завтрак, представляющее собой бутерброд из двух половинок английского кекса с яйцами пашот, ветчиной или беконом и голландским соусом. Популярно в Соединенных Штатах Америки.

роуди — помощник группы, ответственный за погрузку и выгрузку аппаратуры во время концертов и гастролей; также (иногда) гастрольный менеджер группы.

около 0,61 м — прим. пер.

Джон Генри Бонэм — британский барабаник, участник группы Led Zeppelin, за время игры в которой стал одним из величайших и влиятельнейших ударников в рок-музыке.

Ли Керслейк — английский музыкант, барабанищик. Известен участием в таких группах, как The Gods, Toe Fat, Head Machine, National Head Band и Uriah Heep.

Брэдли Дж. Уилк — американский барабанищик. Наиболее известен как участник групп Rage Against the Machine и Audioslave.

Дэвид (Дэйв) Эрик Грол — американский рок-музыкант и автор песен. Наиболее известен как барабанищик рок-группы Nirvana.

Кер-д'Ален — крупнейший и главный город округа Кутеней, штат Айдахо, США

«Бенсон» — старинный отель, расположенный в центре Портленда — прим. пер.

«Джой Дивижн» — британская рок-группа, образовавшаяся в 1976 году; является одними из ведущих коллективов пост-панка — прим. пер.

Гикори, или Кария — род деревьев семейства Ореховые. «Гикори», или «хикори» — индейское название ореха.

«Зильдян» — *The Avedis Zildjian Company* — производитель ударных музыкальных инструментов.

Саундчек (англ. Soundcheck) — процесс настройки звукового оборудования и аппаратуры, а также проверка звука перед началом мероприятия.